

Алексей Матвеевич Позднеев и его

ВОСТОЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

В.Е. Войтов
Н.А. Тихменёва-Позднеева

Музыкальные инструменты

Белая Тара (Екатерининский портрет)

Сандяловый Будда (Цзандан-цзы)

Стоящий бодхисаттва (Цзоксоху-дури)

Ваджрадхара

Люй Дунбинь – даосский бессмертный

Ваджрапани

Ваджраварахи

Лхамо

Амитаяс

Пурбу и лотос

Алтарные металлические предметы

Гухьясамаджа

Кумир на лошади

Коронование Рамы

Ракташула Вайшравана

Будда Амида

Ваджравидарани

Кадильницы

Макаравактра Дакини

1-й Панчен-лама (Рун-са)

Чаша «капала»

Алтарный сосуд с крышкой

Будда Шакьямуни

Манджушри

Хастивахана-Самантабhadра

Экадшамукха Авалокитешвара

Сьбурган

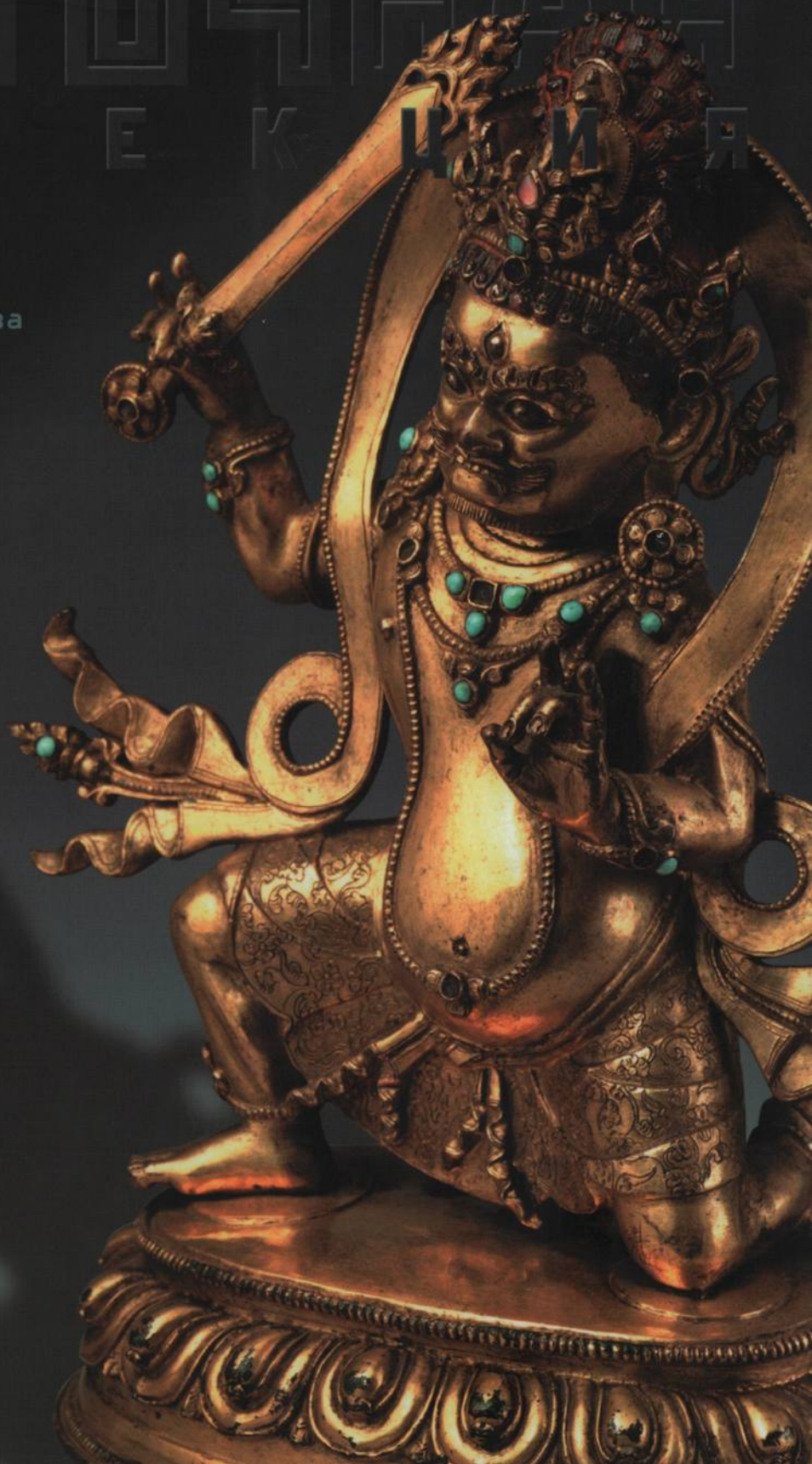
Миларепа

Самьяра с шакти

Мифологический сюжет

2-й Джэвцин-дамба-хутухта

Лиссиан-Данча-Динми

ПОЗДНЕЕВ Алексей Матвеевич (1851—1920), видный российский востоковед. Профессор Санкт-Петербургского Императорского университета, Почетный член Королевского Нидерландского Географического общества, председатель научного отдела Императорского Русского Археологического общества.

Автор известных монографий «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» (1887), «Монголия и монголы» (1896—1898), трудился над переводом на калмыцкий язык «Нового Завета», первая часть которого вышла в 1887 г. Составил калмыцкую хрестоматию (1892) и первый «Калмыцко-русский словарь для начальных школ» (1911), а также учебники для монгольских школ.

В ходе экспедиций собрал уникальную коллекцию предметов буддийского культа, книг, икон, одежды, задуманную им как пособие по буддийскому пантеону и символике северного буддизма. Коллекция сохраняет большое научное значение и включает, наряду с известными, многие редкие по иконографии изображения.

Алексей Матвеевич Позднеев. 1892

В.Е. Войтов, Н.А. Тихменёва-Позднеева

АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ ПОЗДНЕЕВ И ЕГО ВОСТОЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Алексей Матвеевич Позднеев родился 27 сентября 1851 года в г. Орле в семье священника. В 1875 г. Позднеев окончил университет и за работу «Материалы для истории Тибета» был утвержден в звание кандидата. В том же году для приготовления к профессорскому званию его направили в Монголию в составе экспедиции знаменитого русского ученого и путешественника Т.Н. Петанова. Позднеев собрал богатую коллекцию рукописей и печатных изданий, в том числе много монгольских, тибетских, китайских, японских, индийских, персидских, арабских, европейских рукописей, а также много монгольских, тибетских, китайских, японских, индийских, персидских, арабских, европейских печатных изданий. В 1876 г. Позднеев окончил университет и за работу «Материалы для истории Тибета» был утвержден в звание кандидата. В том же году для приготовления к профессорскому званию его направили в Монголию в составе экспедиции знаменитого русского ученого и путешественника Т.Н. Петанова. Позднеев собрал богатую коллекцию рукописей и печатных изданий, в том числе много монгольских, тибетских, китайских, японских, индийских, персидских, арабских, европейских рукописей, а также много монгольских, тибетских, китайских, японских, индийских, персидских, арабских, европейских печатных изданий. В 1876 г. Позднеев окончил университет и за работу «Материалы для истории Тибета» был утвержден в звание кандидата. В том же году для приготовления к профессорскому званию его направили в Монголию в составе экспедиции знаменитого русского ученого и путешественника Т.Н. Петанова. Позднеев собрал богатую коллекцию рукописей и печатных изданий, в том числе много монгольских, тибетских, китайских, японских, индийских, персидских, арабских, европейских рукописей, а также много монгольских, тибетских, китайских, японских, индийских, персидских, арабских, европейских печатных изданий.

Самара

Издательский дом «Агни»

2001

ISBN 5-89850-044-8

ББК 85.101
В65

*Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Государственного музея Востока*

*Авторы выражают сердечную признательность
Самарскому художественному музею за помощь
в подготовке издания*

Ответственный редактор *Э.Н. Никитина*
Научный редактор *С.Н. Воробьёва*

Реставраторы: *В.Л. Филатов (зав. отделом), В.С. Журавлёв,
А.Б. Лопаткин, Л.М. Рыбакова, О.Д. Строганова, Д.Л. Хмелёв*

Фото: *Е.И. Желтов, П.А. Воробьёв, А.Н. Сериков*

Оформление *У.С. Горожанкина*

Войтов В.Е., Тихменёва-Позднеева Н.А.

В65

Алексей Матвеевич Позднеев и его восточная коллекция. — Самара:
Агни, 2001. — 180 с.: ил.

ISBN 5-89850-044-8

А.М. Позднеев (1851—1920) — выдающийся русский востоковед, крупный монголо-вед, буддолог, автор книг «Монголия и монголы», «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» и др. — оставил огромное научное наследие, особое место в котором занимает богатейшая коллекция буддийской скульптуры и икон.

Книга рассказывает о жизни и основных исследованиях А.М. Позднеева, об истории создания его коллекции.

Впервые публикуется полный каталог скульптуры, входившей в коллекцию А.М. Позднеева, и архивные документы, рассказывающие о ее непростой судьбе. На цветных иллюстрациях представлены предметы из коллекции А.М. Позднеева, хранящиеся в Государственном музее Востока и Самарском художественном музее.

Книга будет полезна всем, кто интересуется буддизмом, в частности ламаизмом, и буддийским искусством.

ББК 85.101

ISBN 5-89850-044-8

© В.Е. Войтов, Н.А. Тихменёва-Позднеева,
вступительная статья, составление, 2001
© ООО «Издательский дом «Агни»,
обработка изображений, оформление, 2001

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Алексей Матвеевич Позднеев родился 27 сентября 1851 года* в г. Орле в семье священника. Юношей окончил духовную семинарию. Увлечшись идеей миссионерской деятельности русских священников в странах Азии, поступил на факультет восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета, где его учителями были известные ученые — В.П. Васильев, К.Ф. Голстунский... Еще в студенческие годы Алексей увлекся китайской, маньчжурской и, в особенности, монгольской словесностью; часто ездил в Калмыкию собирать фольклорные материалы.

В 1876 г. Позднеев окончил университет и за работу «Материалы для истории Тибета» был утвержден в звании кандидата. В том же году для приготовления к профессорскому званию его направили в Монголию в составе экспедиции знаменитого русского ученого и путешественника Г.Н. Потанина, однако после двух лет работы в поле молодой ученый испросил разрешение о продлении командировки еще на полтора года. За время этой поездки ему удалось собрать для библиотеки университета 972 тома монгольских рукописей и печатных изданий, по материалам которых он вскоре опубликовал несколько монографических исследований¹.

В 1881 г. Алексей Матвеевич по конкурсу, объявленному среди европейских ориенталистов, был избран ответственным редактором изданий Британского Библейского общества на монгольском, китайском и маньчжурском языках. В течение ряда лет трудился над переводом «Нового Завета» на калмыцкий язык, первая часть которого была издана уже в 1887 году².

В 1883 г. он защитил докторскую диссертацию³, а в 1886 г. был утвержден ординарным профессором университета по кафедре монгольской и калмыцкой словесности. Приступив к преподаванию, профессор Позднеев впервые в университетской практике ввел в курс своих лекций чтение монгольских светских, бытовых

* Все даты до Октябрьской революции 1917 г. приводятся здесь и далее по старому стилю. — Примеч. авт.

и художественных произведений, а также официальных бумаг юридического и административного делопроизводства с подробными комментариями к ним. Также первым он применил в изучении монголо-калмыцкой грамматики разработанный им метод, основанный на заучивании не слогов, а отдельных звуков и звуковых сочетаний⁴. Кроме того, Алексей Матвеевич первым в России начал читать курс лекций по истории монгольской литературы.

С 1886 по 1892 гг. профессор Позднеев состоял секретарем факультета восточных языков и нередко исполнял обязанности декана.

В 1887 г. он опубликовал капитальный труд «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии...»⁵, за который Императорское Русское Географическое общество присудило ему одну из своих высших наград — Константиновскую медаль, а Королевское Нидерландское Географическое общество избрало своим Почетным членом. А.М. Позднеев принимал активное участие в работе Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества, в котором состоял председателем научного отдела.

При всей этой сверхчеловеческой научной, педагогической и общественной нагрузке Алексей Матвеевич продолжал заниматься проблемами просвещения детей калмыков, ездил в командировки с целью изучения учебного дела в улусных школах, изучал историю русско-калмыцких школ и составил краткую историческую справку о развитии школьного обучения в Калмыкии. В 1892 г. он составил и издал первую в России калмыцкую хрестоматию, выдержавшую еще два издания в начале XX века⁶. Долгие годы Позднеев работал над составлением калмыцко-русского словаря для учащихся начальных школ, изданного только в 1911 году⁷. За создание учебных пособий для монгольских детей правительство Монголии присвоило ему звание Цзюнь-вана (князя второй степени) с пожалованием почетного знака «Эрдэни-очир», украшенного рубинами.

С 1889 г. в университете на Алексея Матвеевича было дополнительно возложено преподавание маньчжурской словесности.

В 1892 г. сорокалетний профессор отправился в свою вторую экспедицию по Монголии и Китаю, которая длилась полтора года. В одном из отчетов, регулярно отправлявшихся им начальнику Азиатского отдела МИД России графу Д.А. Капнисту, он, в частности, писал:

Милостивый Государь

Граф Дмитрий Алексеевич!

Совершая свое путешествие по Монголии и Китаю, я не мог ограничиться исключительно личными наблюдениями и изучением

надлежащих стран Востока, но старался также собрать коллекцию для ознакомления России как с физическим состоянием, так равно этнографией и литературою этих стран. Таким образом, мною приобретено до 400 томов различных сочинений на языках китайском, монгольском и маньчжурском; собрана большая коллекция бурханов, или изображений буддийских божеств; добыты многочисленные принадлежности буддийского культа, каковы: ламские одежды, кумиренные пелены, покрывала кумиров; приобретены некоторые костюмы, деревянные и глиняные модели зданий и орудий; в дороге мною собирались образцы гобийских камней, глины, известковых почв и проч.

С разрешения г. Посланника нашего в Пекине все эти вещи препровождены будут в Министерство Иностранных Дел за казенными печатями частью Императорской Миссии в Пекине, а частью — Ургинского Консульства. Ныне я имею честь покорнейше просить распоряжений Вашего Сиятельства, чтобы означенные коллекции мои, имеющие быть полученными в Министерстве, хранились бы в оном впредь до моего прибытия или же были бы переданы для такого же хранения под расписку Императорскому Санкт-Петербургскому университету.

С совершенным почтением и глубочайшею преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою
А. Позднеев

31 марта 1893 г., Калган⁸.

В октябре 1893 г. он возвратился в Санкт-Петербург и на торжественном заседании Географического общества в зале Государственной Думы сделал блестящий отчет о своей поездке. Подводя итоги экспедиции, Алексей Матвеевич отметил, что им был пройден маршрут в 9000 км по торговым путям Монголии и Северного Китая, во время которого добыты материалы для изучения административного и военного устройства этих стран, составлены подробные замечания по истории всех княжеских родов монголов, собраны интересные сведения по археологии, этнографии и истории развития русской торговли в этом регионе, приобретены для библиотеки университета подлинные бумаги административных управлений, китайские, монгольские и маньчжурские рукописные и печатные сочинения (820 книг), драгоценнейшая уйгуро-монгольская грамота XVI в., «а лично для себя и своих занятий со студентами...» была собрана коллекция «в 150 буддийских кумиров и других принадлежностей буддийского культа»⁹.

Тяжелая поездка по Китаю и Монголии не только не принесла Алексею Матвеевичу материальных благ или чинов, но, напротив, существенно пошатнула финансовое положение его семьи. Помимо отпущенных на экспедицию средств, он истратил 1425 рублей личных сбережений и такую же сумму недополучил за время отсутствия в университете в качестве профессора и секретаря факультета.

Все полученные в поле материалы Алексей Матвеевич обработал и изложил в семи рукописных томах, однако опубликованы были только два тома дневников под названием «Монголия и монголы»¹⁰, впоследствии переизданные в Берлине и Токио. К сожалению, главная часть этого великого труда остается практически неизвестной специалистам и всем тем, кто интересуется историей, экономикой, филологией и культурой Центральной Азии.

В 1894 г. профессора Позднеева пригласили читать курс лекций по коммерческой географии Дальнего Востока в Высших специальных классах Министерства торговли и промышленности, а вскоре привлекли к разработке проекта «Положения о Восточном институте», который предполагалось открыть на Дальнем Востоке. Правительство России нуждалось в высококвалифицированных кадрах для торговой, финансовой и других видов деятельности в этом регионе, а А.М. Позднеев считал развитие экономических отношений со странами Дальнего Востока крайне важным и перспективным для отечественной экономики и был тогда, пожалуй, одним из наиболее подготовленных специалистов в этой области.

9 июня 1899 г. Алексей Матвеевич был утвержден директором Восточного института, обосновавшегося во Владивостоке. Таким образом, он получил возможность претворить в жизнь свои самые смелые научные и педагогические идеи. Ему была предоставлена полная свобода действий, обеспечена материальная и моральная поддержка во всех начинаниях как в правительственных кругах, так и в российском обществе, особенно на Дальнем Востоке. Без такой дружной поддержки усилия одного энтузиаста вряд ли могли быть столь успешными. Уезжая во Владивосток, он забрал из Петербурга свои коллекции и библиотеку, поскольку считал их главными пособиями в преподавании.

На посту директора Восточного института профессор Позднеев проработал четыре года, что позволило ему сделать первый выпуск студентов, но в декабре 1903 г. он был назначен членом Совета при министре народного просвещения и отозван в столицу. Общественность Владивостока и коллектив Восточного института трогательно проводили Алексея Матвеевича и учредили в его честь две именные стипендии: одну — от преподавателей, другую — от горожан-меценатов.

Членом Совета А.М. Позднеев состоял до 18 июля 1917 г., пока тот не упразднило Временное правительство.

Этот период жизни Алексея Матвеевича ознаменовался очень важным для него событием. Он вступил во второй брак, благодаря которому наконец-то стал отцом. По этому поводу он отмечал: *«Я — семьянин по природе; самоотречение — стихия моей души, и для меня немыслима жизнь без заботы о будущих днях и поколениях. Весь свой труд я готов отдать людям мне близким, а кто может быть ближе собственных детей? И отсутствие их было всегдашним моим несчастьем»*¹¹.

Все эти годы Позднеев проводил огромную работу, осуществляя контроль и руководство всеми учебными заведениями Восточной Сибири, а также Монголии. В 1905 г. при Императорском обществе Востоковедения по его инициативе были открыты Курсы востоковедения, которые в 1910 г. по его же проекту были преобразованы в Практическую восточную академию. Автор замысла был директором и профессором обоих этих учебных заведений.

Видимо, тогда же Алексей Матвеевич опубликовал небольшую научно-популярную брошюру «Ламайские кумиры, или статуи божеств». Эта книжечка из 11 страниц должна была, по его представлению, служить учебным пособием для студентов, своего рода пояснительным материалом к его коллекции. В ней весьма кратко и общедоступно излагалась суть учения буддизма, в частности, одного из его позднейших направлений — ламаизма, а основная часть этой работы посвящена описанию различных разрядов божеств обширного ламаистского пантеона и некоторых предметов храмового богослужения. Тираж брошюры был небольшим, и очевидно, что уже тогда она являлась библиографической редкостью¹².

Как и в прежние годы, Алексей Матвеевич продолжал уделять внимание созданию учебных пособий для калмыцких, бурятских и монгольских школ. В 1916 г. он закончил перевод с монгольского «Учебника тибетской медицины» в четырех томах, но издать смог лишь первый том. В сентябре 1917 г. он вновь приступил к чтению лекций в Петроградском университете, однако преподавательская деятельность здесь длилась недолго.

Дальнейшая жизнь Алексея Матвеевича складывалась так же драматично, как жизни и судьбы многих ученых в России того времени. Научная и техническая интеллигенция как всегда оказалась наименее приспособленной ко всякого рода переустройствам в периоды политических смут и разрушения устоявшегося жизненного уклада.

Спасая свою большую семью (жену и пятеро детей от 4 до 14 лет) от голода, профессор Позднеев уехал из Петрограда на Дон, оставив коллекцию и библиотеку в своей квартире на Васильевском острове. Университет оформил ему научную командировку в Астраханскую и Ставропольскую губернии до 1 июля 1919 г.

Вскоре по приезде Позднеевых в Новочеркасск, где тогда жила семья его среднего брата Владимира, власть в городе на некоторое время перешла в руки белых. Они провозгласили Донскую область независимой, учредили Донское правительство и даже предложили Алексею Матвеевичу занять в нем министерский пост, на что он ответил категорическим отказом. Много лет спустя его старший сын Алексей писал: «...отца никто не заподозрил бы в принадлежности к коммунистам, но все же неприятности могли бы последовать»¹³. Нужны были средства к существованию, но никаких сбережений у семьи не было, а пенсию в 3600 рублей, назначенную профессору Позднееву еще Временным правительством, Донское правительство перестало выплачивать.

В это время в Ростове-на-Дону находился эвакуированный из Варшавы университет, который вскоре был переименован в Донской. Здесь при историко-филологическом факультете с 1919/1920 учебного года предполагалось учредить кафедру монгольско-калмыцкой словесности, причем на должность заведующего кафедрой профессор П.И. Митрофанов рекомендовал А.М. Позднеева. В мае 1919 г. он баллотировался в совете Донского университета, был утвержден в должности заведующего Отделом народного просвещения, а с 1 июня занял должность ординарного профессора.

Получить квартиру рядом с университетом не представилось возможности, поэтому Алексей Матвеевич был вынужден ездить на работу из Новочеркасска в Ростов, что для 68-летнего человека было очень утомительно, да и небезопасно в то тяжелое время. В конце 1919 г. пожилой профессор и его дети переболели сыпным тифом. «Весь этот год (притом первый в Донском университете) был для меня каким-то злосчастливым, не давшим возможность исполнить... солидную работу», — писал тогда Алексей Матвеевич ректору университета¹⁴.

В 1920 г. белых прогнали с Дона. Профессор Позднеев переехал в Ростов и начал преподавать в университете, расставшись на время со своей семьей. Однако в мае он опять заболел — «острым воспалением желудочно-кишечного тракта»¹⁵, которое перенес весьма тяжело. В этот период, как утверждают историки науки, «гражданская война и разнообразные эпидемии (главным образом, сыпной и брюшной тифы) сильно отразились на составе научных работников Дона. Из научного персонала Донского университета скончались 15 профессоров и ряд преподавателей»¹⁶.

В июле 1920 г. он написал ректору: «Содержание, выданное университетом деньгами, которые были аннулированы еще декретом 29 июня и которых 1 июля уже никто не принимал, привело к тому, что сегодня я проснулся буквально без пищи, даже без куска черного хлеба, хотя и имею 3000 рублей. Сегодня на базаре

черный хлеб на советские деньги продается по 65 руб. за фунт, а на Донские по 100 руб., по тем же ценам Донские деньги и меняются на советские»¹⁷.

Несмотря на все жизненные невзгоды, Алексей Матвеевич не позволял себе даже мысли продать коллекцию, приняв твердое решение подарить ее своему учебному заведению. Он обратился в Наркомпрос, на попечении которого оставил свою старую квартиру, с просьбой: «...в Петрограде у меня остались мои собственные: а) библиотека как европейских, так и оригинальных китайских, монгольских, маньчжурских и калмыцких произведений; б) большая коллекция буддийских и ламайских бурханов или божеств, предметов религиозного культа монголо-калмыков и других наглядных пособий для изучения быта помянутых народов. Библиотека и коллекция эти составлялись мною более сорока лет и служили мне постоянными пособиями при занятиях со студентами как в бытность мою профессором Петроградского университета, так равно директором и профессором Восточного института в г. Владивостоке... имею честь покорнейше просить Комиссариат Народного Просвещения почтить меня уведомлением, находятся ли теперь в Петрограде в квартире моей (Васильевский остров, Средний проспект, д. 6, кв. 2) и в целости вышеописанные мои библиотека и музей, и если нет, то откуда именно мог бы получить их теперь Донской университет с целью придания им свойственного им назначения служить ученым и учебными пособиями для гг. профессоров и студентов?»¹⁸. Ответа из Наркомпроса ученый так и не дождался.

О последних месяцах и днях жизни отца Алексей Алексеевич писал: «Летом 1920 года отец лежал в больнице в Ростове. Мама к нему ездила два-три раза. В конце сентября из Ростова позвонили, что отец выписывается из больницы и просит за ним приехать. Мама послала меня. Я нашел отца в больнице, помог ему одеться, и мы вдвоем направились в дом бывшего купца Кошкина, где отца встретили с огромным увлечением и очень приветливо. Это было 29 сентября. Нам отвели богато обставленную комнату. Когда мы улеглись спать, я слышал, как, лежа в постели, отец пел ирмосы Великопостной службы на 8-й глас: «Колеснице гонителя фараона», «Житейское море», а также скандировал большие отрывки из «Канона Андрея Критского» и напевал «Помощник и Покровитель». Под это пение я и заснул. На рассвете я проснулся от грохота. Вскочив, увидел отца, только что упавшего с высокой постели. Я перепугался, разбудил людей. Вызвали врача, но ему оказалось... нечего делать»¹⁹.

Обеспечение похорон профессора Позднеева взял на себя Донской университет. Из Новочеркасска в Ростов приехали жена Вера Николаевна и дочь Анна. На похоронах присутствовало много преподавателей и студентов. В официальном сообщении о его кончине говорилось: «Панихида на скончавшегося профессора

Алексея Матвеевича Позднеева состоится 1-го сего октября в 11 ч. утра (по новому времени). Вынос тела в собор (на старом базаре) сегодня же после вечерни в 5 часов. Отпевание завтра 2-го октября после ранней обедни в соборе, которая начнется в 7 часов утра, погребение на Покровском кладбище»²⁰.

Спустя годы Вера Николаевна Позднеева безуспешно пыталась разыскать могилу мужа, однако место погребения этого выдающегося подвижника науки и народного просвещения до сих пор остается неизвестным. К этому печальному факту следует добавить, что и могила самой Веры Николаевны, умершей в блокадном Ленинграде, также навсегда утеряна для ее родных и близких.

Дом, в котором жила семья А.М. Позднеева
Санкт-Петербург, Васильевский остров,
Средний проспект, дом 6
Фото В.Е. Войтова. Март 1998

Отец А.М. Позднеева —
Матвей Автономович Позднеев
(28.07.1816–10.10.1892)
Протоиерей Орловской городской церкви,
член Орловской духовной консистории, учитель
церковно-библейской истории, старший кандидат
Кон. XIX в.

Семейная фотография Подневых

В первом ряду (слева направо): Софья Матвеевна (21.07.1866 — умерла в США в октябре 1943),

Вера Матвеевна (08.10.1862—17.03.1920);

во втором ряду: Надежда Матвеевна (24.08.1846—05.05.1919), Анна Дмитриевна — жена Матвея Автономовича (08.07.1828—20.11.1906),

Матвей Автономович, Ольга Константиновна — урожденная Голстунская, первая жена Алексея Матвеевича (умерла в 1920); Алексей Матвеевич;

в третьем ряду: Владимир Матвеевич (02.05.1860—10.03.1929), Евгения Матвеевна (17.12.1852—17.05.1924), Дмитрий Матвеевич (26.01.1865 — расстрелян 30.10.1937)

Июль—август 1881

Фото сделано вскоре после свадьбы Алексея Матвеевича и Ольги Константиновны

Фото сделано вскоре после свадьбы Алексея Матвеевича и Ольги Константиновны

Вера Николаевна Подневая (слева)

и ее сестра Александра Николаевна Нимвицкая
Нач. 1910-х

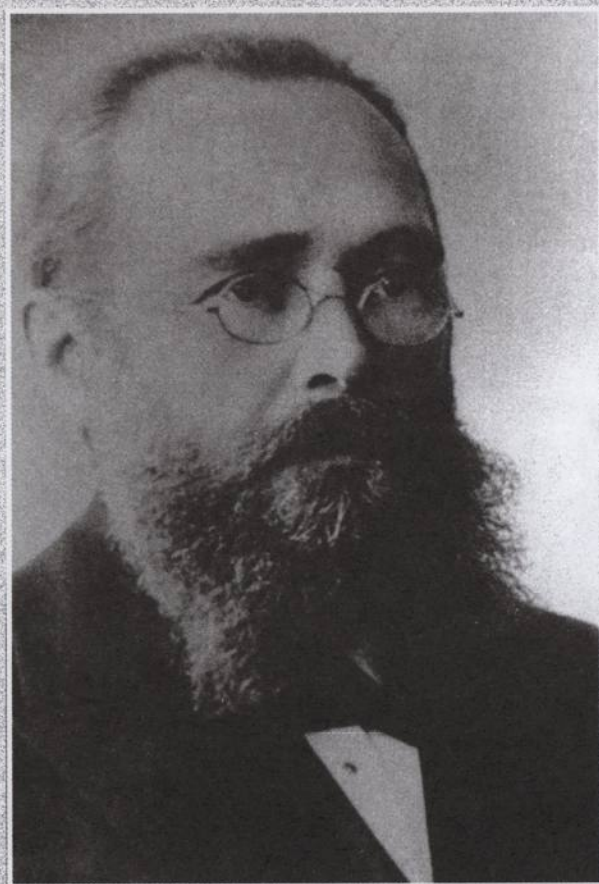
Дети А.М. Позднева (слева направо):
Алексей, Анна, Дмитрий, Александра. 1912

В первом ряду (слева направо): Александра Николаевна Нимвицкая,
Алеша (старший сын А.М. Позднева), Матвей Владимирович (племянник),
неизвестная с Анной (дочерью А.М. Позднева) на руках;
во втором ряду: неизвестная, Александр Владимирович (племянник),
неизвестная и неизвестный, Алексей Матвеевич с Александрой и Дмитрием
на руках, Вера Николаевна. 1912–1913

На даче. 1910–1911

Алексей Матвеевич Позднесв. 1910-е

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА КОЛЛЕКЦИИ

В декабре 1920 г. племянник А.М. Позднеева Александр Владимирович, побывавший в Новочеркасске у родителей, писал в Орел сестре Позднеева — Евгении Матвеевне: *«Живется нашим трудно, особенно после пяти смертей за это время... Жизнь обычная: продажа старья, иногда с голоданием, ныне в довольно холодной атмосфере, в связи с полным отсутствием угля... Вера Николаевна с детьми живет отдельно, она служит в инженерной дистанции, дети учатся»*²¹.

В 1921 г. семья Позднеевых вернулась в Петроград. Ее материальное положение по-прежнему оставалось очень тяжелым, и Вера Николаевна стала думать о продаже коллекции мужа, судьба которой так беспокоила его даже в последние месяцы жизни. Другой племянник Алексея Матвеевича — Матвей Владимирович — в одном из писем отцу упоминал: *«Был на Острове [Васильевском острове. — В.В.] у Веры Николаевны, они живут очень скромно. Вера Николаевна собирается продавать коллекцию бурханов. Кажется, ее покупают»*²².

Три месяца спустя он так описывал среднему брату А.М. Позднеева — Владимиру Матвеевичу свои визиты к родственникам: *«В четверг — у дяди Мити [младшего брата Алексея Матвеевича. — В.В.], Верушке исполнилось 16 лет. В субботу — на Острове у Анички [старшей дочери Алексея Матвеевича. — В.В.], ей тоже 16 лет. Вера Николаевна лежит в больнице и чувствует себя очень плохо, выглядит и того хуже...»*²³. А в конце года в очередном послании отцу Матвей Владимирович отметил: *«Был несколько раз на Острове. Вера Николаевна больна, лежит в гипсовой повязке, у нее туберкулез, она очень плохо выглядит. Алеша [ее старший сын. — В.В.] учится в Университете, а Аничка хозяйничает дома. Митя [младший сын. — В.В.] тоже дома. Шура и Люба [младшие дочери. — В.В.] живут в интернате. Аничка стала уже совсем взрослой и живет барышней. Вера Николаевна просила переслать ей сюда дядины книги, которые остались*

в корзинке у Покровских. Кажется, он жил у Кутыревых. Там должен находиться 4-й том «Монголии и монголов» о ламаизме. Сделайте это, если есть возможность...»²⁴.

Очевидно, сама Вера Николаевна или кто-то из ее знакомых попросили академика С.Ф. Ольденбурга дать научную экспертную оценку коллекции Алексея Матвеевича. В его записке от 16 февраля 1923 г. говорится: «Собрание предметов культа, составленное проф. А.М. Позднеевым во время его многолетних поездок среди монголов, бурят и калмыков, в главной своей части обнимает около 300 статуэток и обнимает собою значительную часть буддийского пантеона. Большая часть статуэток монгольской, китайской и тибетской работы, есть некоторые, м. б., и непальские. Среди статуэток т. н. ламайского типа есть некоторые т. н. фантастического типа китайской работы. Статуэтки этого рода появились в европейских собраниях в большом количестве сравнительно поздно, после разгрома китайских дворцов и храмов. Хорошие образцы редки и потому чрезвычайно ценны... Для вновь образуемого музея собрание проф. Позднеева может составить чрезвычайно ценный основной фонд по значительному разнообразию заключенных в нем изображений. Почти все находящиеся в нем изображения легко определяются, и специалисту будет нетрудно составить хороший каталог этого собрания. Нельзя не пожелать, чтобы собрание не раздробливалось и попало бы целиком или в один из государственных музеев, или, во всяком случае, в надежные руки» (Д. 1926/2, л. 43)²⁵.

Лишь в 1925 г. Вера Николаевна обратилась в Главнауку Наркомпроса с предложением выкупить у нее собрание Алексея Матвеевича и определить его в один из музеев по своему усмотрению.

К этому времени в Москве уже давно принимал посетителей музей «Ars Asiatica», созданный в октябре 1918 г. постановлением президиума Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР. Поначалу музею было отведено помещение «в доме бывш. Гиршмана, что у Красных ворот», однако оно оказалось непригодным для этих целей. Тогда ему выделили два запасных помещения в здании Исторического музея на Красной площади, куда он переселился в начале 1919 г. и уже в сентябре здесь в двух залах открыл свою первую экспозицию.

В 1921 г. Наркомпрос принял новое решение о переводе музея «Ars Asiatica» в здание Вхутемаса, переезд туда состоялся в середине 1922 — начале 1923 г. Весной 1924 г. здесь была открыта выставка «Искусство Востока», скромные доходы от которой в ноябре этого года сотрудники музея перечислили в фонд помощи пострадавшим от наводнения жителям Ленинграда.

5 мая 1925 г. распоряжением Главнауки Музею восточных культур было предоставлено здание бывшей Цветковской галереи, расположенное на Кропоткинской набережной в доме № 29, недалеко от Храма Христа Спасителя и Музея изящных искусств, и один из домов по Курсовому переулку. Именно сюда полтора года спустя поступила коллекция А.М. Позднеева. В сентябре 1925 г. музей «Ars Asiatica» был переименован в Музей восточных культур, и это название он сохранял до 1962 г.

В конце 1925 г. Вера Николаевна предложила Комиссии Главнауки по музейным приобретениям выкупить коллекцию ее мужа. Однако «цена, запрошенная владельцем, была значительной и повергла дирекцию музея в сомнение, стоит ли она, эта коллекция, такой большой суммы. Решили снова обратиться за консультацией к С.Ф. Ольденбургу, ответ от которого пришел незамедлительно: «коллекцию приобретать немедленно, указанная цена минимальна по сравнению с ценностью входящих в нее произведений искусства» (Д. 1926/2).

11 марта 1926 г. на заседании правления музея Б.П. Денике попросил «разрешить ему командировку на средства Музея в Ленинград для отборки вещей для Музея Восточных Культур в Ленинградском фонде и осмотра коллекции Позднеевой» и уже 30 марта, «докладывая о своей командировке в Ленинград, сообщает, что им была осмотрена коллекция Позднеевой, и он нашел ее приемлемой для Музея, и предлагает возбудить ходатайство о передаче ее в Музей Восточных Культур, по приобретении ее Главнаукой». Правление музея постановило «возбудить ходатайство о передаче этой коллекции в Музей Восточных Культур» (Архив ГМВ, 1926, кор. 2, оп. 1, д. 2, л. 126, 136, 14а)²⁶.

17 июня Комиссия Главнауки по музейным приобретениям вновь рассмотрела «заявление гр-ки Позднеевой о приобретении у нее коллекции буддийских ценностей за 15 000 руб.» и постановила: «Выплату в 15 000 руб. считать в настоящее время для Главнауки непосильной. Предложить владельце за коллекцию сумму в 10 000 руб. при условии выплаты в течение 3-х лет» (Архив ГМВ, 1926, оп. 1, д. 4, л. 22).

16 июля Б.П. Денике сообщил о приобретении коллекции Главнаукой на заседании правления музея (Архив ГМВ, 1926, кор. 2, оп. 1, д. 2, л. 22).

18 августа в музей поступил список 305 предметов из этого собрания, и уже в начале сентября Отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР заключил с Верой Николаевной договор купли-продажи коллекции за 15 тысяч рублей, с выплатой этой суммы «в течение пяти лет, по 3 тысячи рублей в год по кварталам», начиная с 1 октября 1926 г. (Д. 1926/2, л. 97). Кроме того, 24 августа от Веры Николаевны поступила дарственная еще на «300 ламайских кумиров на шелку», которые не вошли в основную опись коллекции (Д. 1927/3, л. 26)²⁷. Так начался новый этап жизни

собрания, во многом повторивший драматическую судьбу своего собирателя в последние годы его жизни.

5 октября Ф.В. Гогель сообщил членам правления, «что в связи с окончанием переезда Музея в помещение б. Цветковской галереи была произведена и ведется интенсивная работа по разборке и систематизации перевезенных коллекций. Кроме того, ввиду полученных из Ленинграда двух значительных партий музейных памятников (из Ленинградского музейного фонда 24 ящика и коллекции Позднеева 11 ящиков), была произведена разборка, инвентаризация и систематизация [только. — В.В.] первой из названных партий» (Архив ГМВ, 1926, кор. 2, оп. 1, д. 2, л. 24).

В октябре 1926 г. в Музее восточных культур был организован отдел Среднего Востока, выделенный из уже существовавшего здесь отдела Ближнего Востока, в сферу научных и выставочных интересов которого вошли материалы по искусству и материальной культуре Индии, Афганистана, Монголии и Тибета. Спустя несколько месяцев после этого ученый секретарь музея В.Н. Кацауров отметил, что «отдел Среднего Востока был занят обработкой поступившей в Музей по постановлению Главнауки весьма ценной коллекции известного ориенталиста-монголоведа проф. А.М. Позднеева. Коллекция состоит из 305 номеров и представляет большую научную ценность»*.

30 ноября на заседании правления Б.П. Денике представил план размещения новых экспозиций к предстоящему открытию музея в здании бывшей Цветковской галереи. В частности, он отметил, что «наибольшие трудности возникают с вопросом об использовании вестибюля. Необходимо выставить б. коллекцию Позднеева, но, так как она займет лишь часть вестибюля, возникает вопрос... об отнесении коллекции к одному из отделов. По точному смыслу «Положения [о Музее. — В.В.]» она должна быть отнесена к отделу Дальнего Востока».

По этому поводу между заведующими научными отделами развернулась острая дискуссия. «Ф.В. Гогель, подчеркивая, что до сих пор коллекция считалась, по заявлению Б.П. Денике, входящей в отдел Среднего Востока, отмечает, что б. коллекция Позднеева для него, как заведующего отделом Дальнего Востока, является совершенно новой, научная обработка коллекции займет слишком много времени, и принять на себя ответственность за научный характер ее экспозиции он не считает возможным... И.Н. Бороздин [заведующий отделом Советского Востока. — В.В.], указывая на сложный характер вопроса, предлагает выставить коллекцию Позднеева, не относя ее временно ни к одному из отделов... Б.П. Денике, указывая на трудности, возникающие при практической работе (например, инвентаризации) и на не-

* Культура Востока. Вып. 1. М., 1927. С. 39.

обходимость в зависимости от того или иного решения вопроса соответствующего использования вестибюля, настаивает на решении вопроса об отнесении б. коллекции Позднеева к тому или иному отделу. Ф.В. Гогель доказывает практическую необходимость временного сохранения существующего положения. В.А. Гурко-Кряжин [заведующий кабинетом Революционного движения в странах Востока. — В.В.] указывает на невозможность отнесения б. коллекции Позднеева к отделу Советского Востока. И.Н. Бороздин обосновывает возможность выставления б. коллекции Позднеева как таковой в качестве крупного приобретения Главнауки. Б.П. Денике присоединяется к мнению И.Н. Бороздина».

В конечном счете правление постановило: «Принять в целом план экспозиции, предложенный Б.П. Денике. Разработку вопроса об экспозиции б. коллекции Позднеева передать в комиссию в составе: Б.П. Денике, Ф.В. Гогеля, А.С. Стрелкова» (Архив ГМВ, 1926, кор. 2, оп. 1, д. 2, л. 34 а-б).

В начале 1927 г. эта коллекция была записана в первую «Книгу прихода научного инвентаря» (КП) музея под порядковыми номерами 1–305, в которой номера описи А.М. Позднеева и номера книги прихода соответствовали друг другу.

4 января 1927 г. на заседании правления «Б.П. Денике делает информационный доклад о работе с коллекцией Позднеева, указывая, что единственной причиной, несколько тормозящей возможность немедленного устройства выставки, является задержка в изготовлении витрин, которые будут готовы к 27 января» (Архив ГМВ, 1927, кор. 2, оп. 1, д. 5, л. 16).

18 января он снова сообщает, что «из двух заказанных для б. коллекции Позднеева витрин к концу января будет готова лишь одна, а вторая будет готова в начале февраля, указывая, однако, что в случае необходимости для открытия можно будет использовать одну из имеющихся витрин, временно приспособив ее для выставки». Правление музея постановило: «Учитывая недостаточность средств... с одной стороны, и ряд организационных затруднений, с другой, отсрочить открытие Музея, предложив закончить все подготовительные работы к 6 февраля» (Архив ГМВ, 1927, кор. 2, оп. 1, д. 5, л. 2а).

«Ко дню открытия Музея в новом помещении [27 февраля 1927 г. — В.В.] А.С. Стрелков закончил экспозицию названной коллекции, причем таковая была произведена согласно и применительно к требованиям буддийской (тибетской) иконографии» (Архив ГМВ, 1926–1927, кор. 1, оп. 1, д. 4, л. 326 и 36а)²⁸. Это была первая и единственная в истории Музея Востока выставка собрания А.М. Позднеева, для которой была написана и издана тиражом в 1000 экземпляров «листочка-путеводитель»²⁹.

14 июня на заседании правления музея Б.П. Денике представил «ходатайство научного сотрудника А.С. Стрелкова о разрешении ему командировки в Ленинград

для продолжения работ по обработке б. коллекции Позднеева», на что он получил разрешение (Архив ГМВ, 1927, кор. 2, оп. 1, д. 5, л. 43)³⁰.

25 января 1928 г. состоялось заседание заведующих научными отделами музея, на повестке дня которого стоял вопрос о выделении экспонатов для отдела Среднего Востока. Ф.В. Гогель напомнил собравшимся, «что Б.П. Денике в свое время отказывался от включения коллекции Позднеева в отдел Среднего Востока». И.Н. Бороздин, отмечая, «что прения обнаруживают частично тенденцию к рассмотрению формальных моментов... подчеркивает преимущественную важность разрешения практических вопросов, ибо задачей настоящего собрания является дать отделу Среднего Востока возможность приступить к реальной работе, для чего нужно выделить памятники... Б.П. Денике просит о временном выделении для Отдела еще некоторых других памятников для дополнения б. коллекции Позднеева, над которой, главным образом, работает Отдел. Ф.В. Гогель, отмечая крайнюю пестроту коллекции Позднеева, в которую, по его мнению, входят памятники... подлежащие ведению нескольких отделов, в том числе и отдела Советского Востока (бурятские памятники), предлагает ограничиться передачей памятников, не вызывающих никаких возражений... Постановили: передать из отдела Ближнего Востока в отдел Среднего Востока индийскую скульптуру, керамику, бронзу и ткани, ковры Белуджистана и Афганистана. Для проработки спорных вопросов (коллекция Позднеева, миниатюры, ковры Китайского Туркестана, памятники Монголии и Тибета и др.) избрать комиссию...» (Архив ГМВ, 1928, кор. 2, оп. 1, д. 5, л. 186–19а).

6 марта на заседании Ученого совета, посвященном итогам деятельности музея за предыдущий год, Б.П. Денике в докладе о работе отдела Среднего Востока, отметил, «что работа его концентрировалась, главным образом, вокруг научной и экспозиционной обработки б. коллекции Позднеева (свыше 300 номеров), порученной отделу Правлением [Музея. — В.В.]. Отделом была организована частичная выставка этой коллекции и выпущен специальный путеводитель. В настоящее время Правлением одобрен план открытия этой выставки в пополненном виде, подготовкой к которой Отдел и занят...» (Архив ГМВ, 1928, кор. 2, оп. 1, д. 5, л. 316).

В докладе о работе музея за 1927–1929 гг., представленном в Главнауку в марте 1930 г., новый директор музея Я.Г. Лидак, в частности, отмечал: «Анализ экспозиции отдела Среднего Востока, произведенный по поручению Просветбюро представителем в Бюро от Комакадемии и доложенный на заседании Бюро от 23 ноября 1928 г. [см. Приложение 3. — В.В.], показал, что по выставке Отдела по ламаизму приходится сразу отметить ее абсолютно неприемлемое состояние». И далее: «нужно сделать вывод, что экспозиция и обработка материала и его, наконец, популяризация были произведены без всякого учета запросов посетителей музеев и при полном

игнорировании историко-социологических моментов. Точно так же никак не вскрыта производственная сторона данных художественных памятников». Далее: «путеводитель по выставке лишь углубляет отмеченные недостатки»... Анализ говорит: «В том виде, в каком сейчас существует экспозиция, — она не выполняет своего назначения». Выводы анализа: «Выставка по ламаизму... — по экспозиции, научной обработке и популяризации материала совершенно неудовлетворительна. Она не отвечает тем массово-просветительским задачам, которые стоят перед Музеем, и значительно снижает общий уровень Музея». Далее: «выставку по ламаизму в том виде, как она есть, целесообразнее всего было бы свернуть». Бюро постановило — выставку отдела Среднего Востока свернуть.

Постановлением коллегии Главнауки от 7 февраля 1929 г. отдел Среднего Востока ликвидирован (Архив ГМВ, 1927–1929, кор. 2, арх. 18, д. 5, л. 12а). Я.Г. Лидак объяснил это решение «исправлением искривлений в линии работы Музея», т. к. состав отдела, «его научная и просветительная работа себя совершенно не оправдывали... Коллекции Отдела насчитывали всего 82 предмета, а 305 предметов [собрания Позднеева. — В.В.] находились в нем временно; научной работы в Отделе не велось. Остальные части Музея все время проявляли интенсивную деятельность, и существование их оправдывается как с точки зрения идеологии, так и конкретной их работы» (Архив ГМВ, 1927–1929, кор. 2, арх. 18, д. 5, л. 36).

Устройство выставки произведений религиозного искусства без обязательной для того времени критической оценки его не отвечало программной целеустановке ВКП(б) и сыграло роковую роль в жизни А.С. Стрелкова³¹.

13 марта 1929 г. состоялась передача всех дел и коллекций Музея восточных культур от его бывшего директора Б.П. Денике специальной комиссии в лице нового руководства. При передаче коллекции А.М. Позднеева оказалось, что «279 предметов имеют номера, отвечающие описи. Остальные 23 предмета номеров не имеют и не идентифицированы со следующими №№ описи: 45, 54, 70, 122, 123, 146, 161, 162, 163, 181, 184, 188, 190, 212, 214, 237, 238, 239, 249, 283, 286, 290, 305 кп. Сдается всего 302 предмета и 41 фрагмент, являющиеся частями предметов или их обломками, и одна пачка курительных свечей. Таким образом, по описи оказались не найденными №№ 47, 87 и 195 [опечатка, утрачен № 198 кп. — В.В.], т. е. медная чашка, маленькая деревянная фигурка и «корейский лев» из темной бронзы. Из материалов, относящихся к обработке коллекции, передано 10 карточек» (Д. 1929/5, л. 41).

К октябрю 1929 г. все музейные экспонаты, документация и оборудование были упакованы почти в 300 ящиков для перевозки в новое здание по ул. Воронцово поле, 16 (в перестраиваемую для нужд Музея восточных культур Церковь Илии

Пророка). Они были вывезены на хранение в Нескучный дворец, особняк, расположенный по адресу: Большая Калужская улица, дом 30. Согласно сохранившимся упаковочным спискам ящиков № 83–91, 181, 216–217, коллекция А.М. Позднеева была записана не под инвентарными номерами, а под номерами книги поступлений, но поскольку на многих экспонатах не сохранились этикетки, их записывали в по-ящичные описи как безномерные.

5 февраля 1930 г. Наркомпрос направил документ «Всем директорам Московских и Ленинградских музеев» с категоричным требованием, вскоре негативно повлиявшим на целостность коллекций Музея восточных культур: «На основании распоряжения Наркома Просвещения тов. Бубнова Вам надлежит проверить из имеющихся у Вас в запасах Музея, что может быть выделено для снабжения дубликатами Ленинградских и Московских Домов культуры. О результатах Вашего осмотра просьба срочно уведомить Главнауку» (Д. 1930/6, л. 1). Есть основания полагать, что масса текущих дел, связанных с подготовкой к переезду в новое здание, не позволила дирекции музея вплотную заняться этим вопросом. Так, например, 11–16 марта была проведена выборочная проверка состояния сохранности упакованных экспонатов, в том числе 50 из коллекции А.М. Позднеева в ящике № 217, после чего «означенные вещи были уложены в те же ящики» (там же, л. 7–8). К началу сентября в отделе Советского Востока завершилась передача инвентарных книг, папок с документацией и картотеки ламаистской коллекции новому хранителю отдела В.Н. Чепелеву (там же, л. 35).

16 декабря 1930 г. в адреса шести московских музеев Наркомпрос направил повторную директиву: «Представить в ближайший срок дополнительные картотеки на запасные фонды коллекций, подлежащих распределению по провинциальным музеям» (там же, л. 111). 23 декабря заместитель директора музея Ф.В. Гогель ответил по инстанции, что «коллекции Музея свернуты с осени 1929 года, почему выделений в запасные фонды для провинциальных музеев еще не производилось. По разворачивании коллекций Музеем запасный фонд будет выделен, причем, ввиду отсутствия дублетов в целом ряде коллекций, это выделение, главным образом, будет состоять из экспедиционного материала, где дублеты имеются. При этом нужно отметить, что при прежнем руководстве Музеем экспедиционный материал в своем большинстве привозился без всякой научной документации, и его научная ценность подлежит тщательной проверке» (там же, л. 112).

Хотя первая попытка вышестоящей организации по-своему распорядиться судьбой музейных фондов сорвалась по объективной причине, идея пополнения провинциальных музеев и домов культуры произведениями восточного искусства была уже делом решенным, и осуществление ее лишь отодвигалось во времени.

Регулярные передачи экспонатов из фондов Музея восточных культур, заносившихся в особые списки «под литерой Б», начались с лета 1934 г. В конце концов вопрос о Дублетном фонде решился формально. В первую очередь, в него вошли непрофильные для Музея изделия западноевропейских и русских мастеров, неразобранные коллекции, отдельные вещи, требовавшие сложной реставрации или не представлявшие художественной ценности, а также множество уникальных произведений восточных живописцев и графиков, резчиков по дереву, камню и кости, литейщиков, ювелиров, ткачей, выведенных по неясным причинам из состава основного инвентаря.

28 мая 1931 г. отдел Дальнего Востока «закончил внеочередную инвентаризацию коллекции по ламаизму» (Д. 1931/7, л. 26), связанную с планируемым на следующий год открытием постоянной экспозиции, а уже 3 июня «отдел Советского Востока передал... для выставки «Отражение религии в искусстве Дальнего Востока» коллекцию предметов культа», в том числе 63 экспоната из собрания А.М. Позднеева (там же, л. 29–30).

Окончательная распаковка, размещение по фондам, сверка наличия и сохранности экспонатов производились летом 1932 г. (Д. 1932/8, л. 21–67), после чего «все находившиеся в 9 ящиках предметы из коллекции Позднеева были переданы в отдел Дальнего Востока» (Д. 1932/9, л. 70–72). К сожалению, при этом 21 августа из залов, где происходили работы, были «похищены полотенце крымское и буддийская статуэтка» (35 кп) из собрания Алексея Матвеевича (там же, л. 73).

1 октября 1932 г. отдел Дальнего Востока принял на постоянное хранение «ламайскую коллекцию в количестве 303 экспонатов, из которых 193 номера приняты при вскрытии 9 ящиков и 30 без номеров. Всего было принято 223 ламайских экспоната, числятся по списку Позднеева 305 экспонатов, по Книге № 3 заинвентаризованных 151 экспонат. Из указанного числа ламайской коллекции сдано и принято 151 экспонат заинвентаризованных, 128 незаинвентаризованных (частью определены названия и большей частью не определены названия) и у 24 экспонатов названия совершенно не определены. Всего сданными и принятыми оказались 303 экспоната. Из ламайской коллекции в Отдел принято 223 экспоната. Остальные числятся за отделом Советского Востока» (там же, л. 97).

19 февраля 1933 г. документы научного инвентаря отдела Дальнего Востока, в том числе по списку «предметов из ламайской коллекции Позднеева, не внесенных в инвентарь Отдела», были переданы ученому секретарю музея Б.В. Веймарну. В приложенном к акту передачи списке № 1 отмечены восемь скульптур из папье-маше и дерева (113–120 кп), «попорченных жучком-вредителем» (Д. 1933/12, л. 2 и 57).

17 июня 1933 г. заведующий единым фондом хранения музея М.М. Попов принял на материально ответственное хранение научный инвентарь отдела Дальнего Востока. Из коллекции А.М. Позднеева в нем числились: «151 предмет, не занесенные в инвентарь Отдела, и 149 — занесенных в инвентарь и не вошедших в общее число принятых по инвентарю. Согласно описи ламаистских кумиров, в наличии нет №№ 35, 47, 87, 198 и 237». Он также принял «320 печатных бурханов», подаренных В.Н. Позднеевой (там же, л. 1).

В октябре 1933 г. в музее закончилась первая апробация изделий из драгоценных металлов. В результате проверки оказалось, что представленные на определение скульптура «Белая Тара» (3711 I) и алтарная чашечка (3875 I) не были, как полагал А.М. Позднеев, изготовлены из серебра (там же, л. 33). 26 декабря этого года, «ввиду окончания проверки научного инвентаря Музея по инвентарным книгам отделов», было решено списать «как пропавшие» иконы 3630 I и 3631 I (там же, л. 67).

В сентябре — ноябре 1934 г. в музее работала комиссия по сверке научного инвентаря отдела хранения, в итоговом акте которой от 29 ноября по отделу Дальнего Востока было отмечено:

«1. Из не занесенных в инвентарь ОДВ вещей части коллекции Позднеева не найдены при настоящей проверке следующие номера по Книге Поступлений № 1: 3, 11, 12, 54, 136, 157, 169, 190, 217, 273, 249, 295, 298. При этом имеются две статуэтки металлические без номеров ламайских персонажей.

Примечание: При приеме тов. Поповым уже не хватало №№ 35, 47, 87, 198, 237...

3. Имеется налицо 320 печатных бурханов, указанных в Акте приема от 17.06.1933 г.» (Д. 1934/16, л. 26–3а).

В декабре 1934 г. заведующий отделом хранения Дальнего Востока С.И. Тюляев составил «Объяснительную записку» к вышеупомянутому акту, где, в частности, отметил, что коллекция А.М. Позднеева «до сих пор не разобрана по-настоящему. Проверять ее было очень трудно, номера не все ясны. Как правило, эти вещи не имеют художественного значения. При этом две статуэтки, найденные без номеров, очевидно, из этой же коллекции. Считаю, что вообще следует пригласить специалиста для определения ламаистской коллекции и ее инвентаризации в одной книге... Коллекция ламаизма не определена до конца и записана по трем разным книгам: Книге Поступлений № 1, инвентарю отдела Советского Востока и инвентарю отдела Дальнего Востока...» (там же, л. 2а–2б).

15 июня 1935 г. на совещании заведующих отделами музея было проведено актирование всех якобы утраченных экспонатов, «исходя из цен, по которым Музей обычно приобретает в настоящее время», в пределах от 2 до 5 рублей за предмет

(Д. 1935/19, л. 86). Впоследствии 11 из 13 экспонатов этого списка, а также две безномерные статуэтки были найдены и идентифицированы с соответствующими номерами, и только экспонаты 11 кп (музыкальная тарелка-цан) и 169 кп (алтарный сосуд-зула) так и не были обнаружены.

В 1938–1940 гг. в музее проводилась работа по составлению новых (ныне действующих) инвентарных книг, а прежние книги основных, научно-вспомогательных инвентарей и книги поступлений были списаны и уничтожены в первые дни войны.

По не зафиксированным в документах причинам угроза полного уничтожения нависла и над собранием А.М. Позднеева³². 17 сентября 1940 г. экспонаты 73 кп (3735 I), 74 кп (3736 I) и 124 кп (3826 I) были внесены в список «под литерой Б» «как дублетные... и не имеющие художественного значения» (Д. 1940/43, л. 8–9), а 8 мая 1941 г. был вынесен окончательный приговор всему собранию. В этот день дирекция и заведующие отделами музея составили акт о том, что ими «списывается из книги поступлений и из инвентарей отделов Советского и Дальнего Востока коллекция дальневосточных культовых предметов (коллекция принадлежала ранее Позднееву), как не имеющая художественной ценности и не нужная Государственному музею восточных культур», с припиской от руки: «как художественному музею» (там же, л. 111). На основании этого решения она подлежала занесению в Дублетный фонд с последующей передачей в другие музеи.

К началу Великой Отечественной войны все музейное собрание насчитывало более 15 тысяч единиц постоянного хранения. Помимо этого, в музее хранилась неразобранная пятитысячная коллекция произведений искусства стран Дальнего Востока, Центральной и Южной Азии, поступившая в конце 1940 г. из расформированного Музея народов СССР (бывшего Центрального музея народоведения), и сотни предметов научно-вспомогательного инвентаря (НВ), записанные в отдельные книги. В самые первые дни войны сотрудники музея начали готовить коллекции к эвакуации. В конце июля 1941 г. 1961 экспонат, в том числе иконы-танки из Монголии и Тибета, в 24 ящиках был отправлен в Новосибирск (Д. 1941/44, л. 1–31), а 1758 экспонатов в 29 ящиках и 18 рулонов ковров — в Соликамск (Д. 1941–1942/46, л. 1–46). В это время там расположились филиалы Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея. Из оставшихся в Москве 3041 экспонат был упакован в 47 ящиков, и их убрали в подвалы (Д. 1941–1942/45, л. 1–60), а остальные экспонаты, в том числе и из коллекции А.М. Позднеева, всю войну простояли в шкафах и на стеллажах фондохранилищ. В ноябре 1944–феврале 1945 гг. коллекции возвратились из эвакуации в свое здание на ул. Обуха, 16 (Д. 1944–1945/53, л. 1–22).

28 августа 1946 г. начальник Отдела музеев Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П.Н. Рябинкин, вскоре на долгие годы ставший директором Государственного музея восточных культур, в приказном порядке «разрешил» выдать Киргизскому музею изобразительных искусств 60 экспонатов, и уже на следующий день в музее был составлен соответствующий акт передачи обозначенного числа «дублетных» произведений искусства стран Дальнего Востока (Д. 1946/2, л. 2).

Образование Дублетного фонда повлекло за собой чудовищное по своим последствиям разорение всего музейного собрания, в первую очередь коллекций отделов Дальнего и Ближнего Востока. Укрываясь стандартными формулировками типа: «В целях пополнения коллекций провинциальных музеев произведениями восточного искусства», поступающими в форме приказов из Министерства культуры СССР, музей на протяжении двух десятков лет осуществлял непрерывную череду передач экспонатов. «Безвозмездная передача в постоянное пользование» многих тысяч произведений искусства в десятки центральных, областных и краеведческих музеев всех без исключения союзных республик пагубно сказалась на целостности отдельных больших и малых коллекций, подаренных собирателями, переданных из других организаций или купленных на выделявшиеся музею весьма скромные средства. Одной из первых удар был нанесен коллекции А.М. Позднеева, несмотря на не столь давнее пожелание С.Ф. Ольденбурга «не раздробливать» это ценное собрание.

15 ноября 1946 г.

Государственному музею изобразительных искусств Киргизской ССР (г. Фрунзе) выдано 60 экспонатов «искусства Дальнего Востока», из них 35 из собрания А.М. Позднеева: 2 кп, 4 кп, 10 кп, 23 кп, 27 кп, 71 кп, 76 кп, 77 кп, 78 кп, 83 кп, 85 кп, 86 кп, 88 кп, 101 кп, 103 кп, 104 кп, 121 кп, 124 кп, 126 кп, 133 кп, 144 кп, 155 кп, 166 кп, 173 кп, 189 кп, 214 кп, 220 кп, 227 кп, 233 кп, 234 кп, 258 кп, 284 кп, 289 кп, 295 кп, 296 кп (Д. 1946/2, л. 2–8).

Лишь 26 ноября 1946 г. в музее была действительно начата «Книга Дублетного фонда» (ДФ), первые 245 номеров в которой получили экспонаты собрания А.М. Позднеева³³, но во время инвентаризации фондов в начале 1947 г. 27 экспонатам из него были даны новые номера постоянного хранения — 6082–6106 I, 6119–6121 I.

12 июня 1948 г.

В Московское центральное художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское) передано 192 предмета, в том числе 14 из собрания А.М. Позднеева:

18 дф (249 кп), 28 дф (259 кп), 32 дф (256 кп), 37 дф (238 кп), 74 дф (127 кп), 77 дф (215 кп), 81 дф (72 кп), 83 дф (26 кп), 123 дф (183 кп), 159 дф (22 кп), 161 дф (175 кп), 173 дф (141 кп), 203 дф (171 кп), 222 дф (298 кп) (Д. 1948/2, акт № 2, л. 2–11).

15 января 1949 г.

Государственному историко-краеведческому музею Таджикской ССР (г. Сталинабад) «в порядке обмена» передано 18 экспонатов «по искусству стран Дальнего Востока», из них 4 из коллекции А.М. Позднеева: 46 дф (20 кп), 92 дф (246 кп), 197 дф (109 кп), 202 дф (172 кп) (Д. 1949/1, акт № 2, л. 2–5).

23 марта 1951 г.

Львовскому государственному музею художественной промышленности было передано 91 произведение «искусства народов Дальнего Востока», в том числе 17 из коллекции А.М. Позднеева: 47 дф (156 кп), 59 дф (38 кп), 82 дф (225 кп), 99 дф (250 кп), 120 дф (138 кп), 121 дф (241 кп), 130 дф (276 кп), 138 дф (36 кп), 156 дф (158 кп), 158 дф (160 кп), 169 дф (257 кп), 175 дф (240 кп), 180 дф (223 кп), 205 дф (3 кп), 213 дф (200 кп), 215 дф (202 кп), 227 дф (92 кп) (Д. 1951/2, акт 6/н, л. 1–8).

19 июля 1952 г.

Киевскому государственному музею западного и восточного искусства было передано 107 произведений «искусства современного Китая», из них 5 из собрания А.М. Позднеева: 68 дф (40 кп), 100 дф (93 кп), 105 дф (73 кп), 117 дф (139 кп), 186 дф (203 кп) (Д. 1952/2, акт № 3, л. 12–23).

31 июля 1952 г.

Государственному музею изобразительных искусств Грузинской ССР (г. Тбилиси) передано 67 экспонатов, среди которых 12 из коллекции А.М. Позднеева: 26 дф (31 кп), 66 дф (34 кп), 69 дф (232 кп), 71 дф (280 кп), 88 дф (242 кп), 97 дф (181 кп), 101 дф (187 кп), 102 дф (46 кп), 107 дф (50 кп), 110 дф (55 кп), 115 дф (135 кп), 6103 I (6 кп) (Д. 1952/2, акт № 4, л. 24–32).

9 сентября 1952 г.

Государственному музею изобразительных искусств Киргизской ССР (г. Фрунзе) дополнительно передано 150 экспонатов «восточного искусства», среди них 6 из коллекции А.М. Позднеева: 127 дф (222 кп), 233 дф (13 кп), 234 дф (15 кп), 236 дф (177 кп), 237 дф (176 кп), 245 дф (154 кп) (Д. 1952/2, акт № 6, л. 36–47).

16 ноября 1952 г.

Куйбышевскому городскому художественному музею передано 149 экспонатов «китайского изобразительного искусства», из них 28 из собрания А.М. Позднеева: 1 дф (122 кп), 12 дф (136 кп), 13 дф (305 кп), 40 дф (149 кп), 65 дф (260 кп), 85 дф (79 кп), 86 дф (205 кп), 95 дф (146 кп), 98 дф (69 кп), 103 дф (182 кп), 108 дф (56 кп), 111 дф (74 кп), 113 дф (90 кп), 118 дф (140 кп), 122 дф (185 кп), 124 дф (143 кп), 125 дф (43 кп), 174 дф (228 кп), 177 дф (112 кп), 179 дф (95 кп), 181 дф (63 кп), 184 дф (41 кп), 198 дф (206 кп), 207 дф (168 кп), 214 дф (201 кп), 223 дф (108 кп), 226 дф (110 кп), 243 дф (18 кп) (Д. 1952/2, акт № 7, л. 66–75).

27 июня 1953 г.

Государственному музею изобразительных искусств Латвийской ССР (г. Рига) передано 168 «произведений по искусству Китая, Тибета и Японии», среди них 10 из коллекции А.М. Позднеева: 19 дф (216 кп), 54 дф (129 кп), 58 дф (53 кп), 63 дф (28 кп), 75 дф (16 кп), 79 дф (25 кп), 96 дф (244 кп), 119 дф (211 кп), 172 дф (142 кп), 6106 I (9 кп) (Д. 1953/2, акт № 2, л. 4–13).

27 октября 1953 г.

Государственному музею изобразительных искусств Туркменской ССР (г. Ашхабад) было передано 59 произведений «изоискусства Китайской Народной Республики», в том числе 4 из коллекции А.М. Позднеева: 27 дф (98 кп), 61 дф (32 кп), 64 дф (252 кп), 70 дф (145 кп) (Д. 1953/2, акт № 3, л. 71–76).

28 октября 1953 г.

Сумскому государственному художественному музею передано 73 экспоната «современного Китая», среди них 6 из коллекции А.М. Позднеева: 2 дф (24 кп), 6 дф (1 кп), 43 дф (178 кп), 50 дф (231 кп), 62 дф (33 кп), 89 дф (212 кп) (Д. 1953/2, акт № 4, л. 82–87).

23 февраля 1954 г.

Каунасскому государственному художественному музею им. М.К. Чюрлениса, «в целях пополнения коллекции... произведениями восточного искусства», передано 144 предмета, из них 20 из коллекции А.М. Позднеева: 4 дф (226 кп), 17 дф (96 кп), 20 дф (97 кп), 21 дф (279 кп), 23 дф (39 кп), 30 дф (147 кп), 39 дф (151 кп), 41 дф (150 кп), 42 дф (152 кп), 60 дф (54 кп), 76 дф (57 кп), 87 дф (137 кп), 109 дф (186 кп), 116 дф (128 кп), 163 дф (184 кп), 189 дф (208 кп), 201 дф (294 кп), 208 дф (106 кп), 212 дф (199 кп), 225 дф (60 кп) (Д. 1954/2, акт № 1, л. 1–9).

22 августа 1954 г.

Якутскому музею изобразительных искусств передано 125 экспонатов прикладного искусства КНР, Японии и Западной Европы, из них 13 из коллекции А.М. Позднеева: 7 дф (188 кп), 11 дф (148 кп), 126 дф (297 кп), 140 дф (113 кп), 144 дф (264 кп), 151 дф (268 кп), 155 дф (157 кп), 157 дф (159 кп), 160 дф (292 кп), 162 дф (29 кп), 166 дф (102 кп), 168 дф (100 кп), 171 дф (207 кп) (Д. 1954/2, акт № 8, л. 51–57).

10 июля 1955 г.

Государственному музею изобразительных искусств Таджикской ССР им. Бехзада (г. Душанбе) передано 603 предмета, из них 14 из собрания А.М. Позднеева: 3 дф (290 кп), 8 дф (239 кп), 9 дф (132 кп), 15 дф (283 кп), 22 дф (285 кп), 34 дф (218 кп), 90 дф (243 кп), 128 дф (116 кп), 142 дф (263 кп), 178 дф (49 кп), 183 дф (209 кп), 187 дф (204 кп), 191 дф (161 кп), 195 дф (81 кп) (Д. 1955/2, акт № 2, л. 10–19).

27 октября 1955 г.

Горьковскому государственному художественному музею передано 56 произведений «прикладного искусства Китая, Тибета, Японии», среди которых 1 из коллекции А.М. Позднеева: 10 дф (190 кп) (Д. 1955/2, акт № 4, л. 23–25, 28–32).

25 июня 1956 г.

Ульяновскому государственному художественному музею было передано 95 предметов, среди них 2 из собрания А.М. Позднеева: 35 дф (217 кп), 48 дф (82 кп) (Д. 1956/2, акт 6/н, л. 51–59).

28 августа 1956 г.

Казахской государственной картинной галерее им. Т.Г. Шевченко (г. Алма-Ата) было передано 43 экспоната «китайского искусства», среди них 1 из коллекции А.М. Позднеева: 164 дф (235 кп) (Д. 1956/2, акт 6/н, л. 73–75).

4 сентября 1956 г.

Государственному музею изобразительных искусств Таджикской ССР им. Бехзада (г. Душанбе) дополнительно передан 41 экспонат, среди них 2 из коллекции А.М. Позднеева: 38 дф (111 кп), 84 дф (254 кп) (Д. 1956/2, акт 6/н, л. 83–85).

10 апреля 1960 г.

Каунасскому государственному художественному музею им. М.К. Чюрлениса дополнительно передано 88 экспонатов, в том числе 2 из коллекции А.М. Позднеева: 93 дф (248 кп), 106 дф (247 кп) (Д. 1960/2, акт № 7, л. 91–94).

9 августа 1960 г.

Акмолинскому областному краеведческому музею передано 174 экспоната «по Дальнему и Ближнему Востоку», из них 4 из коллекции А.М. Позднеева: 52 дф (134 кп), 134 дф (119 кп), 137 дф (37 кп), 154 дф (270 кп) (Д. 1960/2, ч. 2, акт № 12, л. 6–14).

10 октября 1963 г.

Чечено-Ингушскому музею изобразительных искусств (г. Грозный) во временное пользование сроком на три месяца выдано 52 экспоната, среди которых 9 из собрания А.М. Позднеева: 51 дф (131 кп), 55 дф (278 кп), 139 дф (224 кп), 152 дф (273 кп), 165 дф (99 кп), 167 дф (105 кп), 211 дф (48 кп), 242 дф (42 кп), 244 дф (19 кп). (Д. 1963/2). 9 марта 1964 г. все 52 предмета были закреплены за этим музеем на постоянное хранение (Д. 1964/2, акт № 4, л. 11–15).

30 октября 1963 г.

Луганскому художественному музею им. Артема передано 74 экспоната «прикладного искусства Дальнего Востока», в том числе 4 из коллекции А.М. Позднеева: 53 дф (153 кп), 78 дф (130 кп), 153 дф (265 кп), 210 дф (5 кп) (Д. 1963/2, акт № 4, л. 20–26).

27 февраля 1964 г.

Тульскому областному художественному музею передано 73 экспоната «прикладного искусства», в том числе 7 из собрания А.М. Позднеева: 45 дф (281 кп), 136 дф (118 кп), 142 дф (263 кп), 149 дф (275 кп), 185 дф (65 кп), 217 дф (194 кп), 224 дф (107 кп) (Д. 1964/2, акт № 1, л. 1–7).

16 октября 1964 г.

Львовской государственной картинной галерее передано 36 экспонатов, в их числе 2 из коллекции А.М. Позднеева: 36 дф (213 кп), 135 дф (120 кп) (Д. 1964/2, акт № 4, л. 20–29).

15 марта 1965 г.

Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации художественных ценностей (ВЦНИЛКР – ВНИИР – ГосНИИР)

передан 21 предмет. Эти экспонаты были «признаны не имеющими музейного художественного значения, не могут быть в силу этого переданы другому музею и, как не имеющие утилитарного значения, не могут быть переданы для реализации через базу Москуппромторга». Они предназначались для проведения «опытных реставрационных работ по металлу», т. е. со временем подлежали полному уничтожению. В их число вошли 13 экспонатов из коллекции А.М. Позднеева: 188 дф (64 кп), 190 дф (80 кп), 192 дф (162 кп), 206 дф (21 кп), 209 дф (70 кп), 216 дф (193 кп), 220 дф (197 кп), 221 дф (192 кп), 235 дф (12 кп), 238 дф (303/1 кп), 239 дф (303/2 кп), 240 дф (303/3 кп), 241 дф (303/4 кп) (Д. 1965/2, акт б/н, л. 9–11).

24 сентября 1965 г.

Рязанскому областному художественному музею передано 15 экспонатов, среди которых 2 из коллекции А.М. Позднеева: 145 дф (262 кп), 148 дф (272 кп) (Д. 1965/2, акт № 4, л. 13–17).

В ноябре 1966 г. 9 экспонатов из коллекции А.М. Позднеева, «записанные в разное время, начиная с 1946 г., в книгу Дублетного фонда и предназначенные для передачи другим музеям», — 31 дф, 80 дф, 112 дф, 131 дф, 141 дф, 146 дф, 150 дф, 170 дф, 176 дф — получили новые номера: 21070, 21072–21079 кп (Д. 1966/1, ч. 2, л. 105–107), а затем были записаны в научно-вспомогательный и основной инвентари (2992–2995, 3019, 3021–3022 нв-I, 4733 II).

10 мая 1967 г.

ЦК ВЛКСМ в лице заведующего Отделом строительства В. Иванова обратился в Музей с просьбой: «для оформления русско-японского фестиваля... передать экспонаты, утратившие ценность». Экспертной комиссией вскоре «были осмотрены экспонаты, поступившие в музей в разное время по Советскому, Ближнему и Дальнему Востоку», и группа из 83 произведений выдана ЦК ВЛКСМ «как не имеющая музейного художественного значения». Из этого числа 7 предметов относились к собранию А.М. Позднеева: 129 дф (117 кп), 132 дф (115 кп), 133 дф (114 кп), 147 дф (266 кп), 199 дф (45 кп), 204 дф (302 кп), 231 дф (301 кп) (Д. 1967/2, акт № 4, л. 12–31).

20 февраля 1969 г.

По особой просьбе республиканского Министерства культуры Музею атеизма Литовской ССР (г. Вильнюс) были переданы 4 экспоната, среди них 3 из коллекции А.М. Позднеева: 2993 нв-I (271 кп), 2994 нв-I (277 кп), 150 дф (274 кп) (Д. 1969/2, акт № 4, л. 4–7).

СОСТАВ КОЛЛЕКЦИИ

Во время многолетних научных путешествий и рабочих поездок по Калмыкии, Бурятии, Монголии, Северному Китаю и Дальнему Востоку А.М. Позднеев собрал большую и разнообразную коллекцию ламаистской скульптуры и живописи, музыкальных инструментов, культовых и бытовых изделий XV–XIX вв., полный состав которой, к сожалению, остается неизвестным. Следует подчеркнуть, что в описи 1926 г. в большинстве случаев отсутствуют указания на материал и страну изготовления того или иного предмета, персонажи пантеона определены не всегда достаточно конкретно, размеры, сохранность и место приобретения предметов не указаны совсем. Часть информации по атрибуции вещей удалось получить из актов передач, а встречающиеся в описи термины типа: «кумир древний», «кумир корейский», «кумир на лошади», «буддийский кумир» — при отсутствии в музее большинства этих скульптур — уточнялись по кратким описаниям персонажей в тех же актах. Русифицированные транскрипции тибетских имен божеств: Чук-дор-бар-ба, Паг-ма-дургар, Тантал-чжамбо, Ло-ма-чон-ма, Нгон-чжен-чжал-бо и т. д., в научной литературе чаще известных под их санскритскими именами, почти полностью восстановлены нами по определителям³⁴.

Антропоморфная и зооморфная скульптура составляла 77,5 % от общего числа предметов коллекции, из них: из металла — 138 экспонатов, дерева — 40, керамики и фаянса — 16, папье-маше — 10 и камня — 1 экспонат. Большое количество фигур из дерева и папье-маше (41 % от общего числа скульптуры) придавало этому частному собранию особую значимость, поскольку не многие собрания в то время обладали столь представительными и полными по набору персонажей коллекциями статуэток, выполненных из этих хрупких материалов.

В скульптурной части коллекции были представлены практически все разряды персонажей обширного ламаистского пантеона в их милостивых и гневных формах, а также некоторые буддийские, даосские и синтоистские божества стран Вос-

точной и Южной Азии. Это — «будды трех времен» и «будды исторические», бодхисаттвы, отцы церкви (учителя, проповедники, архаты, ламы), защитники веры (дхармапалы, идамы), хранители стран света (махараджи) и времен года (дакини), некоторые локальные божества.

Особый историко-художественный интерес среди них вызывает, пожалуй, большая бронзовая скульптура бодхисаттвы милосердия «Белая Тара» (Кат. 17), происхождению которой А.М. Позднеев посвятил особый раздел в своей брошюре.

К скульптурной части коллекции можно также отнести пять субурганов (*стуна, чайтья, чортэн*), представляющих собой модели архитектурных построек-реликвариев (Кат. 141, 142, 167, 228, 240), и три деревянных домашних алтарика с помещенными в них фигурками божеств (Кат. 222, 289, 297). Культовым предметом, без которого не обходилась театрализованная обрядовая церемония ламаистов — мистерия «цам», является маска из папье-маше (Кат. 3).

В описи 1926 года значились четыре живописные иконы-танки, выполненные минеральными красками на ткани (Кат. 294, 295, 296, 298)³⁵, две миниатюрные иконки-«цакли» помещались внутри нагрудной амулетницы (Кат. 219), но помимо них в коллекцию входило, как уже отмечалось, 320 небольших икон, написанных черной тушью на плотной белой шелковой ткани³⁶.

Непременным элементом ежедневных храмовых молебнов-«хуралов», праздничных религиозных шествий и танцев-«цам» ламаистов являются оркестры духовых и ударных инструментов. В коллекцию А.М. Позднеева вошли только некоторые малые формы: два гонга «харанга» (Кат. 176, 177), две литавры «цан» (Кат. 11, 12), три литавры «цэлын» (Кат. 13, 14, 15), парные тарелочки «дэншик» (Кат. 174), колокольчик «хонх» (Кат. 62), две прямые трубы «бишкур» (Кат. 6, 7), две изогнутые трубы «ганлин» (Кат. 8, 9) и две морские раковины «дун-бурэ» (Кат. 92, 164).

Группу ритуальных алтарных предметов в коллекции составляли: два трехгранных ножа «пурбу» из бронзы (Кат. 42) и дерева (Кат. 59), две «ваджры» из бронзы и белого металла (Кат. 61, 251), два молитвенных барабанчика «хурдэ» из листовой меди (Кат. 91, 154), медная подставка для курительных свечей «хучжийн-табюр» (Кат. 112), четыре алтарных украшения набора «семь драгоценностей» из меди (Кат. 18, 19, 78) и дерева (Кат. 125), четыре настольные курильницы «хучжийн-соба» (Кат. 109, 161, 162, 165)³⁷, сосуд для хранения пепла от ароматических сожжений (Кат. 110), две кадила «буйпур» (Кат. 89, 191), четыре чаши «капала» из меди (Кат. 49, 95), папье-маше (Кат. 293) и черепа человека (Кат. 223), бронзовый сосудик «генбе» (Кат. 45), два алтарных сосуда «цабья» (Кат. 107, 188), алтарный сосуд «бумба» (Кат. 66), десять латунных чашечек «цугц» (Кат. 48, 60,

75, 192–198), шесть чаш на высоких ножках «зула» (Кат. 63, 64, 65, 169, 179, 237) и шесть чашек из папье-маше, инкрустированных перламутром (Кат. 199–204).

К культовым принадлежностям относились также две низки молитвенных четок (Кат. 81, 170) и два бронзовых амулета (Кат. 80, 208). Группу бытовых предметов составляли: четыре стремени из железа и бронзы (Кат. 303/1–4), медная чернильница (Кат. 41) и две кольцевидные подставки под чаши «аяг», изготовленные из обшитого бисером картона (Кат. 209, 210).

Археологические материалы были представлены ножом и наконечником копья из бронзы (Кат. 304 и 302), датирующимися карасукской эпохой (XIV–IX вв. до н.э.).

Назначение ряда предметов коллекции не поддается точному определению. Возможно, «медная трубка» (Кат. 163) была или курительным прибором, или частью какого-то предмета, металлические цветы «цэцэк» (Кат. 229, 230) могли быть женскими заколками или алтарными украшениями, а три миниатюрные чашечки из камня — масляными светильниками или ювелирными тиглями (Кат. 299–301).

Таким образом, из 305 экспонатов коллекции А.М. Позднеева до музейных сворок наличия 1932–1935 гг. было утрачено 7 (Кат. 11, 35, 47, 87, 169, 198, 237), а в результате неоправданных «безвозмездных передач» в другие музеи 1948–1969 гг. она лишилась еще почти 85 % экспонатов. В настоящее время в Музее находится 49 предметов коллекции; местонахождение 8 установить не удалось (Кат. 44, 163, 165, 169, 179, 229, 230, 293).

Благороднейшим актом понимания необходимости сохранения авторских коллекций стало возвращение сотрудниками Рязанского областного художественного музея в 1994 г. двух скульптур из собрания А.М. Позднеева (Кат. 262, 272). Авторы и коллектив Государственного музея Востока выражают им свою глубочайшую признательность. Особую благодарность приносим А.Г. Сенниковой и Л.А. Кузнецовой (Музей при Московском художественно-промышленном университете им. С.Г. Строганова), а также А.Я. Басс и Т.Ф. Алексушиной (Самарский художественный музей), предоставившим нам возможность реставрировать, экспонировать и опубликовать хранящиеся в этих музеях экспонаты из коллекции А.М. Позднеева. Самые теплые слова благодарности авторы обращают г-же Байбе Убурге, приславшей нам данные для уточнения атрибуции предметов из этого собрания, находящихся в фондах Музея искусств Латвийской Республики.

Надеемся, что к воссоединению разрозненных частей этой коллекции со временем подключатся и другие музеи. Важным стимулом нашего сотрудничества, безусловно, является перспектива взаимовыгодного обмена произведений из собрания А.М. Позднеева, находящихся в музейных фондах, на имеющиеся у нас непрофильные экспонаты.

К сожалению, восстановить коллекцию полностью уже не удастся. Ушли в небытие материалы, переданные в исчезнувший ЦК ВЛКСМ, не сохранились предметы, поступившие для реставрационных нужд во ВЦНИЛКР, погибли в огне произведения, переданные в музей г. Грозного, оказались за линией пограничных столбов экспонаты, когда-то «пополнившие» восточные разделы музеев Риги, Вильнюса, Каунаса, Киева, Львова, Луганска, Сум, Тбилиси, Душанбе, Фрунзе, Алма-Аты, Акмолинска, Ашхабада...

Горькая участь забвения постигла память о великом ученом и собранной им коллекции. Развеять пелену длительного умолчания дела всей жизни Алексея Матвеевича Позднеева и призвана настоящая работа, посвященная 150-летию со дня его рождения.

1. Скульптура «Китайская Далина» (Стонт с яшмой в руках) Китай, XIX в. Бронза, 29 x 9 * Инв. ГМБ — 1345 III; 6106 I. С 1953 г. в г. Риге; инв. D-830
2. Скульптура «Китайская Далина» (Стонт с яшмой в руках) Китай, XIX в. Бронза, размеры неизвестны Инв. ГМБ — 3770 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек, ?) Монголия
3. Музыкальная тарелка «Монголия» Монголия, XIX в. Бронза, 30 x 30, 2 (2) * Инв. ГМБ — 1365 III; 205 дф. С 1951 г. в г. Львов (?) Монголия
4. Скульптура «Шанхайская Далина» (Стонт с яшмой в руках) Китай, XIX в. Бронза, 41,5 x 30, 7 Инв. ГМБ — 3066 I; 3119 дф. С 1956 г. в г. Фрунзе (Бишкек, ?) Монголия
5. Музыкальная тарелка «Монголия» Монголия, XIX в. Бронза, 29,7 * Инв. ГМБ — 1336 III; 232 дф.
6. Духовая музыкальная инструмент «Коршур» (2) Монголия (?), XIX в. Дерево, красная медь, Дл. 63 * Инв. ГМБ — 13425 I; 6425 дф. С 1953 г. в г. Фрунзе (Бишкек, ?) Монголия

* Все размеры даны в сантиметрах. — Цифры: ред.

КАТАЛОГ ³⁸

1. Скульптура («Китайская Дакини»)
(Стоит с книгой в руках, прическа с «рожками»)
Китай, XIX в.
Бронза. 29 x 9 *
Инв. ГМВ — 6 дф. С 1953 г. в г. Сумы
2. Скульптура («Китайская Дакини»)
(Стоит с чашей в руках)
Китай, XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3770 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
3. Маска мистерии «цам» («Махагала»)
Монголия, XIX в.
Папье-маше; раскраска. 30 x 36,2
Инв. ГМВ — 1365 III; 205 дф. С 1951 г. в г. Львове
4. Скульптура «Сита-Чинтамани Махакала» («Цаган Гомбо»)
mGon-dkar-yid bShin-nog-bu
Тибет, XIX в.
Темная бронза. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3740 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
5. Скульптура «Шадбхуджа Джняна-Махакала» («Хара Гомбо»)
mGon-ro Phyag-drug-ra
Тибет, XIX в.
Бронза. 41,5 x 30,7
Инв. ГМВ — 3646 I; 210 дф. С 1963 г. в г. Луганске
6. Духовой музыкальный инструмент «бишкур» (№ 1)
rGya-glin
Монголия (?), XIX в.
Дерево, красная медь. Дл. 63
Инв. ГМВ — 1346 III; 6103 I. С 1952 г. в г. Тбилиси

* Все размеры даны в сантиметрах. — Примеч. ред.

7. Духовой музыкальный инструмент «бишкур» (№ 2)
Монголия, XIX в.
Дерево, красная медь; резьба, чеканка, гравировка, серебрение. 58 x 18,3
Инв. ГМВ — 1347 III; 6104 I Ил. 1
8. Духовой музыкальный инструмент «ганлин» (№ 1)
гKan-glin
Монголия, XIX в.
Красная медь, латунь; ковка, чеканка. 42,5 x 8,5 x 7,5
Инв. ГМВ — 1344 III; 6105 I Ил. 1
9. Духовой музыкальный инструмент «ганлин» (№ 2)
Монголия, XIX в.
Красная медь, латунь; ковка, чеканка. 42 x 9,1
Инв. ГМВ — 1345 III; 6106 I. С 1953 г. в г. Риге;
инв. D-830
10. Скульптура «Миларайба»/«Миларепа» (1040–1123)
гDge-btsun Mi-la-ras-ra
Монголия (?), Тибет (?), XIX в.
Дерево; резьба. («Большой»)
Инв. ГМВ — 3650 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
11. Музыкальная тарелка «цан» (№ 1)
Rol-mo
Монголия (?), XIX в.
Сплав металлов. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 1340 III. Утрачена в 1933 г.
12. Музыкальная тарелка «цан» (№ 2)
Монголия (?), XIX в.
Сплав металлов. Диам. 33,4
Инв. ГМВ — 1341 III; 235 дф. С 1965 г. во ВЦНИЛКР
13. Музыкальная тарелка «цэлынн» (№ 1)
Tin-shag
Монголия (?), XIX в.
Сплав металлов, масляные краски; роспись. Диам. 29,7
Инв. ГМВ — 1337 III; 233 дф. С 1952 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
14. Музыкальная тарелка «цэлынн» (№ 2)
Монголия (?), XIX в.
Сплав металлов, масляные краски; роспись. Диам. 29,7
Инв. ГМВ — 1338 III; 232 дф Ил. 1
15. Музыкальная тарелка «цэлынн» (№ 3)
Монголия (?), XIX в.
Сплав металлов. Диам. 29,7
Инв. ГМВ — 1339 III; 234 дф. С 1952 г. в г. Фрунзе (Бишкек)

16. Скульптура «Будда Шакьямуни» («Маньчжушри») Sha-kyu-thub-ra
Китай, («бурятской работы»), XIX в.
Медный сплав; литье, позолота, раскраска. 17,2 x 12,5
Инв. ГМВ — 3704 I; 75 дф. С 1953 г. в г. Риге; инв. D-817
17. Скульптура «Белая Тара» («Екатерининский портрет») Ил. 2
Китай, 2-я пол. XVIII в.
Бронза; литье, гравировка. 43 x 30 x 22
Инв. ГМВ — 2748 I
18. Алтарное украшение «долон-эрдэни» (№ 1)
Тибет, XIX в.
Медь;ковка, чеканка, гравировка, серебрение. 45 x 13,7
Инв. ГМВ — 3760 I; 243 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8604 кп; НВ 1327
19. Алтарное украшение «долон-эрдэни» (№ 2)
Тибет (?), XIX в.
Медь;ковка, чеканка, гравировка, серебрение. 44,5 x 14,5
Инв. ГМВ — 3759 I; 244 дф. С 1964 г. в г. Грозном
20. Скульптура «Будда» (?)
Китай, («старинный»)
Красная медь. 42 x 26,8
Инв. ГМВ — 3761 I; 46 дф. С 1949 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
21. Скульптура «Ваджракила» (?) («Боногой Ямандага») гDo-gje-phug-bu Yab-yum
(«Бурятской работы»), XIX в.
Темная медь («тохой»). 48 x 37
Инв. ГМВ — 3700 I; 206 дф. С 1965 г. во ВЦНИЛКР
22. Скульптура «Будда венчанный», «Сандаловый Будда» Ил. 3
(«Цзандан-цзу») Япония, XVII в.
Дерево, цветные камни; резьба, инкрустация;
лак черный и золотой. 44,7 x 19,8 x 9,4
Инв. ГМВ — 3649 I; 159 дф. С 1948 г. в МХПУ;
инв. 1984 кп; Я-53
23. Скульптура («Ляо-цзы») (Божество с ребенком на руках)
Китай (?), XIX в.
Фаянс, глазурь. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3840 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
24. Скульптура «Амитабха» гGyal-ba Che-dpad-med
(«Китайский, древний»).
Бронза, позолота. 23 x 14
Инв. ГМВ — 3867 I; 2 дф. С 1953 г. в г. Сумы

25. Скульптура «Гуаньинь» («Будда. Бурятской работы») Ил. 6
Phyag-bshi-ра
Китай, XVIII—1-я пол. XIX вв.
Медь; ковка, гравировка, позолота. 25,5 x 11 x 16,1
Инв. ГМВ — 3872 I; 79 дф. С 1953 г. в г. Риге; инв. D-832
26. Скульптура «Стоящий бодхисаттва» («Цзоксоху-дури») Ил. 4
Китай (?), Монголия (?), 1-я пол. XIX в.
Латунь, цветные камни; ковка, литье, гравировка, чеканка,
позолота, раскраска, инкрустация. 38,5 x 15,7 x 13,8
Инв. ГМВ — 3717 I; 83 дф. С 1948 г. в МХПУ; инв. 1885 кп; В-76
27. Скульптура «Майтрейя» (?) («Ми-ла-фо») Ил. 36
Китай, XIX в.
Фаянс, глазурь. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 1128 III. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
28. Скульптура «Двибхаджа Майтрейя» («Майдари. Суху-дури») Ил. 37
Vuams-ра phyag-gnis-ра
Китай, XIX в.
Бронза; литье, гравировка, раскраска. 16,5 x 10,8 x 8,9
Инв. ГМВ — 3679 I; 63 дф. С 1953 г. в г. Риге; инв. D-819
29. Пластина-цаца «Лама» («Будда») Ил. 38
Монголия (?), XIX в.
Керамика; штамп. 18,5 x 11,5
Инв. ГМВ — 1107 III; 1359 I; 162 дф. С 1954 г. в г. Якутске
30. Скульптура «Ваджрадхара» («Бодисаттва») Ил. 5
rDo-gje-hchang Yab-yum
Китай, 2-я пол. XVIII в.
Бронза; литье, гравировка, позолота, раскраска. 10,5 x 7,5 x 5,6
Инв. ГМВ — 67 дф; 6088 I
31. Скульптура «Шадакшара Авалокитешвара» Ил. 40
(«Дурбан-моторту Хоншим бодисаттва»)
sRuap-ras-gzigs Phyag-bshi-ра
(«Пекинская работа»), XIX в.
Бронза, позолота. 14 x 9
Инв. ГМВ — 3737 I; 26 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
32. Скульптура «Будда Кашьяпа» Ил. 41
(«Будда трех времен. Од-сгрун-карияна»)
hOd-bsrung
Тибет, XIX в.
Бронза; литье. 15 x 9
Инв. ГМВ — 3847 I; 61 дф. С 1953 г. в г. Ашхабаде
33. Скульптура «Будда Шакьямуни» («Бурхан-бакши») Ил. 7
Sha-куа-thub-ра
Тибет, XIX в.
Бронза. 15 x 9
Инв. ГМВ — 62 дф. С 1953 г. в г. Сумы

34. Скульптура «Манджушри»
(«Чжамба-чжан, перерождение коего китайский богдохан»)
hJam-dpal dByangs
Тибет, XIX в.
Светлая бронза. 15 x 9
Инв. ГМВ — 3648 I; 66 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
35. Скульптура «Чжалцаб» («1-й верховный ученик Цзонхавы»)
rGyal-tshab dar-ma rin tchen rje
Тибет (?), XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 1109 III; 1357 III. Утрачена в 1932 г.
36. Пластина-цаца («Цзонхава с учениками»)
Монголия (?), XIX в.
Керамика; штамп. 18 x 10,5
Инв. ГМВ — 1108 III; 1356 III; 138 дф. С 1951 г. в г. Львове
37. Скульптура «Хайдуб» (1385–1439)
(«2-й верховный ученик Цзонхавы»)
mKhas-grub dGe legs dpal-bzang
Тибет, XIX в.
Бронза (?), керамика (?). 14,5 x 9
Инв. ГМВ — 1110 III; 1358 III; 137 дф. С 1960 г. в г. Акмолинске
38. Скульптура «Чжалцаб» («1-й ученик Цзонхавы»)
Тибет, XIX в.
Бронза. 15 x 10
Инв. ГМВ — 3677 I; 59 дф. С 1951 г. в г. Львове
39. Скульптура «Портрет ламы» (?) («Цзонхава с учениками»)
Тибет, XIX в.
Бронза. 8,8 x 6,6
Инв. ГМВ — 3682 I; 23 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
40. Скульптура «Хайдуб» («Кай-дуб. 2-й ученик Цзонхавы»)
Тибет, XIX в.
Бронза. 9 x 7
Инв. ГМВ — 68 дф. С 1952 г. в г. Киеве
41. Чернильница («Чабру»)
Монголия (?), XIX в.
Медь; ковка, чеканка, гравировка. 4,8 x 5 x 3
Инв. ГМВ — 3861 I; 184 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8597 кп; НВ-1290
42. Ритуальный кинжал «пурбу»
(«Атрибут ламайского жертвенника»)
Phug-bu
Тибет, XIX в.
Бронза; литье. 38 x 8,8
Инв. ГМВ — 1136 III; 1343 III; 242 дф. С 1964 г. в г. Грозном

43. Скульптура «Люй Дунбинь — даосский бессмертный»
(«Японский бонза») Ил. 6
Китай, XIX в.
Фаянс, цветные эмали, надглазурная роспись. 10,7 x 3,5
Инв. ГМВ — 3860 I; 125 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8579 кп, В 431
44. Скульптура («Китайский основатель земледелия») Ил. 7
Китай, XIX в.
Дерево, резьба. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3848 I. Местонахождение не установлено
45. Сосудик в форме горшка («Генбе») Ил. 8
(«Бурятской работы»), XIX в.
Темная медь. 9,2 x 10,8
Инв. ГМВ — 199 дф. С 1967 г. в ЦК ВЛКСМ
46. Скульптура «Махакала» («Гонбо») Ил. 9
mGon-po Phyag-drug
Тибет, XIX в.
Бронза, позолота. 14 x 11
Инв. ГМВ — 3640 I; 102 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
47. Скульптура «Лев-шицза» Ил. 10
Китай, XIX в.
Темная бронза. Размеры неизвестны
Инв. — нет. Утрачена до 1929 г.
48. Алтарная чашечка «цугц» («Цугуцэ малая») Ил. 11
Тибет, XIX в.
Латунь. 15,8 x 7,9
Инв. ГМВ — 1324 III; 211 дф. С 1964 г. в г. Грозном
49. Ритуальная чаша-череп «капала» с подставкой Ил. 12
Nap-mchod-thod-ra
Монголия (?), XIX в.
Медь; чеканка, серебрение. 17,8 x 8,5
Инв. ГМВ — 1313 III; 178 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
50. Скульптура «Яма», «Гухьясадхана Дхармараджа» Ил. 13
(«Чой-чжал») Ил. 14
Chos-gYal gSang-sGrub
Тибет, XIX в.
Бронза. 13 x 11
Инв. ГМВ — 3727 I; 107 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
51. Скульптура «Ваджрапани» («Дамдин») Ил. 7
Phyag-na rDo-rje
Китай (?), XV–XVI вв.
Бронза; литье, позолота. 10,4 x 9 x 2
Инв. ГМВ — 3729 I; 104 дф; 6086 I

52. Скульптура «Ваджраварахи» («Ка-ро-ма») Ил. 8
 rDo-rje Phag-mo
 Тибет, XVII в.
 Бронза; литье, позолота, раскраска. 15,6 x 11,4 x 4,8
 Инв. ГМБ — 3877 I; 91 дф; 6089 I
53. Скульптура «Шадакшара Авалокитешвара»
 sRuan-gas-gzigs Phyang-bshi-ra
 Китай, XIX в.
 Бронза; литье, позолота, раскраска. 15,9 x 10 x 8
 Инв. ГМБ — 3666 I; 58 дф. С 1953 г. в г. Риге; инв. D-820
54. Скульптура «Ушнишаджвала» («Чук-дор-бар-ба») Ил. 9, 10
 gTusg-tor hBar-ba
 Тибет (?), XIX в.
 Бронза. 13 x 9
 Инв. ГМБ — 60 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
55. Скульптура «Лхамо», «Шридэви», «Шримати-Дэви» («Балдан-хламо») Ил. 11
 dPal-ldan lHa-mo
 Тибет, XIX в.
 Бронза. 12 x 13
 Инв. ГМБ — 3662 I; 110 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
56. Скульптура «Лхамо» («Хламо») Ил. 12
 Тибет, XIX в.
 Бронза; литье, гравировка, раскраска. 17,3 x 13,5 x 6
 Инв. ГМБ — 3865 I; 108 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
 инв. 8619 кп, НВ 1268
57. Скульптура «Экадашамукха Авалокитешвара» («Джанрайсэк») Ил. 11
 sRuan-gas-gzigs bchu-gzig shal; Thugs-rje chen-po bzu-gzig shal
 Тибет (?), XIX в.
 Бронза. 14 x 9
 Инв. ГМБ — 3708 I; 76 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
58. Скульптура «Амитаюс» («Аюши») Ил. 12
 rGyal-ba Che-dpad-med
 Китай, кон. XVIII—нач. XIX вв.
 Бронза; литье, позолота, раскраска. 17,2 x 11 x 7,5
 Инв. ГМБ — 29 дф; 6084 I
59. Ритуальный кинжал «пурбу» (фрагмент) Ил. 12
 Phug-bu
 Монголия, XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. Сохр. дл. 21
 Инв. ГМБ — 3702 I (довоенный)
60. Алтарная чашечка «цугц» («Цугуцэ малая») Ил. 12
 Tin-phor
 Тибет, XIX в.
 Красная медь. 9,4 x 8
 Инв. ГМБ — 1325 III; 225 дф. С 1954 г. в г. Каунасе

61. Ритуальный предмет «ваджра» («Вачир») Ил. 13
rDo-gje
Тибет, XIX в.
Латунь; литье. Дл. 10
Инв. ГМБ — 1323 III; 6100 I
62. Колокольчик «хонх» («Колокольчик при вачире») Ил. 1
Dril-bu
Тибет, XIX в.
Сплав металлов, латунь, железо; литье. 17,5 x 9,4
Инв. ГМБ — 1318 III; 6099 I
63. Алтарная чашечка «зула» («Малая») Ил. 18
Tin-phog
Тибет, XIX в.
Белый металл; ковка, гравировка. 7 x 5,6
Инв. ГМБ — 1317 III; 181 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8550 кп, НВ 1293
64. Алтарная чашечка «зула» («Зулайн-цугуцэ, малая») Ил. 73
Тибет (?), XIX в.
Медь. 4,5 x 3,9
Инв. ГМБ — 1314 III; 188 дф. С 1965 г. во ВЦНИЛКР
65. Алтарная чашечка «зула» («Малая») Ил. 74
Тибет (?), XIX в.
Медь. 4,1 x 4
Инв. ГМБ — 1315 III; 185 дф. С 1964 г. в г. Туле
66. Алтарный сосуд «бумба», «калаша» Ил.13
gTer-chen bum-ra
Тибет, XIX в.
Красная медь; ковка, чеканка, гравировка, серебрение. 15,7 x 13,5 x 9,3
Инв. ГМБ — 3767 I; 6102 I
67. Скульптура «Гухьясамаджа» («Сандуй Чжамдор») Ил.14
dPal gSang-ba hDus-ra
Тибет, XIX в.
Бронза, паста; литье, гравировка, инкрустация, раскраска
17,3 x 12,8 x 7,7
Инв. ГМБ — 3718 I; 31 дф; 21070 кп; 3019 нв-I
68. Скульптура «Амитаюс» («Буддийский кумир») Ил.15
rGyal-ba che-dpad-med
Китай, кон. XVIII в.
Бронза; литье, гравировка, позолота, раскраска. 21,7 x 15 x 11,3
Инв. ГМБ — 3866 I; 49 дф; 6095 I
69. Скульптура («Кумир на лошади») Ил.16
Тибет (?), XIX в.
Бронза; литье, гравировка, раскраска. 16 x 13 x 5,7
Инв. ГМБ — 3762 I; 98 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8612 кп, НВ 1271

70. Скульптура «Чакрасамвара» (?) («Сандуй») Ил. 17, 18
 dPal 'khor-lo sDom-ra
 Тибет (?), XIX в.
 Черная бронза. 37,7 x 23,5
 Инв. ГМВ — 209 дф. С 1965 г. во ВЦНИЛКР
71. Скульптура «Белая Тара», «Ситатара»
 («Цаган Дара-эхэ») Ил. 19
 sGrol-dkar
 Китай (?), XIX в.
 Светлая бронза. Размеры неизвестны
 Инв. — нет. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
72. Алтарь вишнуитский «Коронование Рамы»
 («Тримурти со спутниками») Ил. 13
 Южная Индия, 2-я пол. XIX в.
 Латунь; литье. 30 x 23,7 x 10,5
 Инв. ГМВ — 81 дф. С 1948 г. в МХПУ;
 инв. 2074 кп; Ин-57
73. Скульптура «Вьягравахана Махакала» (?)
 («Ананда при Тримурти и зверь») Ил. 13
 mGon-po sTag-zhon
 Китай (?), XIX в.
 Бронза. 10 x 7
 Инв. ГМВ — 3735 I; 105 дф. С 1952 г. в г. Киеве
74. Скульптура «Ракташула Вайшравана» (?) Ил. 13
 («Судули при Тримурти и зверь») Ил. 19
 rNam-sras mDung-dmar-can
 Тибет (?), XIX в.
 Бронза; литье, гравировка, раскраска. 9 x 7 x 5,3
 Инв. ГМВ — 3736 I; 111 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
 инв. 8618 кп, НВ 1269
75. Алтарная чаша «цугц» («Большая») Ил. 13
 mChod-me-dnil-kon
 Монголия, XIX в.
 Красная медь; ковка, резьба, чеканка, гравировка,
 серебрение. 14 x 9,3
 Инв. ГМВ — 3875 I; 6098 I
76. Скульптура «Рождение будды» («Седьмой шаг») Ил. 12
 Китай (?), Япония (?), XIX в.
 Фаянс, глазурь. Размеры неизвестны
 Инв. ГМВ — 3684 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
77. Скульптура «Эбизу — бог рыболовства»
 («Корейский кумир Корбун») Ил. 10
 Япония, XIX в.
 Фаянс, глазурь. Размеры неизвестны
 Инв. ГМВ — 3862 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)

78. Алтарное украшение
(«Лотос с буддою, проповедующим учение»)
Монголия, XIX в.
Металл, раскраска. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3772 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
79. Скульптура «Будда Амида», «Сандаловый Будда»
(«Цзандан-цзу»)
Япония, XIX в.
Черная бронза; литье. 23,8 x 7,3
Инв. ГМВ — 85 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8605 кл, НВ 1260 Ил.20
80. Амулет круглый с четырьмя ажурными лепестками
(«Дорчжин Гунрик»)
Монголия (?), XIX в. (?)
Бронза. Диам. 5
Инв. ГМВ — 3856 I; 190 дф. С 1965 г. во ВЦНИЛКР
81. Четки молитвенные «акшамала»
rhreng-ba
Китай (?), XIX в.
Дерево, косточки. Дл. 44
Инв. ГМВ — 3855 I; 195 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
82. Скульптура («Будда»)
Тибет, XIX в.
Светлая бронза. 23,5 x 14,6
Инв. ГМВ — 48 дф. С 1956 г. в г. Ульяновске
83. Скульптура «Авалокитешвара»
(«Многорукый кумир»)
sPuap-gas-gzigs
Китай, XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. 3647 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
84. Скульптура «Ваджравидарани» («Бодисатва»)
rDo-rje Sems-drah
Китай, XIX в.
Бронза; литье, гравировка, раскраска. 18 x 10,8 x 7,8
Инв. ГМВ — 57 дф; 6090 I Ил.21
85. Скульптура «Божество на животном» (№ 1)
Япония (?), XIX в.
Дерево, резьба. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3873 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
86. Скульптура «Божество на животном» (№ 2)
Япония (?), XIX в.
Дерево, резьба. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3869 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)

87. Скульптура «Божество на животном» (№ 3)
Япония (?), XIX в.
Дерево, резьба. Размеры неизвестны
Инв. — нет. Утрачена до 1929 г.
88. Скульптура «Божество на животном» (№ 4)
Япония (?), XIX в.
Дерево, резьба. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3868 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
89. Кадельница («Буйпур № 1»)
Тибет, XIX в.
Красная медь, бронза; литье, плетение
24,5 x 19,6; выс. с цепями — 40
Инв. ГМВ — 6120 I Ил.22
90. Скульптура «Макаравактра Дакини» («Ка-до-ма с лицом слона»)
mKha-hgro-ma gdong-can
Тибет, XIX в.
Бронза; литье, раскраска. 8,5 x 8
Инв. ГМВ — 3725 I; 112 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8626 кп, НВ 1270 Ил.23
91. Молитвенный барабанчик «хурдэ» («домашний, столовый»)
mané 'khor-lo
Тибет, XIX в.
Медь;ковка, чеканка, серебрение. 8,9 x 6,2
Инв. ГМВ — 1312 III; 6097 I Ил.13
92. Музыкальный инструмент «дун-бур»
Dung-dkar gyas-hkyil
Монголия (?), XIX в.
(«Малая раковина»). Дл. 14,3
Инв. ГМВ — 1307 III; 227 дф. С 1951 г. в г. Львове
93. Скульптура «Гэсэр-хан»
(Сидит в пышных одеждах, усы до пояса)
Монголия, Урга, XIX в.
Бронза, литье. Шир. 6,4
Инв. ГМВ — 3645 I; 100 дф. С 1952 г. в г. Киеве
94. Скульптура «1-й Панчен-лама» (?) («Рун-са»)
Китай, XIX в.
Латунь, паста; литье, гравировка, инкрустация,
раскраска. 10,6 x 7 x 4,8
Инв. ГМВ — 3846 I; 24 дф; 6092 I Ил.24
95. Ритуальная чаша-череп «капала» с подставкой («Малая»)
tHod-khrag; thod-pa
Тибет, XIX в.
Медь;ковка, чеканка, гравировка, серебрение. 13,3 x 8,7
Инв. ГМВ — 1313 III; 179 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8598 кп, В 470 Ил. 25, 26

96. Скульптура «Амитаюс»
rGyal-ba Che-drad-med
Тибет, XIX в.
Бронза, позолота. 19 x 12
Инв. ГМВ — 17 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
97. Скульптура «Белая Тара Семиглазая»
(«Долма Цаган-дара»)
sGrol-dkar
Тибет, XIX в.
Бронза. 9,2 x 6,5
Инв. ГМВ — 3672 I; 20 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
98. Скульптура «Белая Тара» («Цаган-дара-эхэ»)
Тибет, XIX в.
Бронза, серебрение (?). 10 x 6,5
Инв. ГМВ — 3711 I; 27 дф. С 1953 г. в г. Ашхабаде
99. Скульптура («Сидящее божество»)
Япония, XIX в.
Дерево; резьба, лак. 9 x 7 x 5
Инв. ГМВ — 3844 I; 165 дф. С 1964 г. в г. Грозном
100. Скульптура («Будда»)
Япония, XIX в.
Дерево; резьба, лак. 8,5 x 5,5
Инв. ГМВ — 3881 I; 168 дф. С 1954 г. в г. Якутске
101. Скульптура («Будда»)
Япония (?), XIX в.
Дерево; резьба. Размеры неизвестны
Инв. — нет. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
102. Скульптура «Сидящее божество в шлеме»
Япония (?), XIX в.
Дерево; резьба. 8,5 x 5,5
Инв. ГМВ — 166 дф. С 1954 г. в г. Якутске
103. Скульптура «Божество в красной одежде»
Япония (?), Китай (?), XIX в.
Фаянс, глазурь. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3880 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
104. Скульптура («Будда» (?))
Япония (?), XIX в.
Дерево, резьба. Размеры неизвестны
Инв. — нет. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
105. Скульптура («Будда» (?))
Япония (?), XIX в.
Дерево, резьба. 9,5 x 8 x 5,3
Инв. ГМВ — 3870 I; 167 дф. С 1964 г. в г. Грозном

106. Скульптура «Будда» (?)
Тибет (?), Монголия (?), XIX в.
Дерево, резьба. 41 x 38
Инв. ГМВ — 3882 I; 208 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
107. Алтарный сосуд «цзабья» (№ 1)
Тибет (?), XIX в.
Медь; серебрение. 8,5 x 4,5
Инв. ГМВ — 1319 III; 224 дф. С 1964 г. в г. Туле
108. Алтарный сосуд «цзабья» (№ 2)
Тибет, XIX в.
Желтая и красная медь; литье, гравировка. 8,8 x 7
Инв. ГМВ — 1320 III; 223 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8551 кп, НВ 1294
109. Курильница «хучжийн-соба» («Цзабья среднее»)
spros-phog
(Крышка ажурная, на стенках рельефные драконы)
Китай, XIX в.
Медь; серебрение. 16,6 x 13,6 x 11
Инв. ГМВ — 197 дф. С 1949 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
110. Алтарный сосуд с крышкой
(«Буйпур для собирания пепла»)
Монголия, XIX в.
Медь; ковка, чеканка, гравировка, серебрение. 11 x 8
Инв. ГМВ — 1306 III; 226 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8603 кп, НВ 1289
111. Скульптура «Белая Тара», «Ситатара»
(«Цаган Дара-эхэ. До-кар»)
sGrol-dkar
Тибет, XIX в.
Бронза. 20,9 x 11,5
Инв. ГМВ — 3675 I; 38 дф. С 1956 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
112. Подставка для курительной свечи
(«Хучжийн-табюр»)
Тибет, XIX в.
Белый металл; ковка, чеканка, пайка. 15,5 x 3,5 x 3,5
Инв. ГМВ — 177 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8602 кп, НВ 1295
113. Скульптура «Манла», «Бхайшаджягуру Вайдурьяпрабхараджа»
(«Оточи»)
sMan-gyi-bLa Be-dur-yai hOd-kyi rGyal-po
Монголия (?), XIX в.
Папье-маше; раскраска. 22 x 12,5
Инв. ГМВ — 3690 I; 140 дф. С 1954 г. в г. Якутске

Ил.27

114. Скульптура «Медицинский будда Сварагхошараджа»
(«Дан-цзан-чжал-бо») sGra-dByangs rGyal-po
Монголия (?), XIX в.
Папье-маше; раскраска. 15 x 11
Инв. ГМВ — 3692 I; 133 дф. С 1967 г. в ЦК ВЛКСМ
115. Скульптура «Медицинский будда Супарикиртита-Намашри»
(«Чан-лэг-чжал-бо») mTshan-legs Yongs-grags dpal
Монголия (?), XIX в.
Папье-маше; раскраска. 16 x 11,5
Инв. ГМВ — 3691 I; 132 дф. С 1967 г. в ЦК ВЛКСМ
116. Скульптура «Медицинский будда Ратнашикхин»
(«Шакча-туба») Rin-chen gTug-tor-can
Монголия (?), XIX в.
Папье-маше; раскраска. 16 x 11
Инв. ГМВ — 3693 I; 128 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
117. Скульптура «Медицинский будда Абхиджнарая»
(«Нгон-чжен чжал-бо») nNgon-mKhyen rGyal-po
Монголия (?), XIX в.
Папье-маше; раскраска. 16 x 11
Инв. ГМВ — 3694 I; 129 дф. С 1967 г. в ЦК ВЛКСМ
118. Скульптура «Медицинский будда Дхармакирти-Сагарагхоша»
(«Чой-даг чжа-цо-чжан») Chos-grags rGya-mtshohi-dByangs
Монголия (?), XIX в.
Папье-маше; раскраска. 15 x 11
Инв. ГМВ — 3695 I; 136 дф. С 1964 г. в г. Туле
119. Скульптура «Медицинский будда Ашокоттамашри»
(«Мчжа-нган-мэд Рин-чен-нган») Muang-ngan-med mChog-dpal
Монголия (?), XIX в.
Папье-маше; раскраска. 16 x 11
Инв. ГМВ — 3696 I; 134 дф. С 1960 г. в г. Акмолинске
120. Скульптура «Медицинский будда Суварнабhadра Вималаратна-Прабхаса»
(«Сэр-чжан ди-мед Рин-чен нан») gSer-bzang Dri-med Rin-chen sNang
Монголия (?), XIX в.
Папье-маше; раскраска. 15 x 11
Инв. ГМВ — 3697 I; 135 дф. С 1964 г. в г. Львове;
инв. С-1-851

121. Скульптура «Зеленая Тара», «Шьяматара»
(«Ногон Дара-эхэ. До-нгон») sGrol-IJang
Китай (?), XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3698 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
122. Скульптура «Будда Шакьямуни» («Сидящий будда») Sha-kya-thub-ra
Монголия (?), XIX в.
Медь; ковка, литье, чеканка, гравировка, позолота, раскраска. 3 x 20,5 x 15
Инв. ГМВ — 1 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8593 кп, НВ 1249
123. Скульптура «Будда Шакьямуни» («Медный кумир») Китай, XVIII—нач. XIX вв.
Бронза; литье, гравировка, позолота, раскраска. 10 x 7,4 x 5,4
Инв. ГМВ — 16 дф; 6087 I
124. Скульптура «Амитаюс» («А-ми-та-фо. Яшмовый Будда») rGyal-ba Che-drag-med
Китай, XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3843 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
125. Алтарное украшение «падма» Pad-ma bzang-po
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, золотая краска. 24,3 x 5,5
Инв. ГМВ — 3871 I; 176 дф; 2995 нв-I
126. Скульптура «Двибхаджа Майтрейя» («Майдари. Суху-дури») Vuams-ra Phuyag-gnis-ra
Тибет (?), XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. — нет. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
127. Скульптура «Манджушри» hJam-dpal-dByangs
Монголия (?), сер. XIX в.
Красная медь, цветные камни; ковка, чеканка, гравировка, позолота, раскраска, инкрустация. 21 x 13 x 8,4
Инв. ГМВ — 3680 I; 74 дф. С 1948 г. в МХПУ;
инв. 1882 кп; В-73
128. Скульптура «Будда Амида», «Сандаловый Будда» («Цзандан-цзу») («Пекинская работа»), XIX в.
Бронза. 15,8 x 7,1
Инв. ГМВ — 3676 I; 116 дф. С 1954 г. в г. Каунасе

Ил.28

Ил. 12

Ил.29

129. Скульптура «Зеленая Тара», «Шьяматара» («Ногон-дара») sGrol-lJang Guon-rol-pai stabs
Китай, XIX в.
Медный сплав; ковка, литье, гравировка, чеканка. 20 x 14,7
Инв. ГМВ — 3667 I; 54 дф. С 1953 г. в г. Риге;
инв. D-818
130. Скульптура «Будда Джина Кусумашри» (?) («Чжамба-мед-рок») rGyal-ba Me-tod dPal
Тибет (?), XIX в.
Бронза. 23 x 15
Инв. ГМВ — 78 дф. С 1963 г. в г. Луганске
131. Скульптура «Будда Брахмаюотис» (?) («Чжамба-цан-най-од-дээр») rGyal-ba Tshangs-pahi hOd-zer
Тибет (?), XIX в.
Бронза. 24 x 14,5 x 12
Инв. ГМВ — 51 дф. С 1964 г. в г. Грозном
132. Скульптура «Будда Ратнападма» («Чжамба рин-чэн-падма») rGyal-ba Rin-chen Padma
Тибет (?), XIX в.
Бронза. 23 x 15
Инв. ГМВ — 9 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
133. Скульптура «Будда Манла», «Бхайшаджьягуру Вайдурьяпрабхараджа» rMan-gyi-bLa Bai-du-gyai hOd-kyi rGyal-ro
Китай, XIX в.
Бронза; литье. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3714 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
134. Скульптура «Медицинский будда Ратнашикхин» (?) («Шакча-туба») Rin-chen gTsug-tor-can
Монголия (?), XIX в.
Медь. 22 x 15
Инв. ГМВ — 3731 I; 52 дф. С 1960 г. в г. Акмолинске
135. Скульптура «Стоящий Майтрейя» («Майдари. Цзоксоху-дури») Тибет, XIX в.
Светлая бронза. 17 x 7,2
Инв. ГМВ — 3753 I; 115 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
136. Скульптура «Хастивахана-Самантабhadра» («Бодхисаттва на слоне») Kun-tu bzan-po glan-chen-po; rTag-chad smra-ba'i-lta-ba
Китай, XVII (?) в.
Бронза; литье, золотой лак, раскраска. 19,3 x 11,3 x 5,7
Инв. ГМВ — 12 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8594 кп, НВ 1277

137. Скульптура «Симханада-Манджугхоша» (?)
hJam-dbyangs Sen-gehi-sgra
(Бодхисаттва на льве. В правой руке свиток)
Тибет (?), XIX в.
Бронза, («работа грубая»). 19 x 10
Инв. ГМВ — 87 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
138. Скульптура «Экадашамукха Авалокитешвара»
(«Арбан-нигэн-нигурту»)
Thugs-rje chen-po bzu-gsig-shal
Тибет, XIX в.
Бронза. 16,3 x 7,8
Инв. ГМВ — 3678 I; 120 дф. С 1951 г. в г. Львовe
139. Скульптура «Авалокитешвара»
sRuap-gas-gzigs
Тибет, XIX в.
Бронза. 17,5 x 7,1
Инв. ГМВ — 3750 I; 117 дф. С 1952 г. в г. Киеве
140. Скульптура «Экадашамукха Авалокитешвара»
(«Арбан-нигэн-нигурту»)
Thugs-rje chen-po bzu-gsig-shal
Тибет, XIX в.
Бронза; литье, гравировка, позолота, раскраска. 17,9 x 8 x 6,3
Инв. ГМВ — 3710 I; 118 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8627 кп, НВ 1259
141. Скульптура «Субурган»
sKu-bltam mChod-rten
Тибет, XIX в.
Красная медь; ковка, литье, гравировка, чеканка. 16,5 x 9,8 x 9,8
Инв. ГМВ — 3756 I; 173 дф. С 1948 г. в МХПУ;
инв. 2075 кп; Т-58
142. Скульптура («Боди-субурган»)
Тибет, XIX в.
Красная медь; ковка, литье, гравировка, чеканка. 17 x 10 x 10
Инв. ГМВ — 3757 I; 172 дф. С 1953 г. в г. Риге;
инв. D-829
143. Скульптура «Миларайба»/«Миларепа» (1040–1123)
rDge-btsun Mi-la-gas-ra
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 12 x 10,2 x 7,5
Инв. ГМВ — 3705 I; 124 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8616 кп, НВ 1276
144. Скульптура «Миларайба»
Монголия, XIX в.
Керамика; раскраска. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3683 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)

Ил.
31, 32, 33

Ил. 34

Ил. 35

145. Скульптура «Амитаюс» («Аюши») rGyal-ba Che-drag-med
Тибет, XIX в.
Бронза. 11 x 6
Инв. ГМБ — 3681 I; 70 дф. С 1953 г. в г. Ашхабаде
146. Скульптура «Самвара с шакти» («Циклаши-угэ-насуту») dPal 'khor-lo sdom-pa; bDe-mchog dkar-po Ил. 36, 37
Китай, XIX в.
Бронза; литье, раскраска. 18,5 x 13,5 x 6,3
Инв. ГМБ — 95 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8611 кп, НВ 1322
147. Скульптура «Амитаюс» («Аюши») rGyal-ba Che-drag-med
Тибет, XIX в.
Бронза, литье. 11 x 7
Инв. ГМБ — 3671 I; 30 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
148. Скульптура «Белая Тара», «Ситатара» («Цаган Дара-эхэ. Долма кар-мо») sGrol-dkar
Тибет, XIX в.
Темная медь. 20 x 12
Инв. ГМБ — 11 дф. С 1954 г. в г. Якутске
149. Скульптура «Махараджа Вирудхака» («Страж мира. № 1-й») hPhags sKyes-po
Тибет, XIX в.
Темная бронза, золотой лак, дерево; литье, раскраска. 17 x 8, 5 x 6,5
Инв. ГМБ — 1333 III; 40 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8596 кп, НВ 1258
150. Скульптура «Махараджа Вайшравана» («Страж мира. № 2-й») rGyal-chen rNam-thos-sras
Тибет, XIX в.
Темная бронза; литье, раскраска. 14,8 x 11
Инв. ГМБ — 1117 III; 1334 III; 41 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
151. Скульптура «Махараджа Вирупакша» («Страж мира. № 3-й») sRuap-mi-bzan
Тибет, XIX в.
Темная бронза; литье, раскраска. 18 x 11
Инв. ГМБ — 1118 III; 1335 III; 39 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
152. Скульптура «Махараджа Дхритараштра» («Страж мира. № 4-й») Yul-hkhor-bsrung
Тибет, XIX в.
Темная бронза; литье, раскраска. 15 x 10,9
Инв. ГМБ — 1119 III; 1336 III; 42 дф. С 1954 г. в г. Каунасе

153. Скульптура («Будда на престоле»)
 Китай (?), XIX в.
 Бронза. 20 x 12
 Инв. ГМВ — 53 дф. С 1963 г. в г. Луганске
154. Молитвенный барабанчик «хурдэ»
 («Манийн-хурдэ с его поставцом»)
 (Находится в модели здания типа пагоды)
 Китай (?), Монголия (?), XIX в.
 Медь. 37 x 15,9
 Инв. ГМВ — 3706 I; 245 дф. С 1952 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
155. Скульптура «Майтрейя» («Ми-ла-фо»)
 Китай, XIX в.
 Материал и размеры неизвестны
 Инв. ГМВ — 3769 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
156. Скульптура «Майтрейя» («Ми-ла-фо венчатый»)
 Китай (?), XIX в.
 Папье-маше; раскраска. 23,3 x 20,5
 Инв. ГМВ — 3771 I; 47 дф. С 1951 г. в г. Львове
157. Скульптура «Махараджа Вайшравана»
 rGyal-chen rNam-thos-sras
 Монголия (?), XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 38,5 x 24
 Инв. ГМВ — 1111 III; 1352 III; 155 дф. С 1954 г. в г. Якутске
158. Скульптура «Махараджа Дхритараштра»
 Yul-hkhor-bsrung
 Монголия (?), XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 40 x 24
 Инв. ГМВ — 1113 III; 1354 III; 156 дф. С 1954 г. в г. Якутске
159. Скульптура «Махараджа Вирупакша»
 sRuan-mi-bzan
 Монголия (?), XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 38,5 x 24
 Инв. ГМВ — 1114 III; 1353 III; 157 дф. С 1951 г. в г. Львове
160. Скульптура «Махараджа Вирудхака»
 hPhags sKyes-ro
 Монголия (?), XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 39 x 28
 Инв. ГМВ — 1115 III; 1351 III; 158 дф. С 1951 г. в г. Львове
161. Курильница «хучжийн-соба» (№ 1)
 на шестиугольном зубчатом основании
 spos-phog
 («Древней работы»)
 Медь. 6 x 3,8
 Инв. ГМВ — 191 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)

162. Курильница «хучжийн-соба» (№ 2)
(«Древней работы»)
Медь. 6 x 3,8
Инв. ГМВ — 192 дф. С 1965 г. во ВЦНИЛКР
163. («Медная трубка»)
Никаких других сведений нет
164. Музыкальный инструмент «дун-буре»
(«Дун-гар. Большой»)
dung-dkar gyas-hkyil
Тибет (?), XIX в.
Раковина. 15,5 x 10,5
Инв. ГМВ — 1308 III; 228 дф Ил. 1
165. Курильница «хучжийн-соба»
spros-phor
Китай, XIX в.
Светлая бронза, («ажурной работы»)
Размеры неизвестны
Инв. — нет. Местонахождение не установлено
166. Скульптура «Цзонхава» (1357–1419)
bLo-bzang grags-ра bTsong-kha-ра chen-po
Бурятия (?), XIX в.
Темная бронза («тохой»), («Большой»)
Инв. ГМВ — 3701 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек) Ил. 47
167. Скульптура «Боди-субурган»
sKu-bltam mChod-rten
Монголия, XIX в.
Латунь; ковка, чеканка, литье, гравировка, позолота,
раскраска. 46,5 x 31,5 x 31,5
Инв. ГМВ — 6119 I Ил. 38, 39
168. Скульптура «Всадник — один из спутников Далха»
(«Цанба»)
Тибет, XIX в.
Бронза; ковка, литье, чеканка, гравировка. 29 x 26
Инв. ГМВ — 207 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. НВ 1278 Ил. 48, 49
169. Алтарная чашечка «зула»
Тибет (?), XIX в.
Медь. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 1316 III. Утрачена в 1933 г. Ил. 50
170. Четки молитвенные «акшамала»
phreng-ba
Китай (?), XIX в.
Дерево, косточки, металл, кисти. Дл. 31
Инв. ГМВ — 3854 I; 194 дф Ил. 40

171. Скульптурная группа «Мифологический сюжет» («Корейский кумир») Ил. 41, 42
 «Великий министр Такэсиути-но-Сукунэ с младенцем-императором Одзином на руках принимает от посланца царя драконов священные дары моря — драгоценные жемчужины прилива и отлива» Япония, посл. треть XIX в.
 Фаянс, цветные эмали, позолота; надглазурная роспись. 39,2 x 19,7 x 18
 Инв. ГМВ — 3838 I; 203 дф. С 1948 г. в МХПУ; инв. 1978 кп; Я-47
172. Скульптура «Самурай» («Корейский кумир») Япония, XIX в.
 Фаянс, глазурь. 34,5 x 14,5
 Инв. ГМВ — 3837 I; 202 дф. С 1949 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
173. Скульптура «Самурай с ребенком» («Корейский кумир») Япония, XIX в.
 Фаянс, глазурь. Размеры неизвестны
 Инв. ГМВ — 3839 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
174. Музыкальный инструмент «дэншик» Ил. 1
 tin-shag
 Монголия, XIX в.
 Сплав металлов, медь. Общая дл. 40
 Инв. ГМВ — 1311 III; 196 дф.
175. Скульптура «2-й Джэбцун-дамба-хутухта Лубсан-Дамба-Донми» (1724–1757) Ил. 43
 bLo-bzang bsTan-ра sGron-ma
 Монголия, сер. XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 29,8 x 24,3 x 12,8
 Инв. ГМВ — 1355 III; 1129 III; 161 дф. С 1948 г. в МХПУ; инв. 1889 кп; В-80
176. Гонг «харанга» (№ 1)
 Монголия, XIX в.
 Медь; ковка. Диамет. 49
 Инв. ГМВ — 3703 III; 237 дф. С 1952 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
177. Гонг «харанга» (№ 2)
 Монголия, XIX в.
 Медь; ковка. Диамет. 48,8
 Инв. ГМВ — 1342 III; 236 дф. С 1952 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
178. Скульптура «5-й далай-лама Агван-Лобсан-чжамцо» (1617–1682)
 bLo-bzang rGya-mtsho
 Тибет, XIX в.
 Бронза; литье. 16 x 11
 Инв. ГМВ — 43 дф. С 1953 г. в г. Сумы

179. Алтарная чашечка «зула»
Монголия (?), XIX в.
Медь; ковка, чеканка, серебрение. («Большая»)
Инв. ГМБ — 3766 I. Местонахождение не установлено
180. Скульптура «Яма», «Гухьясадхана Дхармараджа» («Бодисатва») Ил. 44
Chos-rGyal gSang-sGrub
Тибет, XIX в.
Бронза, паста; литье, раскраска, инкрустация. 12 x 11 x 4,5
Инв. ГМБ — 3726 I; 112 дф; 21074 кп; 3021 НВ-I
181. Скульптура «Яма» («Чой-джал сан-дуб») Ил. 44
Тибет, XIX в.
Бронза; литье, позолота. 12 x 9
Инв. ГМБ — 3734 I; 97 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
182. Скульптура «Джамсаран» («Бэк-цэ») Ил. 45, 46
Beg-che, Beg-tse
Китай, XIX в.
Бронза; литье, гравировка, раскраска. 16 x 13,5 x 6,7
Инв. ГМБ — 3639 I; 103 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8617 кп, НВ 1267
183. Скульптура «Симхавактра» Ил. 47
(«Сэй-гэй-гдон-ма, именуемая Сэн-дон-ма»)
Sen-gdon-ma
Тибет, XVIII—нач. XIX вв.
Бронза; литье, гравировка, раскраска. 17 x 10 x 7,5
Инв. ГМБ — 3638 I; 123 дф. С 1948 г. в МХПУ;
инв. 2071 кп; Т-54
184. Скульптура «Панчен-лама Лобсан Джалцан» (1569–1662) (?) Ил. 47
(«Дэнь-шик»)
bLo-bzang-Chos-rgyan
(Стоит на высокой подставке в красной одежде)
Монголия (?), Тибет (?), XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 23 x 9,5
Инв. ГМБ — 163 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
185. Скульптура «Рикшавактра Дакини» Ил. 48, 49
(«Дом-гуй-гдон-сан, именуемая Дом-гуй-донма»)
mKhan-hGro-ma Dom-gyi gDong-san
Тибет, XIX в.
Бронза; литье, гравировка, раскраска. 17,5 x 9,2 x 8,7
Инв. ГМБ — 3752 I; 122 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8622 кп, НВ 1272
186. Скульптура («Чжамсаран») (?) Ил. 49
(Стоящий, 3 головы, 4 руки)
Тибет, XIX в.
Бронза. 17x 13
Инв. ГМБ — 3876 I; 109 дф. С 1954 г. в г. Каунасе

187. Скульптура «Бхаттрика Ваджрайогини Нади-дакини»
(«Дакини Н'арогачжут»)
Na-go-mKhañ sruod-ma
Тибет, XIX в.
Бронза. 15 x 12
Инв. ГМВ — 3863 I; 101 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
188. Скульптура «Падмасамбхава» (?)
(«Паг-ма-дур-гар, Цаган-шукурту»)
Rad-ma-hbyung-gnas
Тибет, XIX в.
Медь. 15 x 9
Инв. ГМВ — 7 дф. С 1954 г. в г. Якутске
189. Скульптура («Японская Гуань-инь»)
(Божество, сидящее на драконе)
Япония (?), Китай (?), XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3739 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
190. Скульптура «Шакьякулендра» (?)
Sha-kya Rings-dbang
(Будда с ваджрой в руках)
Тибет, XIX в.
Бронза, позолота. 23 x 15
Инв. ГМВ — 10 дф. С 1955 г. в г. Горьком (Нижний Новгород)
191. Кадильница («Буйпур № 2»)
Тибет, XIX в.
Красная медь, бронза; литье, плетение
23 x 19,6 (без цепей)
Инв. ГМВ — 6121 I
192. Алтарная чашечка «цугц» (№ 1)
Tin-phog
Монголия, XIX в.
Латунь. 6,5 x 3,2
Инв. ГМВ — 3768 I; 221 дф. С 1965 г. во ВЦНИЛКР
193. Алтарная чашечка «цугц» (№ 2)
Монголия, XIX в.
Латунь. 6,5 x 3,2
Инв. ГМВ — 3768 I; 216 дф. С 1965 г. во ВЦНИЛКР
194. Алтарная чашечка «цугц» (№ 3)
Монголия, XIX в.
Латунь. 6,5 x 3,2
Инв. ГМВ — 3768 I; 217 дф. С 1964 г. в г. Туле
195. Алтарная чашечка «цугц» (№ 4)
Монголия, XIX в.
Латунь; литье. 3,5 x 6,7
Инв. ГМВ — 3768 I; 218 дф

Ил. 22

Ил. 13

196. Алтарная чашечка «цугц» (№ 5) Ил. 13
Монголия, XIX в.
Латунь; литье. 3,2 x 6,5
Инв. ГМВ — 3768 I; 219 дф
197. Алтарная чашечка «цугц» (№ 6)
Монголия, XIX в.
Латунь. 3,2 x 6,5
Инв. ГМВ — 3768 I; 220 дф. С 1965 г. во ВЦНИЛКР
198. Алтарная чашечка «цугц» (№ 7)
Монголия, XIX в.
Латунь. Размеры неизвестны
Инв. — нет. Утрачена до 1929 г.
199. Алтарная чашечка (№ 1)
Китай, XIX в.
Папье-маше, белый металл, цветные лаки, перламутр. 3,6 x 6,3
Инв. ГМВ — 1328 III; 212 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
200. Алтарная чашечка (№ 2)
Китай, XIX в.
Папье-маше, белый металл, цветные лаки, перламутр. 3,6 x 6,3
Инв. ГМВ — 1329 III; 213 дф. С 1951 г. в г. Львове
201. Алтарная чашечка (№ 3)
Китай, XIX в.
Папье-маше, белый металл, цветные лаки, перламутр. 3,5 x 6,4
Инв. ГМВ — 1326 III; 214 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8519 кп, В 462
202. Алтарная чашечка (№ 4)
Китай, XIX в.
Папье-маше, белый металл, цветные лаки, перламутр. 3,7 x 6,4
Инв. ГМВ — 1330 III; 215 дф. С 1951 г. в г. Львове
203. Алтарная чашечка (№ 5)
Китай, XIX в.
Папье-маше, белый металл, цветные лаки, перламутр. 3,5 x 6,6
Инв. ГМВ — 1331 III; 186 дф. С 1952 г. в г. Киеве
204. Алтарная чашечка (№ 6)
Китай, XIX в.
Папье-маше, белый металл, цветные лаки, перламутр. 3,5 x 6,6
Инв. ГМВ — 1327 III; 187 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
205. Скульптура «Рождение будды» Ил. 50
(«Седьмой шаг. Долодугар-алхум»)
санскр. Jati
(«Пекинская работа»), XIX в.
Бронза; литье, позолота, раскраска. 20,2 x 7,8
Инв. ГМВ — 3749 I; 86 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8606 кп, НВ 1262

206. Скульптура «Нирвана будды»
санскр. Mahāraṅgīravana
Китай, XIX в.
Медь; ковка, чеканка, гравировка, раскраска. 18 x 21,3 x 9
Инв. 3758 I; 198 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8599 кп, НВ 1254
207. Скульптура «Первая проповедь Будды» («Номун-хурдэ»)
Ri-dwags-pho-mo; санскр. Dharmasakragavartana
(Две лани, слушающие проповедь у «колеса закона»)
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба. 36,5 x 20
Инв. ГМВ — 3642 I; 171 дф. С 1954 г. в г. Якутске
208. Амулет («Чингис-богдо»)
(Овальная подвеска. В центре всадник с луком в руках)
Монголия, XIX в.
Бронза. 8 x 7
Инв. ГМВ — 3857 I; 189 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
209. Подставка под чашу «аяг» (№ 1)
Монголия, XIX в.
Картон, хлопчатобумажная ткань, бисер. Диамет. 9,5
Инв. ГМВ — 3858 I; 183 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
210. Подставка под чашу «аяг» (№ 2)
Монголия, XIX в.
Картон, хлопчатобумажная ткань, бисер. 2,3 x 6,8
Инв. ГМВ — 3859 I; 182 дф
211. Скульптура «Будда венчанный», «Сандаловый Будда»
(«Цзандан-цзу»)
Китай, 2-я пол. XVIII в.
Бронза; литье (?), позолота. 14,5 x 8,4 x 5
Инв. ГМВ — 3738 I; 119 дф. С 1953 г. в г. Риге;
инв. D-833
212. Скульптура «Тибетский царь Сронцзангамбо» (617(?)–649)
Тибет, XIX в.
Бронза. 16 x 12
Инв. ГМВ — 89 дф. С 1953 г. в г. Сумы
213. Скульптура «Будда Ратначандрапрабха» («Чжамбо-рин-чен-ла-од»)
rGyal-ba Rin-chen Zla-hOd
Тибет, XIX в.
Бронза. 19,2 x 11,8
Инв. ГМВ — 36 дф. С 1951 г. в г. Львове; инв. С-1-850
214. Скульптура «Будда Ратнаджни» («Чжамбо-рин-чен-мэ»)
rGyal-ba Rin-chen Me
Тибет, XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. — нет. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)

Ил. 51

Ил. 40

215. Скульптура «Медицинский будда» («1-й ученик Оточи-Манлы») Ил. 52
Монголия (?), 1-я пол. XIX в.
Медь; ковка, чеканка, гравировка, позолота,
раскраска. 20 x 12,5 x 9
Инв. ГМВ — 77 дф. С 1948 г. в МХПУ;
инв. 1884 кп; В-75
216. Скульптура «Портрет ламы» («Третий ученик Оточи») Ил. 53
Китай, XVIII в.
Бронза; литье, позолота, гравировка. 15,2 x 12,1 x 8,9
Инв. ГМВ — 19 дф. С 1953 г. в г. Риге;
инв. D-828
217. Скульптура «Медицинский будда» Ил. 54
(«Один из четырех учеников Оточи») Ил. 55
Китай, XIX в.
Латунь; ковка, позолота. 19,2 x 11,8
Инв. ГМВ — 3715 I; 35 дф. С 1956 г. в г. Ульяновске
218. Скульптура «Медицинский будда» Ил. 56
(«Один из четырех учеников Оточи») Ил. 57
Китай, XIX в.
Латунь; ковка, позолота. 19 x 11,6
Инв. ГМВ — 34 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
219. Амулетница «гау» нагрудная, двустворчатая Ил. 58
Монголия, XIX в.
Медь; серебрение; холст, минеральные краски; стекло. 4,5 x 9
Инв. ГМВ — 1321 III; 193 дф
220. Барельеф-цаца «Будда» («Бурхан-бакши») Ил. 59
Монголия, XIX в.
(«Слепок из глины»). Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3879 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
221. Скульптура «Будда Шакьямуни» Ил. 60
Sha-kya-thub-ra Ил. 61
Китай, кон. XVIII—нач. XIX в.
Бронза; литье, позолота. 15,7 x 12 x 8,5
Инв. ГМВ — 3664 I; 14 дф; 6083 I
222. Алтарь домашний («Богдо») Ил. 62
mChod-bsams Ил. 63
(Двустворчатый, внутри божество, стоящее на льве)
Япония (?), XIX в.
Дерево; резьба, черный лак. 12,5 x 5,5
Инв. ГМВ — 3733 I; 127 дф. С 1952 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
223. Ритуальная чаша «капала» с подставкой Ил. 64
Nan-mchod-thod-ra Ил. 65
Тибет, XIX в.
Череп человека, металл. 24,6 x 17
Инв. ГМВ — 1348 III; 180 дф. С 1951 г. в г. Львове

224. Скульптура («Тантан-чжамбо») Монголия, XIX в.
Папье-маше; раскраска. 16,5 x 11 x 9
Инв. ГМВ — 3643 I; 139 дф. С 1964 г. в г. Грозном
225. Скульптура «Яма», «Гухьясадхана Дхармараджа» («Чой-джал-нан-дуб») Chos-rGyal gsang-sGrub Тибет, XIX в.
Бронза. 24 x 19
Инв. ГМВ — 82 дф. С 1951 г. в г. Львов
226. Скульптура «Нагарджуна» («Лун-ван. Будда в царстве драконов») kLu-grub Тибет, XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3712 I; 4 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
227. Скульптура («Ляо-цзы») в футляре, на подставке Китай, XIX в.
Агальматолит, лак (?); резьба. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3669 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
228. Скульптура «Субурган» mChod-rten Тибет, XIX в.
Медь; ковка, литье, позолота, раскраска
14,4 x 6,8 x 6,8
Инв. ГМВ — 174 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8600 кп, НВ 1251 Ил. 53, 54
229. («Цэцэк. Украшение № 1-й. По 5-ти лепестков на каждом стебле») Монголия (?), Китай (?), XIX в.
Серебро (?)
Инв. — нет. Местонахождение не установлено
230. («Цэцэк. Украшение № 2-й») Монголия (?), Китай (?), XIX в.
Серебро (?)
Инв. — нет. Местонахождение не установлено
231. Скульптура «Белая Тара», «Ситатара» («Цаган-дара») sGrol-dkar Тибет, XIX в.
Темная медь. 20 x 13
Инв. ГМВ — 3668 I; 50 дф. С 1953 г. в г. Сумы
232. Скульптура «Шакьякулендра» («Ария-дэва») Sha-kya Rings-dbang Тибет, XIX в.
Бронза. 9 x 6
Инв. ГМВ — 3709 I; 69 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси

233. Скульптура «Парнашабари» («Ло-ма Чжон-ма») Lo-ma Gyon-ma
Китай (?), Тибет (?), XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3751 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
234. Скульптура «Маричи» («Од-сэр-чан-ма») hOd-zer-can-ma
Китай (?), Тибет (?), XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. — нет. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
235. Скульптура «Будда Шакьямуни» («Японский»), XIX в.
Дерево; резьба. 16 x 10
Инв. ГМВ — 164 дф. С 1956 г. в г. Алма-Ате (Алматы)
236. Скульптура «Маудгальяяна» (?) («Молайн-тойн») Ил. 55
Монголия (?), XIX в.
Керамика; лепка, раскраска. 15,3 x 10,5 x 9,5
Инв. ГМВ — 3845 I; 170 дф; 21078 кп, 3022 нв-I.
237. Алтарная чашечка «зула» («Зулайн-цугуцэ») Ил. 56
Монголия (?), XIX в.
Латунь. Размеры неизвестны
Инв. — нет. Утрачена до 1932 г.
238. Скульптура «Будда Дипанкара» («Что значит — Светлый») Ил. 56
Mag-me-ndsad
Монголия, 1-я пол. XIX в.
Медь; ковка, чеканка, гравировка, позолота, раскраска
21 x 12,5 x 8,6
Инв. ГМВ — 37 дф. С 1948 г. в МХПУ;
инв. 1883 кп; В-74
239. Скульптура «Будда Шакьямуни» («Бурхан-бакши») Ил. 56
Sha-ku-a-thub-ra
Тибет, XIX в.
Темная бронза. 18,5 x 8
Инв. ГМВ — 8 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
240. Скульптура «Субурган» Ил. 56
sKu-bltam mChod-rten
Тибет, XIX в.
Латунь; ковка, позолота. 19,2 x 12,6 x 12,6
Инв. ГМВ — 3644 I; 175 дф. С 1951 г. в г. Львове
241. Скульптура «Стоящий Майтрейя» Ил. 56
 («Майдари. Цзоксоху дури») Ил. 56
Тибет, XIX в.
Бронза. 19 x 7,9
Инв. ГМВ — 121 дф. С 1951 г. в г. Львове

242. Скульптура «Гухьясадхана Хайягрива» («Дам-дин Сан-Дуб») Ил. 57
 rTa-mGrin gSang-rGrub
 Тибет, XIX в.
 Бронза. 17 x 13
 Инв. ГМБ — 88 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
243. Скульптура «Атиша Хайягрива» («Дам-дин До-бо») Ил. 57
 rTa-mGrin Jo-wo lugs-kyi
 Тибет, XIX в.
 Бронза. 19 x 13
 Инв. ГМБ — 3641 I; 90 дф.
 С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
244. Скульптура «Гухьясадхана Хайягрива» («Дам-дин Сан-Дуб») Ил. 57
 rTa-mGrin gSang-rGrub
 Китай, XIX в.
 Бронза; литье, гравировка, позолота, раскраска
 13 x 11,4 x 5,1
 Инв. ГМБ — 3674 I; 96 дф. С 1953 г. в г. Риге;
 инв. D-826
245. Скульптура «Сита-Ачала» («Да-бо Ми-о-ба») Ил. 57
 Mi-g Yo-ba dkar-po
 Тибет (?), XVIII–XIX вв.
 Бронза, паста; литье, гравировка, позолота, раскраска. 18,1 x 11,8 x 7,6
 Инв. ГМБ — 56 дф; 6096 I
246. Скульптура «Ниламбарадхара Ваджрапани» Ил. 57
 («Чак-дор-нгой-нгон-сан») Ил. 58
 Phyag-rDor Gos-sNgon-can
 Тибет, XIX в.
 Бронза. 15 x 12
 Инв. ГМБ — 3878 I; 92 дф. С 1949 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
247. Скульптура «Алпачанда Ваджрапани» («Чак-дор-тум-гун») Ил. 58
 Phyag-rDor gTum-chung
 Тибет, XIX в.
 Бронза. 17 x 13
 Инв. ГМБ — 3754 I; 106 дф. С 1960 г. в г. Каунасе
248. Скульптура «Ваджрабхайрава», «Ямантака» Ил. 58
 («Чжикчжит Ямандага») Ил. 58
 rDo-rje hJigs-byed
 Тибет, XIX в.
 Бронза; литье. Размеры неизвестны
 Инв. ГМБ — 3755 I; 93 дф. С 1960 г. в г. Каунасе
249. Скульптура «Амитаюс» Ил. 58
 rGyal-ba Che-dpad-med
 Монголия (?), 2-я пол. XIX в.
 Медь;ковка, чеканка, гравировка, позолота, раскраска
 22,5 x 12,5 x 10
 Инв. ГМБ — 18 дф. С 1948 г. в МХПУ; инв. 1881 кп; В-72

250. Скульптура «Махасуварна [Махапита] Вайшравана»,
«Кубера» («Намсарай сэр-чен»)
rNam-sgras gSer-chen
Тибет, XIX в.
Бронза. 12 x 7
Инв. ГМБ — 3637 I; 99 дф. С 1951 г. в г. Львовe
251. Ритуальный предмет «ваджра» («Вачир») Ил. 13
rDo-gje
Монголия, XIX в.
Белый сплав; литье. 11 x 4
Инв. ГМБ — 1322 III; 6101 I
252. Скульптура «Зеленая Тара», «Шьяматара» («Ногон Дара-эхэ») Ил. 59
sGrol-lJang
Тибет, XIX в.
Бронза. 15 x 9
Инв. ГМБ — 3713 I; 64 дф. С 1953 г. в г. Ашхабаде
253. Скульптура «Лу Син с оленем» («Японский кумир») Ил. 59
Япония, XIX в.
Фаянс, глазурь. 17,5 x 20,3 x 10,5
Инв. ГМБ — 3874 I; 480 I
254. Скульптура («Будда») Ил. 65
(Стоящее божество с бородой)
Тибет, XIX в.
Бронза. 18 x 6
Инв. ГМБ — 3730 I; 84 дф. С 1956 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
255. Скульптура «Пита Джамбхала» («Дзам-бха-ла-сэр-по») Ил. 60
Dzam-bHa-la Ser-po
Тибет, XVIII в.
Бронза, паста; литье, гравировка, инкрустация,
раскраска. 16,8 x 10,4 x 8,4
Инв. ГМБ — 44 дф; 6094 I
256. Скульптура «Ушнишавиджая» («Дзуг-дор Намджил-ма») Ил. 61
gTsug-tor rNam-par rGyal-ma
Тибет, сер. XIX в.
Латунь; литье, гравировка, раскраска. 16,1 x 18 x 17
Инв. ГМБ — 3665 I; 32 дф. С 1948 г. в МХПУ; инв. 2073 кп; Т-56
257. Скульптура «Майтрейя» («Ми-ла-фо») Ил. 61
Китай, XIX в.
Фаянс, глазурь. 17 x 11,3
Инв. ГМБ — 3841 I; 169 дф. С 1951 г. в г. Львовe
258. Скульптура «Сарвавид», «Сарвавид-Вайрочана» («Гунрик») Ил. 61
Kun-rig rNam-par snan-mdsad
Тибет, XIX в.
Бронза. Размеры неизвестны
Инв. ГМБ — 3853 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)

259. Скульптура «Манджушри» («Чжал-бо-чжан») Ил. 62
 hJam-dpal dByangs
 Тибет, XVII в.
 Красная медь; литье, раскраска. 13,6 x 8,2 x 5,5
 Инв. ГМВ — 3673 I; 28 дф. С 1948 г. в МХПУ; инв. 2072 кп; Т-55
260. Скульптура «Манджушри» Ил. 63
 Монголия (?), XIX в.
 Бронза, золотой лак; литье, раскраска. 16 x 9,8 x 7,5
 Инв. ГМВ — 3685 I; 65 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
 инв. 8601 кп, НВ 1261
261. Скульптура «Манджушри» Ил. 64
 Китай, кон. XVIII—нач. XIX в.
 Бронза, паста; литье, гравировка, позолота, инкрустация,
 раскраска. 16,3 x 11,4 x 8,1
 Инв. ГМВ — 3663 I; 5 дф; 6082 I
262. Скульптура «Архат Ангаджа» («1-й найдан») Ил. 65
 Yan-lag-hByung
 Монголия, XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 18,8 x 15,5 x 10,7
 Инв. ГМВ — 1120 III; 145 дф; 45573 кп
263. Скульптура «Архат Аджита» («2-й найдан») Ил. 57
 Ma-pham-ra
 Монголия, XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 18 x 14
 Инв. ГМВ — 1121 III; 142 дф. С 1964 г. в г. Туле
264. Скульптура «Архат Ванавасин» («3-й найдан») Ил. 58
 Nags-na-gNas
 Монголия, XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 18 x 15
 Инв. ГМВ — 1122 III; 144 дф. С 1954 г. в г. Якутске
265. Скульптура «Архат Бакула» («9-й найдан») Ил. 59
 Ba-ku-la pa-mo
 Монголия, XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 19 x 14,5
 Инв. ГМВ — 1123 III; 153 дф. С 1963 г. в г. Луганске
266. Скульптура «Архат Ваджрипутра» («5-й найдан») Ил. 60
 rDo-rje Mohi-bu
 Монголия, XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 18,5 x 12,5
 Инв. ГМВ — 1124 I; 147 дф. С 1967 г. в ЦК ВЛКСМ
267. Скульптура «Архат Бхадра» («6-й найдан») Ил. 61
 bZang-ro
 Монголия, XIX в.
 Дерево; резьба, раскраска. 18,5 x 15
 Инв. ГМВ — 1125 III; 143 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)

268. Скульптура «Архат Канакаватса» («7-й найдан») gSer-behu
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 18,5 x 13
Инв. ГМБ — 1126 III; 151 дф. С 1954 г. в г. Якутске
269. Скульптура «Архат Калика» («4-й найдан») Dus-ldan Ил. 65
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 19 x 13,5 x 10
Инв. ГМБ — 1112 III; 131 дф; 2992 нв-I
270. Скульптура «Архат Рахула» («10-й найдан») sGra-gsan-hdzin
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 19 x 14,5
Инв. ГМБ — 1350 I; 1132 III; 154 дф. С 1960 г. в г. Акмолинске
271. Скульптура «Архат Пиндолабхарадваджа» («12-й найдан») bHa-ra-dva-dza bSod-sNyoms-len
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 19,5 x 13
Инв. ГМБ — 1133 III; 141 дф; 21073 кп; 2993 нв-I
С 1969 г. в г. Вильнюсе
272. Скульптура «Архат Кшудрапантхака», «Чудапантахка» («11-й найдан») Lam-phran-bsTan Ил. 65
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 17,5 x 18,8 x 10,5
Инв. ГМБ — 1134 III; 148 дф; 45574 кп
273. Скульптура «Архат Пантхака» («13-й найдан») Lam-bsTan
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 19,5 x 13,8 x 10,7
Инв. ГМБ — 1135 III; 152 дф. С 1964 г. в г. Грозном
274. Скульптура «Архат Нагасена» («14-й найдан») kLu-yi sDe
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 19,5 x 13,7 x 10,7
Инв. ГМБ — 1127 III; 150 дф; 21076 кп. С 1969 г. в г. Вильнюсе
275. Скульптура «Архат Гопака» («15-й найдан») sBed-byed-ра; Ba-glan bdag
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 18,5 x 14
Инв. ГМБ — 1137 III; 149 дф. С 1964 г. в г. Туле
276. Скульптура «Архат Абхеда» («16-й найдан») Mi-phyed-ра
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 19 x 13
Инв. ГМБ — 1138 III; 130 дф. С 1951 г. в г. Львове

277. Скульптура «Архат «Канакабхарадваджа» («8-й найдан») (bNa-ra-dva-dza gSer-can)
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 19,6 x 10,5 x 15
Инв. ГМВ — 1131 III; 146 дф; 21075 кп; 2994 нв-I. С 1969 г. в г. Вильнюсе
278. Скульптура «Будда»
Монголия, XIX в.
Бронза. 20 x 13 x 8
Инв. ГМВ — 55 дф. С 1964 г. в г. Грозном
279. Скульптура «Амитабха» (hOd-drag-med)
Тибет, XIX в.
Бронза. 10,8 x 6,5
Инв. ГМВ — 3716 I; 21 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
280. Скульптура «Зеленая Тара», «Шьяматара» («Ногон Дара-эхэ») (sGrol-IJang)
Тибет, XIX в.
Бронза. 20 x 13 (15 x 9) (?)
Инв. ГМВ — 71 дф. С 1952 г. в г. Тбилиси
281. Скульптура «Будда» (?) («Бурхан-бакши»)
Монголия (?), Тибет (?), XIX в.
Бронза. 16,3 x 9,6
Инв. ГМВ — 3864 I; 45 дф. С 1964 г. в г. Туле
282. Скульптура «Будда Ратнашикхин» (?) («Шакча-туба») (Rin-chen gtsug-tor-can)
Китай, XVIII–XIX вв.
Бронза; литье, гравировка, позолота, раскраска. 17,9 x 10,7 x 7,9
Инв. ГМВ — 33 дф; 6093 I Ил. 66
283. Скульптура («Будда»)
Тибет, XIX в.
Бронза. 16 x 10,5
Инв. ГМВ — 15 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
284. Скульптура «Бодхисаттва Каннон» («Гуань-инь»)
Япония, XIX в.
Фаянс, глазурь. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3842 I. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
285. Скульптура «Амитаюс» («Аюши») (rGyal-ba tche-drag-med)
Монголия (?), XIX в.
Бронза. 10,8 x 6,5
Инв. ГМВ — 22 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
286. Скульптура («Джанджа-хутухта»)
Китай (?), XVIII–XIX вв.
Бронза; литье, гравировка, позолота, раскраска. 12,8 x 10,5 x 7,6
Инв. ГМВ — 25 дф; 6085 I Ил. 67

287. Скульптура «Зеленая Тара», «Шьяматара» (Ил. 68)
(«Ногон Дара-эхэ») sGrol-IJang
Тибет, XVII–XVIII вв.
Бронза, цветные камни; литье, инкрустация. 10,8 x 7,8 x 5,3
Инв. ГМВ — 3728 I; 1088 III; 5156 I
288. Скульптура «Бодхисаттва» («Долма») (Ил. 69)
Китай, кон. XVIII в.
Бронза, паста; литье, позолота, инкрустация, раскраска
13 x 9,5 x 7
Инв. ГМВ — 3852 I; 73 дф; 6091 I
289. Алтарик домашний с Алмазнопрестольным Буддой внутри
mChod-bsams
Монголия, XIX в.
Дерево; резьба. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 1332 III. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
290. Скульптура («Будда»)
Тибет, («древний»)
Темная бронза. 22 x 10
Инв. ГМВ — 3 дф. С 1955 г. в г. Душанбе (Сталинабад)
291. Скульптура «Будда» (Ил. 70)
Таиланд, XVIII в.
Бронза, золотой лак; литье, раскраска. 19 x 11,5 x 5,5
Инв. ГМВ — 80 дф; 4733 II
292. Скульптура «Упасака Дхарматала» (?)
dGe-gNyen Dharma-ta-la
Монголия (?), XIX в.
Дерево; резьба, раскраска. 24 x 14
Инв. ГМВ — 1130 III; 160 дф. С 1954 г. в г. Якутске
293. Ритуальная чаша-череп «капала» («Габала»)
thod-khrag
Монголия, XIX в.
Папье-маше, раскраска. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 1309 III. Местонахождение не установлено
294. Икона-танка «Жизнеописание Будды»
(«Бурхан-бакшийн арбан-хояр цзохол»)
Монголия, XVIII–XIX вв.
Шелк, минеральные краски. 65 x 36
Инв. ГМВ — 1368 III; 201 дф. С 1954 г. в г. Каунасе
295. Икона-танка «Белая Тара», «Ситатара»
(«Цаган Дара-эхэ») sGrol-dkar
Монголия, XIX в.
Холст, минеральные краски. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 1367 III. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)

296. Икона-цакли «Ундур-гэгэн Дзанабадзар» (1635–1723)
(«1-й Чжэбцун-дамба-хутухта»)
bLo-bzang dBang-po rGyal-mchan
Монголия, XIX в.
Холст, минеральные краски. 15,9 x 11,8
Инв. — нет. С 1946 г. в г. Фрунзе (Бишкек)
297. Алтарик домашний двустворчатый
mChod-bsams
(Внутри 6-рукое божество «Яй-зэн-ше-о. Защитник любви»)
Япония (?), Китай (?), XIX в.
Дерево; резьба, лак. 16 x 8
Инв. ГМВ — 3732 I; 126 дф. С 1954 г. в г. Якутске
298. Икона-танка «Амитаюс» («Будда на троне»)
Монголия, посл. треть XIX в.
Холст, минеральные краски, анилины. 21,8 x 17,6
Инв. ГМВ — 1366 III; 222 дф. С 1948 г. в МХПУ,
инв. 1886 кп, В-77
299. Светильник (?) в виде чашечки с ручкой (№ 1)
Камень; резьба. 1,5 x 2,8 x 4,8
Инв. ГМВ — 3849 I; 229 дф Ил. 40
300. Светильник (?) в виде чашечки с ручкой (№ 2)
Камень; резьба. 2,4 x 3,8 x 6
Инв. ГМВ — 3850 I; 230 дф Ил. 40
301. Светильник (?) в виде чашечки с ручкой (№ 3)
Камень; резьба («форма очень глубокая»). Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3851 I; 231 дф. С 1967 г. в ЦК ВЛКСМ
302. Наконечник копья, листовидный, втульчатый
Ордос (?), XIV–IX вв. до н.э.
Бронза; литье. Дл. 35,5
Инв. ГМВ — 3746 I; 204 дф. С 1967 г. в ЦК ВЛКСМ
303. Четыре стремени («Монгольские, старинные»)
Бронза, железо. Размеры неизвестны
Инв. ГМВ — 3748/1–4 I; 238–241 дф.
С 1965 г. все во ВЦНИЛКР
304. Нож «хвостатый», двуколычатый
Ордос (?), XIV–IX вв. до н.э.
Бронза; литье. 28,7 x 3 x 0,4
Инв. ГМВ — 3747 I; 200 дф Ил. 40
305. Скульптура «Отшельник» («Бодисатва»)
Тибет, кон. XIX в.
Керамика. 18 x 12 x 8
Инв. ГМВ — 13 дф. С 1952 г. в г. Куйбышеве;
инв. 8595 кп, НВ 1256 Ил. 71, 72

1

Музыкальные
инструменты

Кар. 7, 8, 14, 62, 164, 174

2

Белая Тара
(Екатерининский
портрет)

Кат. 17

3

Сандаловый
Будда
(Цзандан-цзу)

Кат. 22

4

Стоящий
бодхисаттва
(Цзюксоху-дури)

Кат. 26

5

Ваджрадхара

Кат. 30

6

Люй Дунбинь —
даосский
бессмертный

Кат. 43

7

Ваджрапани

Кат. 51

8

Ваджраварахи

Кат. 52

9

Лхамо

Кат. 56

10

Лхамо
(фрагмент)

Кат. 56

11

Амитаюс

Кат. 58

12

Пурбу
и лотос

Кат. 59, 125

13

Алтарные
металлические
предметы

Кат. 66, 75, 195, 196, 61, 251, 91

14

Гухьясамаджа

Кат. 67

15

Амитаюс

Кат. 68

16

Кумир
на лошади

Кат. 69

17

Коронование
Рама

Кат. 72

18

Коронование
Рамы
(фрагменты)

Кат. 72

Фигура
Ханумана

Фигура
Гаруды

19

Ракташула
Вайшравана

Кат. 74

20

Будда Амида

Кат. 79

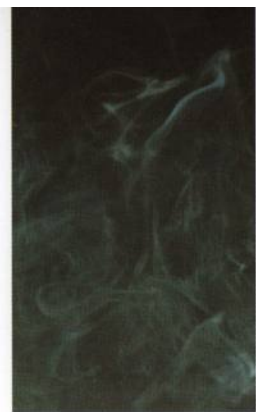

21

Ваджравидарани

Кат. 84

22

Кадильницы

Кат. 89, 191

23

Макаравактра
Дакини

Кат. 90

24

1-й Панчен-
лама
(Рун-са)

Кат. 94

25

Чаша «капала»

Кат. 95

26

Чаша «капала»
и подставка

Кат. 95

27

Алтарный
сосуд
с крышкой

Кат. 110

28

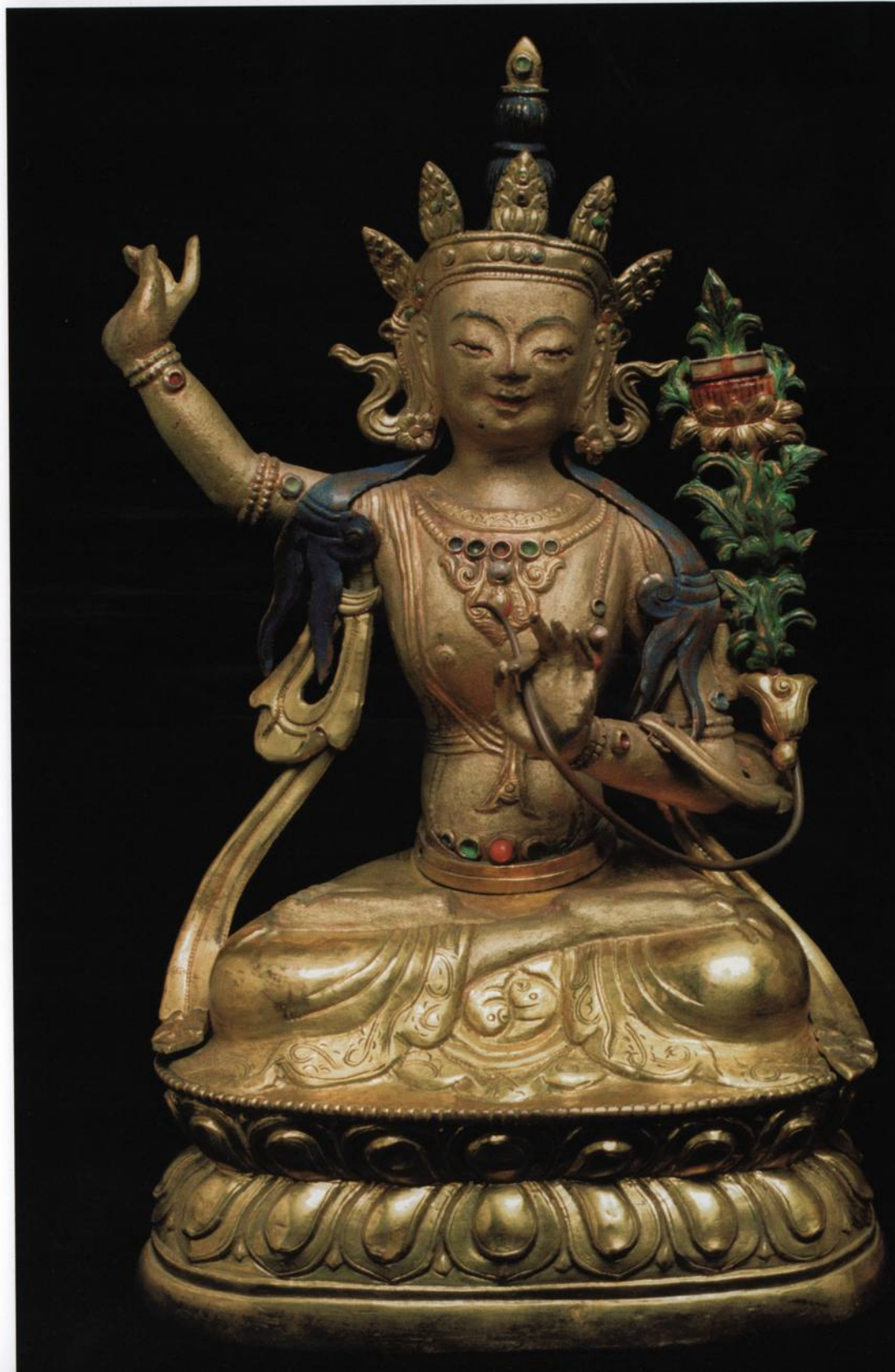
Будда
Шакьямуни

Кат. 122

29

Манджушри

Кат. 127

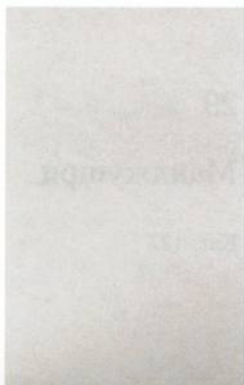

30

Хастивахана-
Самантабхра

Кат. 136

Экстази
Экстази
Экстази

31

Экадашамукха
Авалокитешвара

Кат. 140

32

Экадашамукха
Авалокитешвара
(фрагмент)

Кат. 140

33

Экадашамукха
Авалокитешвара
(фрагменты)

Кат. 140

34

Субурган

Кат. 141

35

Миларепа

Кат. 143

36

Самвара
с шакти

Кат. 146

37

Самвара
с шакти
(оборотная
сторона)

Кат. 146

38

Субурган

Кат. 167

39

Субурган
(фрагменты)

Кат. 167

Чётки, нож, подставка
под чашу «аяг»,
светильники

Кат. 170, 210, 299, 300, 304

41

Мифологический
сюжет

Кат. 171

42

Мифологический
сюжет
(оборотная сторона)

Кат. 171

43

2-й Джэбцун-
дамба-хутухта
Лубсан-Дамба-
Донми
(1725–1757)

Кат. 175

44

Гухьясадхана
Дхармараджа

Кат. 180

45

Джамсаран
(Бэк-цзэ)

Кат. 182

46

Джамсаран
(Бэк-цэ)
(фрагменты)

Кат. 182

47

Симхавактра

Кат. 183

48

Рикшавактра
Дакини

Кат. 185

49

Рикшавактра
Дакини
(фрагменты)

Кат. 185

50

Рождение
Будды.
Седьмой шаг

Кат. 205

51

Нирвана
Будды

Кат. 206

52

Медицинский
будда

Кат. 215

53

Субурган

Кат. 228

54

Субурган
(фрагмент)

Кат. 228

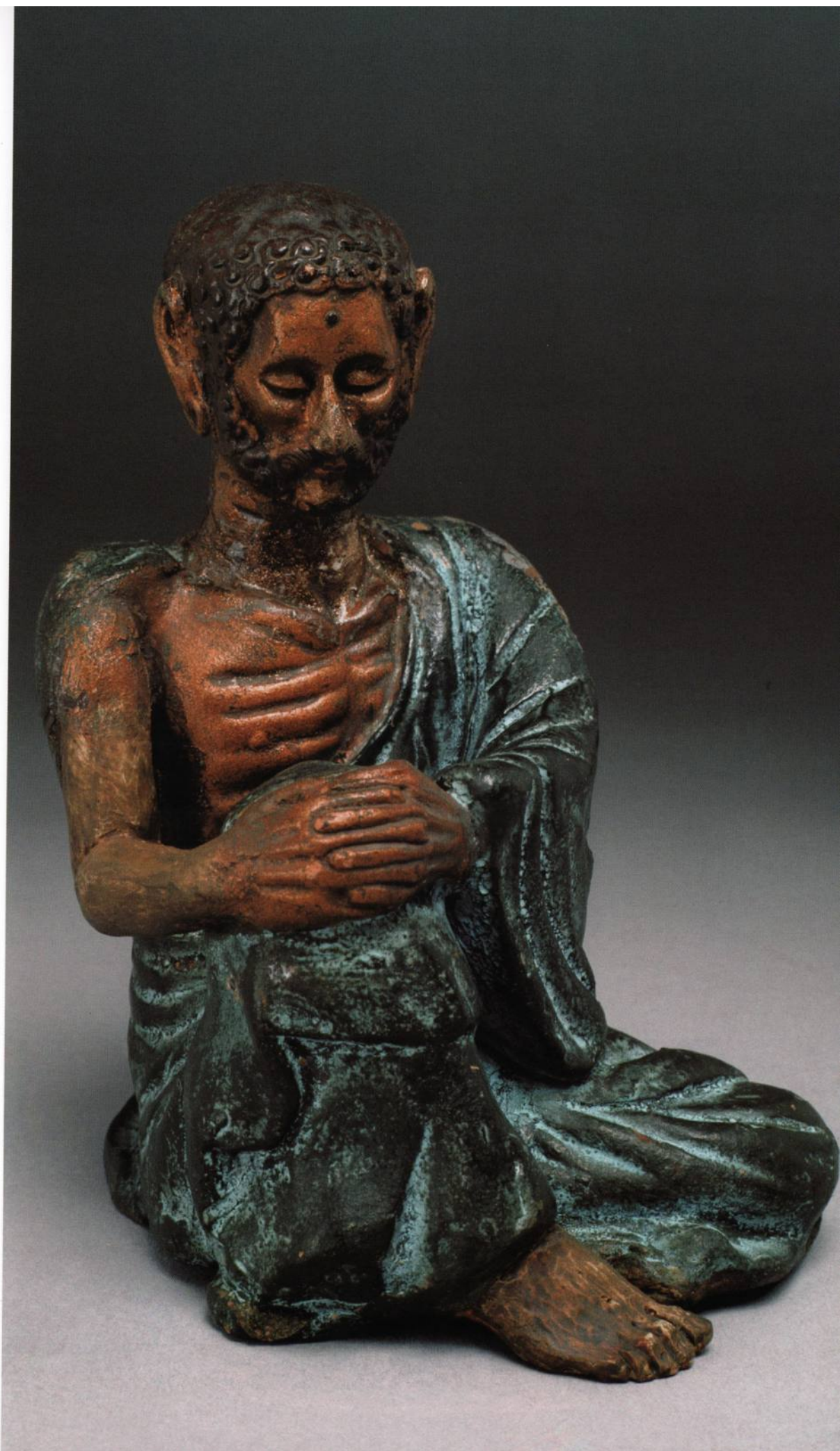

55

Мандгальяна

Кат. 236

56

Будда
Дипанкара

Кат. 238

57

Сита-Ачала

Кат. 245

58

Амитаюс

Кат. 249

59

Лу Син
с оленем

Кат. 253

60

Пита
Джамбхала

Кат. 255

61

Ушнишавиджая

Кат. 256

62

Манджушри

Кат. 259

63

Манджушри

Кат. 260

64

Манджушри

Кат. 261

65

Архаты

Кат. 262, 269, 272

ар

архаты
архаты
архаты
архаты
архаты

архаты

66

Будда
Ратнашикхин,
Будда
Шакьямуни

Кат. 282, 221

67

Джанджа-
хутухта

Кат. 286

68

Зелёная Тара

Кат. 287

69

Бодхисатџа

Кат. 288

70

Будда

Кат. 291

71

Отшельник

Кат. 305

72

Отшельник
(фрагмент)

Кат. 305

ЛАМАЙСКИЕ КУМИРЫ, ИЛИ СТАТУИ БОЖЕСТВ

*Из коллекций,
составленных профессором А.М. Позднеевым³⁹*

Ламаизм — самая распространенная из позднейших сект буддизма, исповедуемая ныне в Китае обитателями Тибета, Тангута, Кукунора, Алашани, всей Монголии и бывшей Чжунгарии, а в России — бурятами, некоторыми тунгусами и калмыками. Термин «ламаизм» еще мало известен в европейской литературе, и учение ламаизма часто называется буддийским, хотя это весьма не точно. Ламаизм только выродился из буддизма: он явился в стройной системе лишь в начале XV в., и в учении его слились в единое целое все разнообразные догматические системы и способы культа, господствовавшие до того времени в различных буддийских школах и сектах. Отсюда и ламайский пантеон является, может быть, самым обширнейшим из пантеонов всех когда-либо существовавших языческих религий, хотя основы его лежат все-таки в буддизме.

Буддизм, как известно, развился из философского и нравственного учения Сиддарты Гаутамы, сына индийского Суддоданы, жившего около VI в. до Р.Х. и бывшего вождем поколения Сакья. В ту пору идеи о страданиях в мире и освобождения от этих страданий были господствующими во всех философских системах индийских анахоретов. Этим общим потоком был увлечен и Сиддарта, отличавшийся от своих современников только тем, что он составил свою особую теорию, по которой для освобождения от страданий требовалась правильная жизнь, уничтожение привязанности к материальному миру как источнику мучений и умственное спокойствие; результатом сего должно было быть отрешение от свойств своей природы, достижение безразличия и, наконец, слияние с абсолютным духом — бытие в состоянии нирваны. Таким образом, буддизм, по учению самого Сиддарты, был, в сущности, атеизмом. Каждое существо само в себе носило залог своего спасения и могло достигнуть его без всяких внешних влияний, путем лишь сосредоточенной деятельности своего духа. Требовалось только отказаться от коловратного мира в материальном и нравственном смысле, уклониться от всего способного возмутить покой духа.

Сообразно этому учению, сам Сиддарта достиг своего несравненного звания — будды, покинув мир и удалившись в пустыню, где он проводил свое время в непоколебимых созерцаниях. Прозрев, постигнув цель и тайну бытия, сделавшись вещим — буддой, Сиддарта равным образом провел весь остаток дней своих под открытым небом, скитаясь по полям, рощам и пустыням и являясь в человеческие жилища только для сбора подаяний, которыми он питался. Ученики будды первоначально были такими же анахоретами, каким был и сам будда, прозванный за свое подвижничество Сакьямуни, т. е. отшельником из рода Сакья.

Духовные отношения этих учеников и вместе первых распространителей буддизма к народу ограничивались исключительно проповедями, наставлениями, и никаких религиозных обрядов в период Хинаяны (древнего буддизма) нам не известно. Светским лицам, чтобы считать себя причисленным к поклонникам будды, достаточно было признавать три драгоценности: а) будду, б) его учение и с) сонм его отрешившихся от мира вероучителей. Но существование религиозных обществ немыслимо в человечестве без идеи о боге; оттого-то будда, первоначально почитаемый только как учитель, вскоре же начал облекаться в божеский образ и украшаться разного рода божескими свойствами. Уже в Западной Индии в честь буддийского вероучителя начинают воздвигаться памятники и сооружаться особые здания для хранения частиц его ногтей, волос и пр. Отсюда совершился естественный переход к храмам, в которых вместо частиц тела будды начали поставлять его кумиры, а наряду с этим и прежние отшельники, в роли сторожей этих святынь, перемещаются из своих пустынь и пещер в скромные кельи. Так образовались первые буддийские монастыри, к которым народ начал стекаться уже не для одного слушания наставлений, но и для поклонения хранившимся здесь святыням. Первоначальный тип изображения будды с замечательной стойкостью до сих пор еще хранит свои древние формы. Представителем его является в настоящей коллекции:

№ 1. Китайский кумир, изображающий будду Сакьямуни и относящийся по своей работе еще ко временам Цзиньской династии (1155–1234). Этот кумир представляет нам нищенствующего монаха, одетого в рубище из клочков, со значительно обнаженным телом и нищенской чашкой (утеряна) в руках, предназначенной для сбора подаяний. Изображается будда сидящим на цветке лотоса, символе божественного рождения (Кат. 20 (?), 290 (?)).

Судя по дошедшим до нас археологическим памятникам и рассматривая барельефы древних индийских ступ, мы должны признать, что настоящий тип изображения будды, вероятно, один из самых начальных и едва ли не современный основанию первых буддийских храмов. Впоследствии культ чествования будды быстро развивался, постепенно увеличиваясь в своем объеме введением в него новых образов

будды и, наконец, символических изображений. Материалом для буддийской иконографии послужила при этом, прежде всего, масса легенд, сложившихся о жизни будды, как образец же подобного рода кумиров является у нас перешедший и к современным ламаитам:

№ 2. Кумир, именуемый монголами «долодугар-алхум», т. е. «седьмой шаг», хотя встречающийся ныне чрезвычайно редко. Легенда повествует, что при воплощении будды на земле он, родившись из-под правой мышки царицы Махамаи, тотчас же сделал семь шагов, и на каждом месте, где ступала его нога, мгновенно выросло по лотосу. Сделав седьмой шаг, будда, указывая левой рукой на небо, а правой на землю, громогласно сказал: «Я — владыка неба и земли». Этот момент и изображается рассматриваемым кумиром (Кат. 205).

№ 3. «Нирвана будды», т. е. кумир, изображающий будду в момент его смерти. По верованиям буддистов, Сиддарта скончался 80 лет от роду. Умирая, он лег на правый бок и подложил руку под правую щеку, заткнув безымянным пальцем правую ноздрю; левую руку он вытянул в плоть до левого колена; правую ногу выпрямил, а левую несколько согнул в колене. Ламаиты до сих пор еще нередко хоронят своих покойников в этой позе, которую они называют «арсалангыйн хэб-тэлгэ», т. е. «лежание наподобие льва»; но у современных кумиров «нирваны будды» ноздря не бывает заткнута, а равно и левая нога не согнута. Делается это, говорят, только с тех пор, как буддийские иконографы начали брать себе за образец этого кумира громадную статую лежащего будды, находящуюся в пекинской кумирне «Во-фо-сы» (Кат. 206).

Представителем древнейших символических изображений будды, сохранившихся до сих пор в чествовании ламаитов, является кумир:

№ 4. Этот кумир представляет собой 8-радиусный круг, или колесо (хурдэ), на которое, подняв свои головы, смотрят две коленопреклоненные газели. Основная мысль этой фигуры объясняется следующей легендой из жизни будды. Когда Сиддарта получил свое несравненное звание будды, то Эсруа-тэнгри поднес ему золотое колесо и просил его начать проповедь своего учения. С тех пор колесо, или хурдэ, сделалось знаменем учения будды. Когда будда заговорил, две золотистые газели выбежали из леса и, глядя на верхушку этого колеса, прослушали учение будды. Резюме легенды: поклонники будды должны неусыпно бодрствовать над учением, потому что и неразумные звери стремятся внимать ему. Все это изображение имеет целью напомнить поклонникам будды о необходимости чествования не только их вероучителя, но и его учения (Кат. 207).

Также символически служит напоминанием о будде и фигура:

№ 5, именуемая у монголов субурганом. Это более или менее миниатюрное

изображение древних индийских ступ. По сказаниям буддистов, устройство субурганов, как памятников замечательнейших событий, начато было в Индии еще во времена самого будды. По смерти будды пепел от его сожженного тела был также собран в сосуд и как святыня поставлен в особой, построенной для этого ступе. По этому примеру субурганы начали служить обычными гробницами и для всех прославленных лиц буддизма. Понятно, что ступы, устраиваемые в различных местах, в разное время и по поводу различных событий, должны были иметь у себя неодинаковые формы; точно так же различны и субурганы, служащие миниатюрами этих ступ. Различие это, впрочем, весьма невелико: составные части субургана, по правилам, всегда остаются одни и те же, и все отличие одного субургана от другого заключается в формах этих составных частей: у одних они прямые и квадратные, у других — закругленные, у третьих — конические и т. д. Каждый субурган своими особенностями должен напоминать верующему о том священном событии или о том лице, в честь которых он воздвигнут (Кат. 141, 142, 167, 228, 240).

Таковы ламайские статуэтки, или кумиры, воспроизводящие перед нами древнейший культ чествования будды в Индии. Переходя далее из страны в страну, буддизм постоянно должен был видоизменяться, делая уступки в строгости своей теории аскетических отрешений и смешиваясь, как в теоретической, так и в обрядовой стороне, с предрассудками тех стран, в которых он водворялся. В оправдание вводимых новшеств учителя буддизма говорили, что трактаты будды не остались целиком на земле после его смерти; некоторые части его доктрин сохранились-де на небесах, в различных царствах тэнгриев (духов, рассеянных в надзвездном и других мирах), во дворцах драконов и пр., и оттуда-то добывали их в разное время великие последователи Сиддарты. Через пять веков по смерти будды явился один из таких новых истолкователей буддийского вероучения.

№ 6. Нагарджуна. Уроженец южной Индии, он был сначала пустынножителем, производившим свои созерцания под деревом арджуна, а затем отправился якобы в подводное царство драконов, откуда и принес сохранившееся там, но малоизвестное дотоле людям учение будды. По этим основным особенностям — пребывание в царстве драконов (нага) и созерцания под деревом арджуна — и составилось имя этого мудреца Нагарджуна. Почитаемый 14-м патриархом буддийской веры и автором 24 сочинений, он был известен своими диалектическими способностями и положил основание в буддизме особой школе — Мадхьямика. Это величайший философ буддистов, которого ставят наряду с буддой. Кумир его весьма походит на нищенствующего будду и отличается лишь положением рук, да еще тем, что над головой у него утверждается пять драконов в виде извивающихся змей (Кат. 226).

Нагарджуна переработал древние трактаты буддизма и систематизировал развивавшиеся до того времени в разных буддийских школах толкования слов будды в так называемое махаяническое учение буддизма, согласно которому буддийские доктрины изменились уже весьма значительно. Нирвана, являвшаяся прежде прекращением личной жизни, рассматривалась по нему как состояние, не допускающее определений. Таким же не подлежащим определению является у махаянистов и будда, уже не историческая личность, а бытие, существующее от вечности, само в себе не имеющее начала, но являющееся началом всех начал. Этого неизъяснимого будду можно назвать буддою будд, потому что он путем самосозерцания произвел и всех будд, и все сущее.

Первое проявление его:

№ 7. Амиитаба, или Абида, — «бесконечный свет» — самый замечательнейший из будд, так как он принимает наиболее деятельное участие в судьбе людей. Сам Сиддарта, или Сакьямуни, был инкарнацией Амиитабы, который в настоящую пору воплощается в верховного тибетского жреца «баньчэнь-эрдэни» [панчен-ламу. — В.В.]. Основную свою популярность Абида приобретает как владыка рая, называемого Сукхавати и находящегося на Западе. Амиитаба обыкновенно изображается в царственном виде, украшенным драгоценностями и имеет на голове корону. В руках он держит сосуд, наполненный «дающей жизнь амброзией» (Кат. 24, 58, 68, 96, 124, 145, 147, 185, 249, 279).

Таким образом, было положено в Махаяне начало учения о высших, уже не исторических, а вымышленных и отвлеченных буддах, которое в дальнейшем развилось до громадных размеров. Мир, по учению Махаяны, перестал быть предметом отрешения, потому что он мучителен; его должно было отвергать, потому что он призрачен, пуст, потому что в нем нет ни одной точки, на которую ум мог бы достойно обратить свое внимание, потому что допущение в уме всякого субъективного представления становится его омрачением, а следовательно, препятствием к совершенству. Человек, чтобы достигнуть ему спасения, теперь уже не должен был ограничиваться одним только отрешением от мира; от него требовалось еще украсить моральными и умственными совершенствами. Появилось учение о шести парамитах, или средствах для достижения этих совершенств: милостыня, обеты, терпение, прилежание, созерцание и ведение, или мудрость. Как только появилось новое учение о средствах для достижения совершенства и спасения, развилось верование и в существ, достигших совершенства этими средствами, т. е. в бодисатв, а отсюда увеличился сонм буддийских божеств. Эти новые обоготворенные и нередко сказочные существа достигли высших божественных свойств уже не одним только отрешением от мира, а еще путем развития самосознания и исполнения добродетелей. Говорили:

сам Сиддарта достиг своего звания будды через созерцание и самосознание, и он не первый будда; еще до него были будды (по одним — семь, а по другим — девять); точно так же и впоследствии появятся новыми буддами те существа, которые теперь еще совершенствуются и проходят звание бодисатв. Так возникло верование в будд прошедшего и будущего времени. В иконографии изображения их были взяты с готовых уже форм исторического будды. Из числа будд прошедших периодов наиболее известен:

№ 8. Дипанкара (тиб. Мар-ме-мдсад), что значит «светлый». В ламаизме он почитается первым из семи будд, предшествовавших Сакьямуни. Его называют также первым учителем Сиддарты в одном из прежних перерождений сего последнего. В больших статуях Дипанкары часто делается множество углублений, в каждое из которых ставятся маленькие лампы. Этот обычай, очевидно, вызван конкретным переводом его имени (Кат. 238).

№ 9. Сакьямуни, или исторический будда, правитель ныне существующего мира, изображаемый в известных уже нам формах (Кат. 33, 123, 221, 235, 239).

№ 10. Майтрея, или, как говорят монголы, Майдари. Это — будущий будда, буддийский Мессия. Наряду с предшествовавшим буддой Дипанкара и современным Сакьямуни кумир Майдари является по форме обычного нищенствующего будды, так что изображения этих трех будд почти одинаковы и различаются между собой только положением их рук. Три кумира эти весьма часто становятся вместе и в этом виде называются «Дуй-сум-сан-чжай». Почитание Майдари в настоящую пору сильно развито в ламаизме, и кумиры его нередко встречаются еще отдельно от двух помянутых будд. В этом случае и формы их являются различными. Таковы кумиры:

№ 11. Майдари (тиб. Чжам-ба), который монголы зовут «суху дури». В этом виде Майдари изображается как бы индийским царевичем, украшенным короной, серьгами, драгоценными камнями и пр. Сидит он на престоле, по европейскому обычаю, с ногами, опущенными вниз. Говорят, что это обычная поза, в которой пребывает теперь Майдари в небесном царстве Тушита, преподавая там свое учение небожителям (Кат. 28, 126).

№ 12. Майдари — «цзоксоху-дури» — в тех же формах, только в стоячем положении. На голове его утверждается всегда фигура субургана; у плеча с левой стороны восьмирадиусное колесо — символ буддийского учения, а с правой стороны — бумба, или сосуд с освященной водой, которой он наполняет души верующих (Кат. 26, 135, 241).

Верховные существа, созданные Махаяной, резко отличаются от божеств древнего буддизма тем, что, вместо прежней безотносительности к миру этих последних,

будды и бодисатвы Махаяны начинают играть роль в людских деяниях: к ним обращаются за помощью, и они употребляют разного рода сверхъестественные средства, чтобы благотворить людям, проповедовать веру, устраивать спасение верующих. Отсюда почти каждый будда и бодисатва Махаяны имеют свои специальные силы и деятельность.

Из числа этих божеств ламаизм особенно усвоил себе почитание:

№ 13. Маньчжушри — «сладкозвучный». Он почитается богом мудрости и кажется произведением чисто метафизическим, не связанным своим именем ни с кем из исторических лиц буддизма. Главная его функция — устранение невежества. Он стоит во главе учения и своим светлым мечом божественного знания (сес-раб-рал-гри) рассекает все темные вопросы. В левой руке он держит книгу трансцендентальной мудрости, «праджняпарамиту», которая лежит на цветке лотоса. Маньчжушри — специальный покровитель астрологии. Кумир представляет его сидящим в позе будды, хотя ему придается и много других форм. Перерождение Маньчжушри на земле представляют собой настоящие китайские богдоханы. Верование это утвердилось со времени подданства Тибета, когда Далай-лама в своей подданнической грамоте подобострастно провозгласил богдохана Шунь-ди воплощением Маньчжушри, вероятно, просто по созвучию этого имени с именем маньчжуров (Кат. 34, 127, 259, 260, 261).

№ 14. Ваджрапани (монг. Вачир-вани, или Очир-вани). Это метаморфоза древнего индийского Индры и эманация будды Акшобхьи. Он принадлежит к типу гневных божеств, всегдашний защитник буддийского учения и принял на себя ужасные формы, чтобы ими устрашать врагов буддизма. На рисунках цвет лица его черный или темно-голубой. В поднятой правой руке он держит ваджру, а в левой — или колокольчик, или сети, или другой какой-либо инструмент сообразно с титулами его, которых насчитывается свыше 15. Сюань-цзан (китайский буддист-миссионер) упоминает о его культе в VII в. (Кат. 51).

Авалокитешвара — «владыка милосердия». Это эманация будды Амитабы, наиболее могущественный и популярный из всех бодисатв, современным воплощением которого почитаются тибетские далай-ламы. Наиболее обыкновенными у ламаитов кумирами Авалокитешвары, более известного под именем «Хоншим-бодисатва», являются:

№ 15. Дурбэн-моторту Хоншим-бодисатва. Эта форма представляет Авалокитешвару с 4 руками, в виде индийского принца, имеющего белый цвет лица и 13 украшений. Он сидит в позе будды с передней парой рук, сложенной в молитвенном положении; в верхней правой руке он держит хрустальные четки, а в левой — цветок лотоса с длинным стеблем (Кат. 31, 53).

Другая, не менее распространенная, форма Авалокитешвары:

№ 16. Арбан-нигэн-нигурту, т. е. одиннадцатилиций Хоншим-бодисатва. Он изображается в стоячей позе. Кроме двойной пары рук он имеет еще другие, держащие оружие для защиты верующих от врагов буддизма. Эта форма напоминает о злополучном положении Хоншим-бодисатвы, когда голова его раскололась на 11 частей от печали, при виде плачевного состояния погрязшего в нечестии человечества. Милосердный будда исцелил его, после чего каждый из 11 кусков, на которые раскололась его голова, составил ему отдельную голову (Кат. 57, 138).

Вышеупомянутых трех бодисатв — Маньчжушри, Ваджрапани и Авалокитешвару — ламы почитают основными защитниками своего учения и нередко ставят их кумиры вместе. В этом случае означенная триада получает на языке их одно общее название «Ринсум гонбо».

С целью содействовать распространению буддизма каждый из будд и бодисатв Махаяны от вечности принимал на себя много различных видов и образов, причем ради заступления веры от врагов ее все они являлись в самых ужасных формах. Представителями таких страшных божеств-покровителей буддизма представляются здесь:

№ 17. Ямантака (тиб. Чжикчжит). Благодаря ламаистской изобретательности это отвратительное существо считается метаморфозой кроткого и милосердного Авалокитешвары. Кумир его едва ли не самый сложный. Ямантака имеет у себя 9 голов, 16 ног и 34 руки; в руках он держит разного рода оружие, а ногами попирает врагов буддизма. Эти обезображенные жертвы имеют между собой представителей из 4 древних родов существ: богов, людей, четвероногих и птиц. Всего под ногами Ямантаки находится 24 человеческих и звероподобных существа (Кат. 248).

К числу божеств, покровительствующих буддизму, махаянисты причислили и существа женского рода, известные у них под именем «Дара». Всех их насчитывается 21 вид, но главнейшими из них являются:

№ 18. Ногон-дара, или «зеленая дара». Она изображается в виде красивой и нарядно убранной индийской дамы, с непокрытой и только увенчанной тиарой головой. Она сидит на лотосе с опущенными правыми рукой и ногой; в левой руке она держит цветок лотоса с длинным стеблем (Кат. 121, 129, 252, 280, 287).

№ 19. Цаган-дара, или «белая дара», изображается в виде нарядно убранной индийской дамы. Она сидит подобно будде и держит в левой руке цветок лотоса с длинным стеблем. Отличительный признак ее изображения — семь глаз: кроме обыкновенной пары глаз у нее находится еще один на лбу, а также по одному на каждой ладони и на каждой подошве (Кат. 71, 97, 98, 111, 148, 231).

Решительно все буддисты на востоке полагают, что «русские белые цари» суть

воплощение богини Цаган-дара. Верование это, как приходится теперь признать, утверждено даже богдоханами. Составителю настоящей коллекции удалось приобрести в Жэхэ особый кумир:

№ 20. Цаган-дара, принадлежавший прежде хранилищам оставленного ныне богдоханского дворца. По преданию, кумир этот был сделан, согласно высочайшему повелению богдохана Цянь-луна, с полученного им портрета императрицы Екатерины II. Действительно, с первого же взгляда видно, что тип этого кумира совершенно не восточный, и, в общем, он поражает сходством некоторых черт императрицы, особенно в подбородке и нижней части лица. Необычайная тонкость ручной чеканки и великолепная работа этого кумира являются вполне достойными и богдоханского дворца, и великой русской императрицы. С точки зрения буддийской иконографии самым поразительным в приготовлении этого бурхана является отсутствие лотосов и глаз на лбу, руках и ногах богини. Рассказывают, что во времена Цянь-луна и позже принесение жертв перед этим кумиром лежало во дворце, по обычаю конфуцианцев, на обязанности светских чиновников (Кат. 17).

Помимо покровителей своей веры, буддисты имеют еще целый сонм хранителей или защитников ее, так же точно являющихся всегда в ужасных и страшных формах. Из среды их особенно чествуются ламаитами:

№ 21. Дамдин (санскр. Хаинкирва, Хайягрива). Он изображается с несколькими головами, над которыми возвышается лошадиная. Изображается Дамдин двуруким, четвероруким и, наконец, шестируким и 16-ногим. В руках он держит атрибуты борьбы: ваджру, трезубец, меч, секиру, аркан и петлю. Под ногами у него извиваются змеи. Главный лама, живущий в Пекине, считается перерождением Дамдина (Кат. 242, 243, 244).

№ 22. Махакала (тиб. Гонбо) почитается владыкой демонов и драконов. Всех отдельных изображений его насчитывают до 75. Он изображается с изогнутыми ногами, пляшущим на спине демона мужского пола. Он не имеет ни короны из черепов, ни ожерелья из голов, а также не имеет третьего глаза на лбу. Вокруг подбородка и щек у него небольшая вьющаяся борода (Кат. 4).

№ 23. Другой вид того же Гонбо, именуемый Хара-Гонбо, является в формах, подобных первому; только он не пляшет, в руках держит другие инструменты и попирает мифологическое чудовище (Кат. 5).

В числе бодисатв-хранителей имеются также и женские существа, главнейшими из которых почитаются:

№ 24. Хлама (Лхамо). Это великая ведьма, самая злая и могущественная из всех демонов. Она изображается окруженной пламенем и едущей на муле. Одежду ее составляют человеческие кожи; питается она мозгом и кровью из человеческого

черепа. В правой руке держит скипетр из позвоночного хребта ребенка. В жертву, приносимую этой богине, между другими ингредиентами, входят: жир черного козла, кровь, вино, тесто и масло. Все это помещается в чаше, сделанной из человеческого черепа (Кат. 56, 223).

Наряду с Хлама в виде такого же страшилища является:

№ 25. Сэндама. Богиня эта изображается в пляшущей позе; она имеет лицо, которое называют львиным. Под левой ногой ее извивается демон. В левой руке она держит длинный жезл, на верхнем конце которого, в виде знамени, укреплены крестообразная ваджра, две человеческие головы и череп, находящиеся один над другим (Кат. 183).

Наряду с нею нередко ставятся еще две богини в качестве прислужниц Сэндамы. Одна из них — № 26 — имеет слоновью голову (Кат. 90), а другая — № 27 — имеет голову медведя (Кат. 185).

Некоторое сходство с вышеуказанными богинями представляют так называемые дакини. Они обыкновенно являются в виде супруг богов-покровителей. Представительницами их в нашей коллекции являются:

№ 28 — Ка-ро-ма (Кат. 52) и № 29 — Н'арогачжут (Кат. 187).

К числу божеств-хранителей причисляются затем и божества, имеющие менее ужасные формы; это, так сказать, специальные боги добродетели. Представителями их в нашей коллекции являются:

№ 30. Цамба, едущий на лошади, в виде готового на бой богатыря (Кат. 168),

и
№ 31. Намсрай. Как у божества добродетельного, у Намсрая нет ни ожерелий и опоясаний из человеческих голов, ни короны из черепов, ни щетинистых волос и т. п. Намсрай сидит на лежащем льве, причем обе ноги его свесились на левую сторону льва. Он одет в панцирь и шлем и имеет в правой руке чжалцан (знамя веры). Отличительный признак Намсрая составляет то, что в своей левой руке он всегда держит мышь, изрыгающую драгоценные камни (нэ-у-лэ, санскр. pa-ku-la) (Кат. 250).

Другой вид Намсрая именуется:

№ 32. Шара Намсрай. Подобен первому в своей одежде и отличается от него тем, что сидит на лотосе, а в правой руке держит чиндамани — драгоценность, удовлетворяющую все пожелания. Это божество дает людям долгую жизнь (Кат. 249).

Третий из имеющих у нас видов Намсрая:

№ 33. Хара-Намсрай представляется едущим на лошади. Атрибуты его те же, что и у Шара-Намсрая, и только лицо его отлично от сего последнего кротостью и благообразием (Кат. 74).

Помимо этих мифологических существ, ламаиты чествуют и действительных исторических личностей, потрудившихся на поприще буддийского учения. К числу таковых прежде всего относится:

№ 34. Падма Самбава — ученый индиец, призванный в Тибет королем Тисрон-дэ-цзаном в VIII в. по Р.Х. и получивший большую известность как распространитель буддизма в Тибете. Главным делом его почитается укрощение злых духов и демонов, населявших дотоле Тибет (Кат. 188?).

№ 35. Мила-райба. Нищий монах, живший в Тибете в XI в. и обучавший народ своими импровизациями в стихах и песнях; он обращал равнодушных к вере, оспаривал еретиков, делал много чудес. Оставленные о нем легенды обличают в нем человека не без остроумия, громадного поэтического таланта и представляют еще и доньне популярнейшую и распространеннейшую книгу среди ламаитов (Кат. 10, 143, 144).

№ 36. Цзонхава (1378–1441) [даты жизни не точны. — В.В.] — великий реформатор буддизма в Тибете, основавший свою особую секту Гэлук-ба и изложением ее учения окончательно обособивший ламаизм от всех других школ буддизма (Кат. 166).

№ 37. Далай-лама, в 5-м перерождении именовавшийся «Наван-лобсан-чжам-цо». Ойратский Гуши-хан в 1640 г., покорив мелких тибетских владетелей, поднес их владения в дар этому ламе, и с той поры Далай-ламы начали считаться светскими владыками Тибета. В 1651 г. лама этот представился богдохану и был утвержден в своем звании светского правителя (Кат. 178).

№ 38. Баньчэнь-ринбочэ [панчен-лама. — В.В.], в своем 3-м перерождении именовавшийся «Лобсан-чой-чжалцан». Он жил с 1569 по 1662 гг. и был современником и воспитателем пятого Далай-ламы. Чтобы положить конец распрям между тибетцами и монголами, он отправил посольство к пекинскому двору и испросил у богдохана утверждение светской власти за Далай-ламой (Кат. 184 (?)).

№ 39. Чжанчжа-хутухта, перерождения которого в настоящую пору имеют значение главного буддийского жреца в Пекине (Кат. 286).

Учение Цзонхавы, развиваемое ныне под покровительством Далай-ламы и Баньчэня, коренным образом видоизменило теперь взгляд на будду. В первые времена буддизма чествовался только Сиддарта и все, служившее напоминанием о его существовании; будда оставался, таким образом, действительной исторической, хотя и идеализированной, личностью. В Махаяне эта идеализация личности будды привела сначала к обоготворению его как единого вечного бога, а затем к рассмотрению его как единой всемирной сущности пантеистического характера. Цзонхава и основанный им ламаизм развивали у себя уже именно этот последний взгляд на будду, причём

обратили особенное внимание на уяснение форм, в которых проявляется эта всемирная сущность. Будда по нему имеет три тела: первое — это «тело духовности»: будда сам в себе; это самосущее, вечное, бесформенное, абсолютное бытие, покоящееся в мире пустоты — «нирване»; второе — это «тело совершенного блаженства», каковым будда открывается в созерцаниях: это лучезарное, исполненное неопишуемых признаков красоты тело, в котором будда пребывает в небесном царстве Тушита, где преподает он учение небожителям и бодисатвам; третье — «тело превращенное»: будда в деятельности, когда он принимает на себя человеческий образ, чтобы, преподавая священное учение, устроить благо людей, как, например, Сакьямуни. Эти три тела, из которых два сверхъестественные, а третье — человеческое, все заключаются в одной субстанциальной сущности; три — то же, что и одно; они не одни и те же, но и не различны по сущности; оттого рассматриваемые как единое и называются единым именем будды. Здесь нет реального различия; это только отдельные проявления одной неизменной субстанции. Духовное тело будды не имеет для себя особого кумира у ламаитов, но для изображения тела всеблаженства будды ламаиты устроили особый кумир:

№ 40. «Цзандан-цзу». Легенда повествует, что когда будде было 38 лет, у него скончалась мать его, царица Махамая, которая вслед за этим возродилась в царстве небожителей. Чтобы устроить там ее жизнь, будда отправился на небо. После этого миновало уже три месяца, а будда все еще не возвращался. Преданный ему и особенно любивший его царь Удияны (индийская область в нынешнем Кафиристане), желая сохранить у себя память о будде, попросил ученика будды, Маутгальяну, отправиться на небо и снять там портрет будды. Маутгальяна, взяв с собой лучших художников, отправился; все они видели там будду, запомнили черты его лица, но когда, вслед за этим, спустившись на землю, начали рисовать его, то портрет будды никак не удавался им. Тогда будда явился им на помощь самолично. Он приказал им положить в реку сандаловое дерево, а сам стал на берегу реки так, что образ его отпечатался в волнах. По этому отпечатку художники и вырезали его изображение. Так как река в эту пору струилась легкими волнами, то и платье будды вышло струйчатым. Из Удияны кумир этот, путешествуя по разным странам, попал, наконец, в Китай, и ныне святыня эта находится в пекинской кумирне Мин-чжун-сы (Кат. 22, 79, 128, 211).

Что касается второго, человеческого, изображения будды, то оно, как уже было замечено выше, более всех других кумиров сохранило за собой в ламаизме формы, приданные ему еще в древности.

№ 41. Ламайский будда изображается в виде человека наиболее совершенной формы и красоты. Лицо его, обыкновенно арийского типа, лишено бороды, имеет ласковое и кроткое выражение. Голова обнажена, волосы грубо подстрижены и кур-

чавые, с пучком на темени, покрытом иногда диадемой. Он одет в прежнюю нищенскую одежду, но лоскуты ее являются теперь уже изукрашенными изящной оторочкой. Верхняя накидка обыкновенно оставляет правое плечо обнаженным, в руках же кумир по-старому держит чашу для сбора подаяний (Кат. № 122, 123, 278, 281, 283 и др.).

В заключение о кумирах нельзя не сказать, что число их постоянно растет в ламаизме и до настоящего времени. Известно, например, что современная маньчжурская династия в Китае признала своим гением-хранителем Гуань-ди, одного из вождей эпохи троецарствия. Ламаиты отождествили этого Гуань-ди с тибетским героем Гэсэр-ханом, после чего монголы, в подражание китайцам и из подобострастия к правительству, начали, в свою очередь, боготворить его.

№ 42. Кумир Гэсэр-хана приобретен в монастыре монгольского «Илагук-санггэна», который специально чествует Гэсэра. Формы кумира носят на себе несомненный тип конфуцианских святых (Кат. 93).

Перед этими кумирами ламаиты приносят жертвы и совершают молебствия, а для этого в кумирнях их имеется немало разного рода утвари. Представителями таковой в настоящей коллекции являются:

№ 43. «Бумба» — серебряный сосуд для хранения в нем освященной воды, или «аршана» (Кат. 66).

№ 44. «Ихэ-цзула» — сосуд для так называемой «большой лампы» (Кат. 63, 64, 65, 169, 179, 237).

№ 45. «Хучжийн-табюр» — подставка для курительной свечи (Кат. 112).

«Цзула», или «Большая лампа», зажигается только во время совершения молебствий. Фитиль ее должен быть сделан из ростка от ветки дерева «гуша» (киса) и обернут чистой ватой; он должен быть тонок и прям для того, чтобы мог гореть долго и ярко; совершенно воспрещается держать свет лампы мерцающим, поблекшим, так что лампа не то что горит и не то что гаснет.

№ 46. «Дун-буре», иначе называемая «дун-гар», — раковина, в которую при принесении жертв трубят и звук которой подобен рогу. Употребление раковины как инструмента при богослужении буддисты относят к временам Сакьямуни. В биографии Цзонхавы рассказывается, что однажды царь драконов поднес Сакьямуни белую раковину, которую потом ученики будды употребляли вместо буре (трубы) для призвания к богослужениям в летнее время. Потом будда приказал Маутгальвани отправиться в страну краснолицых тибетцев и спрятать эту раковину под горою Дуритху, причем якобы предсказал, что она будет найдена Цзонхавой, — что и действительно случилось при постройке Галдан-хита. В этом монастыре упомянутая раковина хранится и доныне как чудотворная святыня (Кат. 92, 164).

№ 47. «Буйпур» — кадьница, употребляемая во время совершения ламайских богослужений. По своему внешнему виду она почти схожа с древнехристианской кадьницей, и несомненно, что Цзонхава взял формы ее от несториан, во множестве проживавших в Тангуте со времен политического возвышения монголов (Кат. 89, 191).

№ 48. «Пурбу» — кинжал, являющийся ныне в виде религиозного атрибута ламайского жертвенника; в старину же он представлял собой орудие, которым убивали жертвенных животных (Кат. 42, 59).

№ 49. «Хучжийн-соба» — курильница для сожжения благовонных трав. В середину сосуда накладываются уголья, а на них насыпаются курения, дым которых проходит через скважины крышки. Предмет этот представляет собой подарок коллекционеру [от. — В.В.] кэшиктэнского князя, а этому последнему он был прислан от пекинского двора в ответ на ежегодное представление монгольскими князьями подарков богдохану в день новолетия. Таким образом, знакомя нас с новой принадлежностью ламайского культа, курильница эта вместе с тем представляет собой образец вещей, которыми богдоханское правительство одаривает монголов за приносимые ими подарки (Кат. 109, 161, 162, 165).

№ 50. «Габала» — священный сосуд ламаитов. Он выпиливается из человеческого черепа и отделяется в своей середине и по краям серебром или золотом (Кат. 49, 95, 223, 293).

№ 51. «Хонхо» — небольшой колокольчик с рукояткой, имеющей форму иногда половины вачира, а иногда изображения богини Дара-эхэ, также увенчанной вачиром. На наружной стороне колокольчика начертывается шесть мистических слогов — «Ом-ма-ни-пад-ме-хум». При служении хонхо, как музыкальный инструмент, составляет принадлежность первенствующего в хурале, который в установленное время — по большей части при произнесении тарни [молитв. — *Ред.*] — берет хонхо в левую руку и звонит (Кат. 62).

№ 52. «Вачир» — необходимая принадлежность хонхо, род небольшого скипетра. Назначение этого прибора — прогонять препятствия и демонов, которые всегда стараются смущать дух служащих. Первенствующий, держа в левой руке хонхо, в правой в то же время имеет у себя вачир (Кат. 61, 251).

№ 53. «Харанга» — медный таз, в который ударяют наподобие нашего бубна (Кат. 176, 177).

№ 54. «Цан» — медные тарелки с головками посредине; головки эти служат вместо рукоятки, и, держась за них, можно ударять тарелками одна о другую (Кат. 11, 12).

№ 55. «Цэлын» — по форме своей совершенно подобен цану, только голов-

ки тарелок бывают в цэльне несколько менее, и сами тарелки несколько более плоски, чем у цана (Кат. 13, 14, 15).

№ 56. «Бишкур» — музыкальный инструмент, звуки которого походят на звук свирели (Кат. 6, 7).

№ 57. «Ганлин» — духовой инструмент, звуки которого должны напоминать собой ржание мифического коня, который переносит верующих из этого мира в блаженные обители Сукавади (Кат. 8, 9).

Помимо литых изображений своих божеств ламаиты имеют еще и рисованные. Образцы их представляют собой рисунки:

№ 58. Цаган-дара-эхэ — богиня, о которой говорилось в № 19 (Кат. 295).

№ 59. Чжэбцун-дамба-хутухта — в первом перерождении его в Монголии, именуемом Ундур-гэгэном. Он был основным деятелем при подданстве халхаских монголов Китаю (Кат. 296).

№ 60. Бурхан-бакшийн-арбан-хояр-цзохол — иллюстрация жизни будды Сакьямуни (Кат. 294).

Печатано по распоряжению
Императорского Русского
Географического Общества
(Васильевский Остр., 8-я л., № 45)
СПб. (6.г.)

ВЫСТАВКА КОЛЛЕКЦИИ ПО ЛАМАИЗМУ

А.С. Стрелков

Выставляемая коллекция по ламаизму составлена выдающимся ориенталистом-монголоведом проф. А.М. Позднеевым во время его многолетних путешествий и работ на Востоке. В коллекции, составленной профессором А.М. Позднеевым, представлены памятники материальной культуры — статуи и статуэтки божеств и предметы культа, относящиеся к ламаизму, той форме буддизма, которая в настоящее время существует в Тибете и Монголии.

В Тибет буддизм проник из Индии в начале первого тысячелетия н.э., но утвердился там в VII в. н.э. в царствование Срон-цзан-гам-по, который стал ревностным сторонником этой религии. Уже в первые столетия нашего летосчисления буддизм распространился в странах, сопредельных с Тибетом, в Непале, Гандхаре, Восточном Туркестане и Китае. Буддизм, с первых веков своего существования распавшийся на многочисленные секты, создал две школы: южную — Хинаяну (дословно «Малая Колесница») и северную — Махаяну (дословно «Большая Колесница») с ее учением о земных буддах, буддах созерцания и бодхисатвах, которая и распространилась как в северной Индии, так и в странах, лежащих к северу от Гималаев.

Махаяна была той формой буддийского учения, которая была принята в Тибете. Несмотря на многочисленные реформы, которые ей пришлось претерпеть, Махаяна в области учения о морали близка к учению, проповеданному в свое время основателем буддизма Гаутамой-Буддой (умер в 477 г. до н.э.). В Тибете Махаяна соприкоснулась с первоначальной, добуддийской, религией страны — бон-по (по-видимому, близкой к шаманству), частично заимствовав у последней целый ряд культов, последовательно переходивших во все секты, возникавшие на почве Центральной Азии.

Основателем тибетского буддизма приходится признать Джо-во Атиша (II в. н.э.), создавшего секту ка-дам-па. Из буддийских учителей, еще раньше посетивших Тибет, необходимо назвать Падмасамбхаву, которому приписывается введение тантры,

магического учения. Основателем тантры в Индии явился Асанга (VI в. н.э.), реформировавший учение Махаяны, фактическим создателем которого был Нагарджуна (II в. н.э.). Во втором веке одновременно с сектой ка-дам-па в Тибете возникает секта са-кья-па, «красношапочников» (так названных по цвету их одежды), глава которой в XIII в. н.э. становится правителем Тибета, объявленным монгольским императором Хубилаем, иерархом буддийской церкви Монголии, Тибета и Китая, т. е. стран, тогда подвластных монголам. Полное приятие буддизма монголами состоялось, по-видимому, в XIII–XIV вв., хотя буддийское учение им было известно и раньше.

Основателем так наз. ламаизма является Цзонкава (1357–1419), создавший секту ге-луг-па, «желтошапочников», в реформе своей стремившийся, с одной стороны, очистить религию от внедрившихся в нее народных, местных культов, с другой стороны, ввести строгую дисциплину в монастырях. По-видимому, Цзонкава ставил себе целью также восстановление учения Махаяны времени ее расцвета, комментируя учение великих индийских учителей, а также комментируя учение ка-дам-па. Цзонкава и его ученики явились основателями монастырей, близких по типу к монастырям «красношапочников». В школах монастырей на особых факультетах преподается философия, система тантр, медицина и другие дисциплины.

Как мы указали выше, для всей северной школы буддизма характерно учение о буддах созерцания (*dhyanna-buddha*), идеальных буддах, соответствующих земным буддам (*manushi-buddha*), и их эманациях — бодхисатвах, существах, призванных стать буддами и достигших высших ступеней совершенствования, но не становящихся буддами ради служения миру. Это учение, надо думать, теснейшим образом связанное с религиозными и философскими учениями добуддийской Индии, признает 5 земных будд, 5 будд и 5 бодхисатв созерцания, из которых наиболее почитается Амитабха и Падмапани, он же Авалокитешвара, будда и бодхисатва созерцания, соответствующие Гаутаме-будде, а также будда будущего — Майтрейя. Учение о буддах и бодхисатвах созерцания теснейшим образом связано с утвердившимся в ламаизме догматом перевоплощения, по которому отдельные иерархи и ламы, представители ламайского культа, считаются перерожденцами того или иного божества. Так, Великий Лама, Далай-лама («Море Лама»), живущий в Лхассе, считается перерожденцем Авалокитешвары, а перерожденцем Амитабхи, «Будды Беспредельного Света», лама, именуемый Панчен-рин-по-че, живущий в тибетском монастыре Таши-Лхумпо.

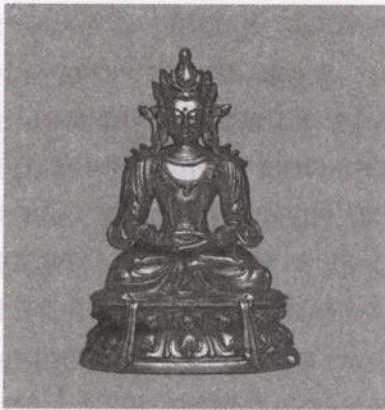
Ламайский пантеон один из самых богатых. Помимо большого количества божеств, покровительствующих буддизму, перешедших в ламайский пантеон как из брахманизма, так и из местных верований, ламаисты почитают многочисленные формы отдельных будд и бодхисатв. Таковым является чтящийся наравне

с Авалокитешварой, но не входящий в число вышеназванных пяти, бодхисатва Маньчжури — «сладкозвучный» (Кат. 16, 127, 259, 260, 261), божество мудрости, воплощением которого считался китайский богдохан. Бодхисатва (или будда) изображается в виде индийского царевича в пышном одеянии, например, Майтрея (монг. Майдари) (Кат. 28, 126, 135, 241), Амитаюс («Обладающий вечной жизнью») (Кат. 58, 96, 145, 147, 285) и Авалокитешвара (Кат. 31, 53 — «четырёхрукий», Кат. 138 — «одинадцатиликий», Кат. 83, 139, 140 — «двухрукий») — будда в виде индийского монаха в позе медитации, вид, по-видимому, идущий из Гандхары и как в трактовке одежды, так иногда и в типе лица хранящий черты эллинистического искусства независимо от того, является ли он работой мастеров китайских или тибетских (Кат. 113–120, 215–218 — группа Бхайшаджагуру — будд врачевания).

Иногда изображение чрезвычайно трудно поддается определению ввиду совпадения так наз. mudra, мистических положений рук и атрибутов у целого ряда будд. Многие современные статуи и образа повторяют знаменитые изображения древности, например, образ «Алмазнопрестольного будды», находившийся в Будхае, репликой которого является большой Джо-во в Лхассе (Кат. 29 (?), 289), так наз. Цзан-дан-цзу, стоячее изображение будды, по преданию изготовленное для царя Удияны (Кат. 79, 22, 211, 128), так наз. «седьмой шаг» Сидхарты-младенца, где он изображен с поднятой правой (или левой) рукой (Кат. 76, 205), Махапаринирвана (Кат. 206) и др.

Особую группу образуют те изображения, которые представляют так наз. уи-дам [идамы], божеств-покровителей — форма будд и бодхисатв в соединении с шакти, их женским началом (Кат. 21 (?), Ямантака — манифестация Маньчжури). Из женских божеств (женские бодхисатвы) необходимо отметить Тара (монг. Дара) в двух ее разновидностях: «Зеленая Тара» — Ногон дара-эхэ и «Белая Тара» — Цаган дара-эхэ (Кат. 17, 71, 231, 280), Ушнишавиджайя (Кат. 233 (?), 234 (?), а также Лхама, великую ведьму ламаистов (Кат. 56) и целый ряд дакини (Кат. 52, 90, 187), женских божеств местного тибетского происхождения. Отдельно стоят божества-охранители стран света, Lokapala (Кат. 149–152, 157–160), и Кубера (Намсарай) — бог благополучия (Кат. 255, 250 (?), а также бог мертвых Яма (Кат. 181, 225). Среди ламайских статуй и статуэток часто встречаются изображения знаменитых буддийских проповедников: Нагарджуны (Кат. 226), 16 архатов, или стхавира (монг. Найдан) (Кат. 262–277), Ариадевы (Кат. 232), тибетского монаха-отшельника Миларайбы (IX в. н. э.), автора знаменитых гимнов (Кат. 10, 143, 144), Цзонкавы с учениками (Кат. 35–37, 38–40, 166), а кроме того, тибетского народного героя Гэсэр-хана, признававшегося последней китайской, маньчжурской, династией за своего покровителя (Кат. 93).

В коллекции А.М. Позднеева представлены, помимо того, предметы культа сложного ламайского ритуала: Субурган (санскр. Ступа) — памятник в честь какого-нибудь лица или события (первоначально Ступа служила погребальным памятником) (Кат. 167, 240), Хурдэ (Кат. 207), колесо с изображениями по обеим сторонам его двух газелей, символизирующее первую проповедь Гаутамы-Будды в Бенаресе, священный сосуд Габала, сделанный из человеческого черепа (Кат. 223), Хонхо — колокольчик, употребляющийся во время богослужения (Кат. 62), Вачир (санскр. Ваджра), отгоняющий демонов (Кат. 61), Пурбу (Кат. 42) — священный кинжал, курильницы и кадилницы, маска, применяющаяся во время ритуального танца Цам (Кат. 3), и музыкальные инструменты Цан (Кат. 11, 12), Цэльнин (Кат. 13, 14), Бишкур (Кат. 6, 7) и Ганлин (Кат. 8, 9).

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ВЫСТАВКЕ КОЛЛЕКЦИИ ПО ЛАМАИЗМУ

1.

Протокол № 28 заседания Правления Музея Восточных Культур [далее МВК. — В.В.] от 22 февраля 1927 г. СЛУШАЛИ: Об экспозиции Музея.

Правление обходит все помещения Музея и выслушивает объяснения заведующих Отделами и устроителей выставок. План выставки по ламаизму объясняет А.С. Стрелков и указывает, что классификация экспонатов произведена по иконографическому признаку таким образом, чтобы дать по возможности полное представление о ламаистском пантеоне.

И.Н. Бороздин [заведующий отделом Советского Востока МВК. — В.В.] указывает на отсутствие пояснительных надписей, помогающих разбираться в экспозиции неподготовленному зрителю.

В.А. Гурко-Кряжин [заведующий кабинетом Революционного движения в странах Востока МВК. — В.В.] спрашивает, почему был применен при обработке коллекции иконографический, а не какой-нибудь другой, например, этнографический, культурно-исторический или производственный принцип.

А.С. Стрелков подчеркивает, что состояние научных исследований в области изучения ламаизма не позволяет применить иной принцип для демонстрирования коллекций.

И.Н. Бороздин считает возможным применение иконографического принципа при экспозиции коллекции по ламаизму.

В.А. Гурко-Кряжин указывает, что соответственно задачам Музея следовало бы применить иной подход для обработки коллекций и выделить, по крайней мере, локальные моменты, позволяющие отличить ламаизм от буддизма. Кроме того, по его мнению, вряд ли удобно демонстрировать для широкой публики и на видном месте памятники с явно сексуальными мотивами. При сохранении выставки в показанном Правлению виде следует давать пояснительные надписи.

А.С. Стрелков отмечает, что трудно отделить буддизм от ламаизма, ибо даже в своем наиболее чистом виде первый сохраняет признаки иконопочитания, свойственного ламаизму. Что же касается пояснительных надписей, то им спроектированы объяснительные схемы, которые он предполагал разместить у витрин с экспонатами.

Ф.В. Гогель спрашивает о количестве выставленных экспонатов.

А.С. Стрелков говорит, что выставлено около 200 памятников.

Ф.В. Гогель, напоминая, что Правлением было принято решение выставить б. коллекцию Позднеева, состоящую из 305 памятников, считает, что постановление не выполнено.

А.С. Стрелков указывает на то, что им произведен отбор памятников по ламаизму, и, кроме того, недостаток витрин не позволил поместить большего количества экспонатов.

Ф.В. Гогель отмечает, что постановлением Правления было решено устроить выставку б. коллекции Позднеева, а не коллекции по ламаизму.

Б.П. Денике, соглашаясь с тем, что к выставке должен быть применен историко-эволюционный принцип, указывает на возможность придать соответствующий акцент при помощи сопроводительных схем.

Правление в целом принимает выставку по ламаизму, указав на необходимость изготовления пояснительных схем...

(Архив ГМВ, 1927, кор. 2, оп. 1, д. 5, л. 10 а-б)

2.

Из доклада члена Бюро Просветработы Музея восточных культур [от секции по изучению искусства и литературы Коммунистической академии. — В.В.] А.И. Михайлова, зачитанного 23 ноября 1928 года:

Согласно постановлению Бюро Просветительной работы Музея восточных культур мною было произведено обследование выставки коллекций по ламаизму... с точки зрения культурно-просветительных задач Музея. Результатом этого обследования и является предлагаемое сообщение.

Прежде чем приступить к анализу экспозиции и обработки материала, я позволю себе высказать несколько общих соображений, руководивших мною в процессе обследования. Музей в наших условиях является тем центром, который проектирует материально- и художественно-идеологические ценности в массы трудящихся и советской общественности. Его основная задача заключается в приближении этих ценностей к самым широким кругам советского зрителя. Поскольку в переживаемый нами период одним из актуальных лозунгов и практических мероприятий является

коренное культурное переустройство, как одно из необходимых условий успешного завершения дела социалистической революции, постольку всякий участок культурной работы, в том числе и Музей, становится особенно ответственным. Что и как мы должны показать массовому посетителю музеев? — вот вопросы, которых нельзя обойти. Уже выбранный для экспонирования и показа материал, в свою очередь, необходимо должен подвергнуться особой обработке, группировке и получить исчерпывающее социально-идеологическое истолкование, результаты которого посредством экспозиции, акцентирования тех или иных моментов, этикетажа, таблиц и популярных путеводителей должны быть переданы посетителю музеев...

Если рассматривать вышеназванные коллекции с этих точек зрения, то придется сразу же отметить их абсолютно неприемлемое состояние. Чтобы показать это конкретно — обратимся сначала к выставке коллекции по ламаизму.

Выставка размещена в трех витринах, две из которых заключают в себе материал иконографический, третья — некоторые предметы культа. При ознакомлении с экспозицией сразу же становится очевидным, что никакой ориентации на массовую просветительную работу здесь не имеется. Нет и вообще какой-либо в той или иной мере могущей претендовать на известную оправданность установки, ни историко-этнологической, ни художественно-стилистической, ни, тем более, социологической. Экспозиция проведена в примитивно-иконографическом плане — одноименные божества собраны и локализованы в определенных группах, никакой последовательностью друг с другом не связанных. В примитивно-иконографическом плане потому, что и показ эволюции иконографии, или взаимной связи отдельных типов религиозных изображений, тоже требует соответствующей экспозиции и обработки, в данном случае не проведенной.

Этот важнейший недочет еще более углубляется фактом отсутствия каких-либо пояснительных текстов или этикетажа. Какого времени здесь памятники, какой страны, какой ступени общественного развития — все это остается совершенно скрытым. Между тем любому музейному работнику с первого взгляда очевидно, насколько разнороден материал здесь собранный. Этого разнообразия не учитывали устроители выставки, поскольку они ограничились в истолковании материала составлением схемы выставки, которая заключается в перечислении некоторых категорий одноименных изображений, с указанием на их (очевидно инвентарный) номер. Но даже и эта схема оказывается совершенно бесполезной, поскольку любой указанный номер не только трудно, но почти невозможно обнаружить (большинство их вообще скрыто от глаз посетителя), благодаря беспорядочности их чередования и микроскопичности.

Самая схема представляет для посетителя нечто загадочное и абсолютно непонятное.

Приведем примеры. В схеме в одной из клеток написано: «Тара зеленая, монг. Ногон-дара-эхэ. 280». Зрителю, во-первых, надлежит потратить чуть ли не час на поиски 280-го номера, который все-таки найден не будет, а затем догадываться, что значит «Тара зеленая». Но допустим, что он нашел, разве имя что-нибудь ему объяснит? Почему данное божество (предположим, «Тара белая», № 233) многолико и многоруко⁴⁰, что оно должно выражать? — эти законные его вопросы остаются без ответа.

Или, например, в той же схеме указано: «Lokapala. 158, 160». Что это может дать зрителю? Ровно ничего.

Отделение изображений божеств от предметов культа, которые весьма хаотично представлены в отдельной витрине, также нецелесообразно. Нужно было их соединить, чтобы попытаться дать более синкретическую картину культа.

То, что здесь сказано, касается пока что чисто внешней стороны экспозиции и показа. Констатирование ее неприемлемости подводит нас вплотную к вопросам научной и именно социологически-научной обработки материала, ибо сама неудача экспозиции и истолкования имеет своим источником совершенную неразработанность материала, отсутствие сколько-нибудь серьезного научного, в указанном выше смысле, к нему отношения.

Выставка, очевидно, имела целью показать не столько самый ламаизм, сколько его отображение и закрепление в художественных формах, поскольку для показа ламаизма как такового материала совершенно недостаточно, да к тому же имеющаяся в Музее Народоведения выставка, обладающая значительным материалом, как раз ставит перед собой такую же задачу.

Здесь, помимо совершенно законного вопроса о необходимости специальной аттестации несоизмеримых по художественной значимости отдельных произведений, присутствующих на рассматриваемой выставке, должны быть выдвинуты следующие проблемы.

Первая. Почему в данном случае искусство очень тесно связано с религиозной системой и занимается переводением на язык художественных образов религиозных понятий и представлений? Мы знаем, что это бывает отнюдь не всегда, а только в тех случаях, когда религиозная форма сознания является в то же время господствующей идеологией. В особенности сильна эта связь в феодальных обществах.

Вторая. Каким конкретным формам религиозного сознания соответствуют те или иные художественные формы, как параллельно с изменением (под влиянием общественно-экономических причин) первых изменяются вторые?

Данная выставка дает известный материал для разрешения этих вопросов. Известно, что буддизм, одной из конкретных форм которого является ламаизм,

возник (в Индии) в обстановке постепенного загнивания феодально-аристократического, кастового общества как пессимистически окрашенная идеология разлагающихся общественных верхов. Основной целью ее было пассивно-духовное преодоление окружающей материальной действительности, отрицание ее реальности, перенесение акцента на внутреннее самоусовершенствование, созерцательность вместо активности, аскетическое отношение к жизни материальной и физиологической и т. д. Но в дальнейшем своем развитии буддизм конкретизировался в различных, иногда противоположных по существу религиозных воззрениях. В зависимости от того, в какие общественные условия он попадал, его роль и основные моменты были различны. Деятельность самого Будды начинает истолковываться по-разному.

В отвлеченно-нравственную и созерцательную философию буддизма входит элемент оргиастичности, чувственности, материальности. Эти две линии буддизма находят свою социально-временную и географическую локализацию.

В частности, в ламаизме, особенно там, где он соприкасался с различными разновидностями шаманизма, перевес брали последние из отмеченных моментов. Хотя здесь сразу же надо отметить, что в зависимости от тех социальных групп, которые данная конкретная разновидность ламаизма обслуживала, его облик значительно деформировался. Среди монгольских племен, например, буддизм, принятый в XIII веке, первоначально обслуживал интересы только узких групп аристократии. Его распространение среди народа происходило за счет компромисса с туземными религиями. Это налагало на него сильный отпечаток и все больше удаляло от первоначальной, чистой линии буддизма.

Материал рассматриваемой выставки не проработан и не акцентирован и под этим углом зрения, а между тем были возможности конкретно показать, как изменяются религиозные верования и обряды в зависимости от разных социальных условий. Закрепление этих различий в искусстве представляется вполне наглядным. Между изображениями будд и в состоянии созерцательного покоя, внутренней уравновешенности и, в известной мере, схематизированными, и изображениями, показывающими нам божество в состоянии физического экстаза, в напряжении всех своих материальных ресурсов, в динамике, охарактеризованными чертами экспрессивности, предельной выразительности и резкими акцентами, лежит буквально целая пропасть. Совершенно различные переживания, разные облики божеств предстают перед нами. Мы не имеем возможности останавливаться на этом подробно, думаем, что это являлось задачей, к сожалению никак не выполненной, устроителей выставки — научно-социологически объяснить подобные факты.

Можно было бы интересно показать, как черты первого типа, в новых условиях, перерабатываются по направлению ко вторым.

Мы видим на конкретных примерах (например, № 187 и 52), как иконографические черты застылости, созерцательности, духовности и статичности в одном и том же изображении переплетаются с экстаичностью, жертвенно-чувственным порывом, припадками сладострастия и кровожадности, потрясающими всю фигуру божества, и как, в конце концов, первые преодолеваются вторыми. Физиологичность, животная чувственность побеждают духовность, материальную отрешенность.

Такова диалектика развития рассматриваемых художественных фактов. Но поскольку изменяется самая идея, облик божества, изменяются и художественные формы, их воплощающие, мы уже указывали на это. Экспрессивность и застылость, идеализация и физиологический натурализм, ритм спокойно-застылый и бешено-динамичный — вот те противоречивые категории, которые мы встречаем в данных произведениях. Этот анализ можно было бы углубить, но уже и без этого ясно, что даже основные социально-идеологические и стилистические моменты экспонируемого материала устроителями выставки не учтены.

Как же можно требовать от зрителя, чтобы он это понял. К этому надо прибавить, что целый ряд откровенно сексуальных изображений, выставленных без всякого пояснительного текста, отнюдь не содействуют пробуждению в зрителе положительных эмоций.

Исходя из всего этого, нужно сделать вывод, что экспозиция и обработка материала и его, наконец, популяризация были произведены без всякого учета запросов посетителей музеев и при полном игнорировании историко-социологических моментов. Точно так же никак не вскрыта производственная сторона данных художественных памятников, которая тоже очень важна и помогает их уяснению и восприятию. Они, далее, очень поверхностны и не раскрывают демонстрируемого ряда в его подлинной значимости и развитии.

Путеводитель по выставке лишь углубляет отмеченные недостатки. Перечисляя имена и внешние факты, нагромождая один на другой невероятно сложные для рядового читателя термины, он не ориентирует в материале, не раскрывает его и в лучшем случае помогает чисто внешнему знакомству с частью ламаистского пантеона. Отмеченные нами выше особенности различных конкретных проявлений ламаизма в нем не вскрыты и даже не упомянуты. Генезис ламаизма дается чисто формально, и его социальная роль автора не интересует. Все его проявления он считает вполне сводимыми к первоначальным формам буддизма, что, конечно, не выдерживает критики. Социально-стилистический анализ также отсутствует. Особо надо отметить исключительно трудный язык путеводителя. Он рассчитан на узкий круг знатоков...

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Выставка по ламаизму... по экспозиции, научной обработке и популяризации материала совершенно неудовлетворительна. Она не отвечает тем массово-просветительным задачам, которые стоят перед Музеем, и значительно снижает общий уровень Музея.

2. Представляется нецелесообразным ознакомление посетителей с указанными материалами в их теперешнем состоянии. Эти материалы нуждаются еще в известной обработке, требуют иной экспозиции и иных форм приближения их к зрителю...

4. Выставку по ламаизму в том виде, как она есть, целесообразнее всего было бы свернуть. Вместо нее можно устроить или более обширную выставку «Религия в искусстве Востока», с использованием ее в той или иной мере для антирелигиозных целей и для конкретного показа связи искусства с религией в известные эпохи. Если же подобная выставка почему-либо не осуществится, то ее желательно все же провести хотя бы на более узком материале (например, буддизма и ламаизма).

Но этот вопрос нужно уже ставить особо.

А. Михайлов.

(Архив ГМВ, 1928, кор. 2, оп. 1, д. 6/н, л. 50–57)

3.

Из Протокола № 3 заседания Бюро Просветработы Музея восточных культур от 23 ноября 1928 года:

СЛУШАЛИ: А.И. Михайлов зачитывает свой доклад, посвященный анализу выставки по ламаизму...

Б.П. Денике считает, что докладчик, не согласовав свой доклад с руководителями Отдела [Среднего Востока. — В.В.], совершил большую ошибку, приведшую его к преждевременным выводам. В частности, он считает большим упущением отсутствие указаний на историю возникновения выставки, долженствовавшей лишь дать представление о ценнейшем собрании проф. Позднеева по ламаизму, приобретенном для Музея Главнаукой. Он напоминает, что коллекция не была включена в состав отдела Среднего Востока, почему он и обрабатывал б. коллекцию Позднеева к выставке именно как Позднеевскую. Для организации выставки по ламаистской культуре, по его мнению, было бы совершенно недостаточно имевшихся в его распоряжении памятников. Что же касается применения иконографического принципа, он считает невозможным с научной точки зрения применение в этом случае какого-либо другого метода экспозиции, ввиду характера самих памятников. В дальнейшем он полемизирует с А.И. Михайловым по поводу его отдельных утверждений.

Н.И. Толоконский [научный сотрудник кабинета Революционного движения в странах Востока МВК. — В.В.], приветствуя доклад, указывает на то, что доклад ориентирован на интересы массового неподготовленного зрителя и как раз и выражает требования, предъявляемые им к экспозиции. Последняя должна быть ясна и понятна, и раз не выполнено это основное условие, экспозиция не удовлетворяет своему назначению.

В.А. Эйферт [член Бюро Просветработы МВК от Главнауки. — В.В.], еще раз останавливаясь на задачах работы Бюро и подчеркивая его рабочий характер, указывает, что в процессе внутренней работы Бюро должно вскрывать, и при этом в достаточно острой форме, все язвы и недочеты экспозиционной работы Музея. Если оно не будет этого делать, оно не выполнит своей обязанности и не даст Правлению тех материалов, из которых последнее должно сделать надлежащие выводы. Считая необходимым вести в Музее чисто научную работу, В.А. Эйферт указывает на возможность вести ее параллельно культурно-просветительной, но, во всяком случае, вне зал массового пользования, дабы не отпугивать рядового массового посетителя узкоспециальной экспозиционной обработкой материалов, в которых он не сумеет разобраться без предварительной подготовки. Именно поэтому он считает доклад А.И. Михайлова недостаточно заостренным и эту недостаточность приписывает тому обстоятельству, что в своем докладе докладчик исходил не только из интересов зрителя, но допустил и специальную критику экспозиции...

В.А. Гурко-Кряжин, указывая, что в настоящий момент дается лишь оценка экспозиции, а вовсе не оценка научной работы, проводимой Отделом, обращается к существу возражений против докладчика и прежде всего отмечает, что выставка была именно выставкой по ламаизму, а не выставкой б. коллекции Позднеева, на что имеются в протоколах Правления и в путеводителе совершенно определенные указания, равно как и на то, что иконографический принцип был применен вполне сознательно, в силу необходимости, обусловленной специфическим характером коллекции. Не считая себя специалистом в области буддийской, в частности, ламаистской культуры, В.А. Гурко-Кряжин, тем не менее, считает невероятным утверждение, будто к обработке имеющейся коллекции приложим как научный только иконографический метод, и указывает, что если бы даже вопрос и стоял так, то коллекцию не следовало бы выставлять вовсе. В заключение, касаясь вопросов о подготовительной работе докладчика, он считает Бюро не вправе связывать докладчика определенными указаниями на необходимость проработать вопрос с научным персоналом Отдела, ибо задачей его является осветить экспозиционную проблему с точки зрения интересов зрителя.

Я.Г. Лидак [заместитель директора МВК. — В.В.] считает все же необходимым для докладчика предварительное ознакомление с планами Отдела, хотя

выводы докладчика, конечно, могут разойтись с объяснениями Отдела. По существу же вопроса, т. е. по вопросу о приемлемости экспозиции Отдела, он солидаризируется с положениями докладчика и считает выставку по ламаизму в ее настоящем виде подлежащей свертыванию и возможной к открытию в будущем лишь на базе определенной антирелигиозной установки.

Б.Н. Засыпкин [профессор, научный сотрудник отдела Советского Востока МВК. — В.В.] отмечает необходимость согласовывать с Отделом выводы, предлагаемые докладчиком.

В.А. Гурко-Кряжин не согласен с Я.Г. Лидаком и подчеркивает, что анализ экспозиции вовсе не есть обследование Отдела с рабкриновской установкой, считает в ряде случаев такое предварительное обсуждение даже вредным, хотя и полагает, что предварительное знакомство с докладом заинтересованного Отдела, если даже не всех членов Бюро, безусловно должно иметь место.

А.И. Михайлов в заключительном слове указывает на отсутствие возражений по существу, т. е. на согласие с сущностью сделанного им анализа в части недостаточной просветительной ясности экспозиции. Возражая Б.П. Денике, он указывает, что если бы даже выставка имела задачей представить коллекцию Позднеева, то и в этом случае вряд ли можно согласиться с тем, чтобы Музей демонстрировал коллекции так, как их собирал коллекционер, и, во всяком случае, в течение двухлетнего срока. Возражая В.А. Эйферту, он считает необходимым дать не только точку зрения рядового посетителя, но, по возможности, дать и специальную критику, ибо он не представляет себе возможным такого резкого разграничения научной и культурно-просветительной деятельности, которая обуславливается этим разделением. В заключение он полемизирует с А.С. Стрелковым по поводу отдельных утверждений...

ПОСТАНОВИЛИ: а) Признавая в целом правильность выводов докладчика об устаревшем и не соответствующем новейшим требованиям характере экспозиции Среднего Востока, считать необходимым выставку свернуть, осведомив об этом Правление.

б) В соответствии с высказанными соображениями поручить Президиуму разработать тезисы по дальнейшей экспозиции Отдела, если таковая будет иметь место.

в) Поручить секретарю обеспечить в будущем предварительное ознакомление заинтересованного Отдела, а по возможности и всех членов Бюро с докладом или, по крайней мере, его тезисами.

(Архив ГМВ, 1928, кор. 2, оп. 1, д. 6/н, л. 36–37)

4.

Протокол № 4 заседания Бюро Просветработы Музея восточных культур от 7 декабря 1928 года:

СЛУШАЛИ: а) Б.П. Денике заявляет от имени А.С. Стрелкова о том, что заявление последнего о невозможности применения иного принципа (кроме иконографического) было истолковано его оппонентами неправильно, ибо касалось лишь наличных материалов.

Я.Г. Лидак напоминает, что, возражая А.С. Стрелкову, он указывал, что если экспозиция может быть только иконографической, она не должна иметь места, так как иконографический принцип противоречит современной установке Музея.

б) В.А. Гурко-Кряжин, докладывая об исполнении протокола в части постановления (пункт б), указывает, что Президиум воздержался от выработки тезисов по экспозиции отдела Среднего Востока, полагая, что гораздо более целесообразной явится выработка общих тезисов по всей экспозиции Музея, каковая может иметь место после проведения через Бюро Просветработы соответствующих докладов по всем отделам.

ПОСТАНОВИЛИ: Протокол № 3 от 23 ноября 1928 г. утвердить.

а) Принимая заявление Б.П. Денике к сведению, предложить А.С. Стрелкову подать соответствующее заявление для приобщения его к протоколам Бюро.

б) Действия Президиума Бюро одобрить.

(Архив ГМВ, 1928, кор. 2, оп. 1, д. 6/н, л. 38а)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Позднеев А.М. Города Северной Монголии. СПб., 1880; Позднеев А.М. Образцы народной поэзии монгольских племен. Вып.1. Народные песни монголов (Магистерская диссертация). СПб., 1880, и др.
- ² Святое Четвероевангелие // Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа. Пер. с греч. на калм. Издание Великобританского и Иностранного Библейского Общества. СПб., 1887.
- ³ Позднеев А.М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» с пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 по 1736 гг. СПб., 1883.
- ⁴ Иориш И.И. А.М. Позднеев — калмыковед // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 233.
- ⁵ Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу // ЗИРГО по отд. этнографии. Т. XVI. СПб., 1887.
- ⁶ Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А.М. Позднеевым. СПб., 1892.
- ⁷ Позднеев А.М. Калмыцко-русский словарь в пособии к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб., 1911.
- ⁸ Архив МИД РФ. Тихоокеанский стол, ф. 148, оп. 487, ед. хр. 27, л. 116.
- ⁹ Позднеев А.М. Поездка по Монголии в 1892–1893 гг. (Читано в экстренном заседании Императорского Русского Географического общества 23 ноября 1893 г.). СПб., 1894. С. 36.
- ¹⁰ Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. Т. 1–2 (Дневники и маршруты). СПб., 1896–1898.
- ¹¹ Письмо неизвестному. Архив ИНА РАН, ф. 44, оп. 2, ед. хр. 11.
- ¹² Полностью брошюра публикуется в Приложении.
- ¹³ Письмо А.А. Позднеева А.В. Позднееву из Сухуми в Москву от 7 октября 1962 г. Семейный архив Позднеевых.

- 14 Письмо ректору Донского университета от 8 июля 1920 г. Архив ИНА РАН, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 6.
- 15 Удостоверение врача. Архив ИНА РАН, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 6.
- 16 Лебедев П. Научная работа на Дону // Наука и ее работники. 1922. № 2. С. 36–37.
- 17 Письмо ректору Донского университета от 8 июля 1920 г. Архив ИНА РАН, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 6.
- 18 Заявление в Комиссариат Народного Просвещения от А.М. Позднеева. 1920. Архив ИНА РАН, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 7.
- 19 Письмо А.А. Позднеева (см. примеч. 13). Семейный архив Позднеевых.
- 20 Архив ИНА РАН, ф. 44, оп. 3, ед. хр. 6.
- 21 Письмо от 3 декабря 1920 г. Семейный архив Позднеевых.
- 22 Письмо от 27 августа 1922 г. Семейный архив Позднеевых.
- 23 Письмо от 22 ноября 1922 г. Семейный архив Позднеевых.
- 24 Письмо от 29 декабря 1922 г. Семейный архив Позднеевых.
- 25 Архив Отдела учета и хранения Государственного музея Востока. Здесь и далее ссылки на материалы этого архива даются в тексте без аббревиатуры отдела.
- 26 Главный архив Государственного музея Востока. Здесь нами обнаружены документы, которых нет в архиве Отдела учета и хранения. Здесь и далее ссылки на материалы этого архива даются с аббревиатурой ГМВ.
- 27 Действительное количество икон составляло 320 ед.
- 28 См. Приложение.
- 29 После закрытия выставки и ликвидации отдела Среднего Востока оставшаяся в Музее восточных культур часть тиража «листочка» А.С. Стрелкова была уничтожена. Авторы глубоко признательны заместителю директора Музея национальной культуры г. Казани Р.Г. Шагеевой и директору Национальной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета Ж.В. Щельвановой за любезно предоставленную копию этой брошюры. Полностью ее текст публикуется в Приложении.
- 30 Архивные документы музея не сохранили, к сожалению, сведений о том, состоялась ли поездка А.С. Стрелкова в Ленинград, и если да, то где и с каким материалом он там работал.
- 31 Справка из ФСБ РФ за № 10/А-1773 от 20.04.1998 г.: «Сообщаем, что по имеющимся сведениям Стрелков Александр Семенович, 13.07.1896 года рождения, уроженец г. Москвы, бывший научный работник ГАХНа, на момент ареста — научный сотрудник Государственного Музея Изящных Искусств г. Москвы, был арестован 23 марта 1930 г. «как активный участник контрреволюционной группировки» ст. 58–10 УК РСФСР («пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению

отдельных контрреволюционных преступлений...») и 58–11 УК РСФСР («всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений...»). Постановлением Коллегии ОГПУ СССР от 24 мая 1930 г. Стрелков А.С. из-под стражи освобожден под подписку о невыезде из г. Москвы ввиду того, что «из обстоятельств дела не вытекает необходимость дальнейшего содержания Стрелкова под стражей». Постановлением Коллегии ОГПУ СССР от 14 ноября 1932 г. дело по обвинению Стрелкова А.С. следствием прекращено ввиду того, что «предъявленное ему обвинение следствием не подтвердилось».

Вскоре после этого он покинул Москву и переехал в Ленинград, где в качестве действительного члена Государственного Эрмитажа в 1935–1937 гг. принимал деятельное участие в работах Оргкомитета по созыву III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. «По информации МВД России, Стрелков А.С. был арестован во второй раз УНКВД Ленинградской области 2 февраля 1938 г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 58–6 УК РСФСР («шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам...»). Постановлением НКВД СССР от 28 августа 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. Сведений об исполнении приговора нет... Какими-либо другими сведениями Центральный архив ФСБ России не располагает. Начальник подразделения А.П. Черепков».

- ³² 30 октября 1937 г. по обвинению в шпионаже был расстрелян младший брат Алексея Матвеевича, известный советский востоковед Дмитрий Матвеевич Позднеев. Вполне допустимо, что именно это послужило поводом для вынесения «приговора» собранию А.М. Позднеева в Государственном музее восточных культур.
- ³³ В их число случайно попали три экспоната, поступившие в музей из других собраний: 72 дф, 94 дф, 114 дф.
- ³⁴ Clark W.E. Two lamaistic pantheons // From materials collected by the late baron A. von Staël-Holstein. Vol.1–2. Cambridge, Massachusetts, 1937; Der Wiese und der Tor. Buddhistische Legenden. Leipzig und Weimar, 1978; Перих Ю.Н. Тибетская живопись. Самара, 2000.
- ³⁵ Подробное описание иконы 294 кп см.: Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей... С. 63–68.
- ³⁶ Эти изображения персонажей ламаистского пантеона составляют серию «300 бурханов». Судя по карандашной записи А.М. Позднеева на полях иконы № 5127–I, данный цикл был написан в «мастерской И-тай фирмы Чжу-юн-лун, помещ. на ул. Хуай-лун-цзе [далее неясно. — В.В.] Бэй-чжуан Цзя-цяо Сян. Возможно, что в Ханьчжоу или Сучжоу».
- ³⁷ О курильнице № 165 кп см. в Приложении.
- ³⁸ В данном каталоге экспонаты коллекции А.М. Позднеева перечисляются в последовательности номеров описи 1926 г., которые соответствуют номерам КП. В скобках и кавычках указывается атрибуция А.М. Позднеева, в скобках без кавычек — название или краткое описание предметов по книгам ДФ и актам передач. Поскольку коллекция собиралась в конце XIX в., то отсутствующие

в музейном собрании экспонаты мы посчитали более корректным условно датировать XIX веком. Описание сохранности и техники исполнения экспонатов в большинстве случаев отсутствует в актах передач, поэтому они не указываются в каталоге. Экспонаты, порядковые номера которых выделены полужирным шрифтом, хранятся в Государственном музее Востока.

Авторы пользуются возможностью поблагодарить хранителей Государственного музея Востока Э.В. Ганевскую, Д.Д. Никишенкову, И.Ф. Феденко, Л.А. Шмотикову, подготовивших экспонаты к публикации, а также Е.Д. Огневу и научных сотрудников музея, принявших дружеское участие в обсуждении текста работы.

- ³⁹ Учитывая высокий общественный интерес к буддийской тематике, авторы посчитали необходимым дополнить свой труд малоизвестной статьей А.М. Позднеева, которая представляет одну из многочисленных граней таланта этого выдающегося филолога, педагога, историка, экономиста и общественного деятеля России.
- ⁴⁰ Здесь А.И. Михайлов ссылается на ошибку, допущенную, очевидно, А.С. Стрелковым. Бодхисаттва «Белая Тара» не изображалась «многоликой и многорукой». Скульптура № 233 — это божество «Парнашабари».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАХН — Государственная академия художественных наук. Учреждена 7 октября 1921 г., а в 1930 г. преобразована в Государственную академию искусствознания
- ЗИРГО — Записки Императорского Русского Географического общества
- ИНА РАН — Институт народов Азии Российской академии наук
- МХПУ — Московский художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова
- НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории

СОДЕРЖАНИЕ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	5
ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА КОЛЛЕКЦИИ	17
СОСТАВ КОЛЛЕКЦИИ	34
КАТАЛОГ	38
ПРИЛОЖЕНИЕ	
А.М. ПОЗДНЕЕВ ЛАМАЙСКИЕ КУМИРЫ, ИЛИ СТАТУИ БОЖЕСТВ	73
А.С. СТРЕЛКОВ ВЫСТАВКА КОЛЛЕКЦИИ ПО ЛАМАИЗМУ	88
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ВЫСТАВКЕ КОЛЛЕКЦИИ ПО ЛАМАИЗМУ	92
ПРИМЕЧАНИЯ	102
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	106

Научное издание

Войтов Владимир Ефимович
Тихменёва-Позднеева Надежда Алексеевна

АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ ПОЗДНЕЕВ
И ЕГО ВОСТОЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Научный редактор *С.Н. Воробьёва*
Редактор *Е.В. Королёва*
Технический редактор *Л.И. Введенская*
Компьютерная вёрстка *Л.И. Агрофенина*
Корректор *О.Н. Зылаева*

ЛР № 071592 от 10.02.98

Подписано в печать 05.08.2001. Формат 84 x 108/16

Бумага офсетная и мелованная. Усл. печ. л. 18,9

Тираж 2000 экз. Заказ 1/793

Издательский дом «Агни»

Для писем: 443110, Самара, а/я 10468
Тел.: (8462) 70-32-87, 70-23-60, факс 70-23-85

e-mail: cdk@transit.ru

<http://www.agni.samara.ru>

Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом «Агни»
443110, Самара, Мичурина, 23

ВОЙТОВ Владимир Ефимович, кандидат исторических наук. В 1974 г. окончил исторический факультет МГУ по кафедре археологии. С 1977 г. работает в Государственном музее Востока, пройдя путь от экскурсовода до главного хранителя. Участник многих археологических экспедиций в Южной Сибири, Казахстане, Средней Азии, на Северном Кавказе и др. В 1976–1990 гг. — научный сотрудник советско-монгольской историко-культурной экспедиции. За участие в марте 1995 г. в гуманитарной миссии по спасению музейных ценностей г. Грозного награжден медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени.

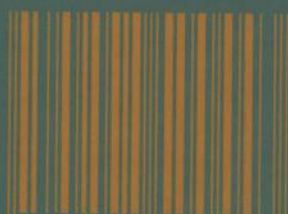
Автор монографии и ряда статей по археологии Центральной Азии. В последнее десятилетие особое внимание уделяет изучению истории музея Востока и его коллекций, в том числе собрания А.М. Позднеева.

ТИХМЕНЁВА-ПОЗДНЕЕВА Надежда Алексеевна, внучка А.М. Позднеева. Кандидат технических наук. В 1956 г. окончила Московский энергетический институт. Двадцать лет работала во Всесоюзном научно-исследовательском кинофотоинституте. С 1977 г. руководит лабораторией в НИИ телевидения и радиовещания.

С начала 1990-х годов начала заниматься исследованием жизни и творчества А.М. Позднеева. Первая работа «Жизнь А.М. Позднеева» была опубликована в 1996 г. в серии альманахов «Арабские истории» фонда «Мир Л.Н. Гумилёва».

Гухьясадхана Дхармараджа
Джамсаран (БЭК-ЦЗЗ)
Симхавактра
Рикшавактра Дакини
Рождение Будды. Седьмой шаг
Нирвана Будды
Медицинский будда
Субурган
Маудгальяяна
Будда Дипанкара
Сита-Ачала
Амитаяс
Лу Син с оленем
Пита Джамбхала
Ушнишавиджая
Манджушри
Архаты
Будда Ратнашиюкин, Будда Шакьямуни
Джанджа-хутухта
Зелёная Тара
Бодхисаттва
Будда
Отшельник

ISBN 5-89850-044-8

9 785898 500443